

Проект Психоморф – только бесплатные книги, музыка и обои...

Роджер Желязны. Девять принцев Амбера

Роджер Желязны. Девять принцев Амбера

Книга первая. Хроники Амбера

перевод М. Гилинского

Spellcheck: Андрей Варлашкин

Spellcheck: a_d_v

Spellcheck: M.o.j

ДЕВЯТЬ ПРИНЦЕВ В ЭМБЕРЕ

1

После целой вечности ожидания, кажется, что-то стало проясняться.

Я попытался пошевелить пальцами ног, и мне это удалось. Я лежал, распластавшись, в больничной постели. Обе мои ноги были в гипсе, но все-таки это были мои ноги.

Я изо всех сил зажмурился, потом открыл глаза -- и так три раза. Комната постепенно перестала вращаться передо мной и вокруг меня.

Но где это, черт побери, я находился?

Постепенно туман, застилавший мой мозг, начал рассеиваться, и я кое-что припомнил. Я вспомнил долгие темные ночи, санитарок и уколы. Каждый раз, как только я начинал приходить в сознание, меня тут же кололи из шприца какой-то гадостью. Так это все и было. Да. Именно так. Но сейчас я чувствовал себя вполне прилично. По крайней мере, наполовину. И им придется прекратить их лечение.

Придется ли?

Может быть, и нет, внезапно пришло мне на ум.

Естественный скептицизм относительно чистоты человеческих намерений прочно укоренился в моем мозгу. Да меня просто перекололи наркотиками, внезапно сообразил я. По моим ощущениям, никакой особой причины и необходимости в этом не было и не могло быть, но уж если они начали, то с какой стати им останавливаться именно сейчас? Ведь наверняка за это им было заплачено. Значит, действуй хладнокровно и сделай вид, что ты еще в дурмане, подсказал мой внутренний голос -- моя вторая половина, самая худшая, но и более мудрая.

Я последовал его совету.

Санитарка осторожно заглянула в палату примерно десятью минутами позже, и, конечно, я все еще храпел. Дверь тихо закрылась. К этому времени я восстановил кое-что из того, что произошло.

Я смутно припоминал, что побывал в каком-то происшествии. Что произошло потом -- было как в тумане, ну, а о том, что было до этого, я вообще не имел ни малейшего представления. Но сперва меня отвезли в обычный госпиталь, а потом перевели сюда, это я помнил. Почему? Этого я не знал.

Одако ноги мои были в полном порядке, это я чувствовал. По крайней мере, ходить я мог вполне, хотя и не помнил точно, сколько времени прошло с тех пор, как я их сломал, а то, что у меня было два перелома -- это я помнил. Голова у меня несколько кружилась, но вскоре это прошло и я поднялся, держась за железный прут изголовья кровати, и сделал свой первый

шаг.

Полный порядок -- ноги меня держали. Итак, теоретически, я был вполне способен уйти отсюда.

Я вновь добрался до кровати, улегся поудобнее и стал думать. Меня зазнобило, на теле выступил пот. Во рту отчетливо чувствовался вкус сладкого пудинга. В здании пахло гнилью.

Да, я попал в автомобильное происшествие, да еще какое...

Затем открылась дверь, впустив в комнату струю сильного электрического света из коридора, и сквозь щели век я увидел сестру со шприцем в руках. Она подошла к постели -- широкобедрая бабища, темноволосая и с толстыми руками.

Как только она приблизилась, я сел.

-- Добрый вечер, -- сказал я.

-- Добрый вечер, -- ответила она.

-- Когда я выписываюсь отсюда?

-- Это надо узнать у доктора.

-- Узнайте, -- сказал я.

-- Пожалуйста, закатайте рукав.

-- Нет, благодарю вас.

-- Но мне надо сделать вам укол.

-- Нет, не надо. Мне он не нужен.

-- Боюсь, что доктору виднее.

-- Вот и пригласите его сюда, и пусть он сам это скажет. А тем временем я не позволю делать себе никаких уколов.

-- И все же боюсь, что тут ничего нельзя сделать. У меня точные сведения.

-- Они были и у Эйхмана, а поглядите, что с ним сделали, -- и я медленно покачал головой.

-- Ах, вот как. Учтите, что мне придется доложить об этом... этом...

-- Обязательно доложите и, кстати, во время своего доклада не забудьте

сказать, что я решил выписаться отсюда завтра утром.

-- Это невозможно. Вы не можете даже стоять на ногах, а что касается внутренних повреждений и кровоизлияний...

-- Посмотрим, -- сказал я. -- Спокойной ночи.

Она исчезла из комнаты, не удосужившись ответить. Я вновь улегся поудобней и задумался.

Похоже было, что я нахожусь в частной клинике, а это означало, что кто-то должен был оплачивать счет, причем немалый. Но кто? Кого я знал? Я не мог вспомнить ни одного своего родственника или друга. Что из этого следовало? Что меня упрятали сюда враги? Я стал думать дальше. Ничего. И никого, кто мог бы поместить меня сюда.

Мой автомобиль упал с небольшого утеса, прямо в озеро, внезапно вспомнил я. И это было все, что я помнил. Я... Я весь напрягся и меня вновь прошиб пот. Я не знал, КТО Я ТАКОЙ.

И чтобы хоть чем-нибудь занять себя, я уселся на постели и принялся разбинтовывать повязки. Под ними все вроде было в порядке, да к тому же меня не оставляло чувство, что я все делаю правильно. Я сломал гипс на правой ноге, используя как рычаг железный прут, который выломал в изголовье кровати. У меня внезапно возникло такое чувство, что мне надо убраться отсюда как можно скорее, и что мне обязательно надо сделать что-то очень важное. Я несколько раз согнул и разогнул правую ногу. Полный порядок. Я разбил гипс на левой ноге, поднялся и пошел к стенному шкафу.

Моей одежды там не было. Затем я услышал шаги. Я вернулся на кровать и как можно более тщательно накрыл себя бинтами и разломанным гипсом. Дверь снова открылась. Затем комната ярко осветилась и у самого входа, у выключателя, я увидел здорового детину в белом халате.

-- Мне сказали, что вы тут грубо отказываетесь подчиняться нашей санитарке, -- сказал он, и здесь уж было не притвориться, что я сплю. -- Как это понять?

-- Не знаю, -- ответил я. -- Как?

Это его беспокоило на секунду-другую, затем, нахмурившись, он продолжал:

-- Сейчас время вашего вечернего укола.

-- Вы врач?

-- Нет, но мне велено сделать вам укол, а для этого у меня хватит специальной медицинской подготовки.

-- А я отказываюсь от укола и имею на это полное юридическое право. В конце концов, какое вам дело?

-- Я сделаю вам укол, -- он приблизился ко мне с левой стороны кровати.

В руке его появился шприц, который до этого он тщательно скрывал.

Это был очень некрасивый, грязный удар дюйма на 4 ниже пояса, если я не ошибаюсь, после которого он очнулся перед кроватью на коленях.

--, -- сказал он спустя некоторое время.

-- Еще раз подойдете ко мне, -- сказал я, -- и пеняйте на себя.

-- Ничего, мы умеем обращаться и с такими пациентами, -- с трудом выдал он из себя.

Тогда я понял, что наступило время действовать.

-- Где моя одежда? -- спросил я.

--, -- повторил он.

-- В таком случае мне придется позаимствовать вашу. Дайте ее сюда.

Его ругань в третий раз уже начала утомлять меня, так что пришлось накинуть на него простыню и оглушить железным прутом по голове. Примерно через две минуты я был одет во все белое -- цвет Моби Дика и ванильного мороженого. Какое уродство! Я запихал его в стенной шкаф и выглянул через зарешеченное окно. Я увидел старую луну с молодым месяцем на руках, качающую его над верхушками тополей. Трава серебрилась и переливалась тонким светом. Ночь слабо спорила с солнцем. Ничто не подсказывало мне, где именно я находился. Комната моя, тем не менее, находилась на третьем этаже здания, и

слева от меня, внизу, освещенный квадрат окна говорил о том, что на первом этаже тоже кто-то не спал.

Так что я вышел из комнаты и осмотрел коридор. Слева он заканчивался глухой стеной с зарешеченным окном, и по обе стороны располагались четыре двери, две на каждой. Скорее всего эти двери вели в такие же палаты, как и моя. Я подошел к окну, но не увидел ничего нового: те же деревья, та же земля, та же ночь. Я повернулся и направился в другую сторону. Двери, двери, двери -- без единой полоски света под ними, и единственный звук -- шлепанье моих ног, да и то только потому, что позаимствованная обувь оказалась слишком велика.

Часы моего вышибалы показывали 5 часов 44 минуты. Металлический прут я заткнул за пояс под белым халатом, и он очень неудобно бил меня во время ходьбы по бедру. На потолке коридора примерно через каждые 20 футов горела лампа дневного света. Добравшись до первого этажа, я свернул направо и пошел по коридору, высматривая дверь с выбивающейся из-под нее полоской света. Дверь эта оказалась самой последней по коридору, и я был так невежлив, что вошел в нее не постучавшись.

За большим полированным столом, наклонившись над одним из ящиков, сидел человек в роскошном халате. На палату эта комната что-то не походила.

Он поднял голову, и глаза его загорелись, а губы раздвинулись на секунду, как будто он хотел закричать, но удержался, увидев выражение на моем лице. Он быстро встал. Я закрыл за собой дверь, подошел ближе и сказал:

-- С добрым утром. Боюсь, у вас будут крупные неприятности.

Люди, по-видимому, никогда не излечатся от любопытства по поводу неприятностей, потому что те 3 секунды, которые потребовались мне, чтобы пересечь комнату, он спросил:

-- Что вы хотите этим сказать?

-- Я хочу сказать, что собираюсь подать на вас в суд за то, что вы держали меня взаперти, а также за издевательство и незаконное употребление

наркотиков. В настоящий момент у меня как раз начался тот период, когда мне необходим укол морфия, а поэтому я за себя не отвечаю и могу начать бросаться на людей и ...

-- Убирайтесь отсюда, -- выпрямился он.

Я увидел на его столе пачку сигарет. Закурив, я сказал:

-- А теперь сядьте и заткнитесь. Нам надо кое-что обсудить.

Сестр он сел, но не заткнулся.

-- Вы нарушаете сразу несколько правил.

-- Вот пусть суд и разберется в том, кто что нарушает. А теперь мне нужна одежда и личные вещи. Я выписываюсь.

-- Вы не в том состоянии...

-- Вас не спросили. Гоните мои вещи, или я действительно обращусь в суд.

Он потянулся к кнопке звонка на столе, но я откинул его руку в сторону, повторив:

-- Мои вещи. А это вам следовало сделать раньше, когда я только вошел.

Сейчас слишком поздно.

-- Мистер Кори, вы были очень тяжелым па...

Кори? Я перебил его:

-- Сам я сюда не ложился, но будьте уверены, выписаться отсюда я выпишусь. И причем сейчас. Так что вы не задерживайте меня.

-- Совершенно очевидно, что вы сейчас находитесь не в том состоянии, чтобы оставить стены этой клиники. Я не могу допустить этого. Сейчас я вызову санитаров, чтобы они помогли вам добраться обратно в палату и уложили бы вас в постель.

-- Не советую. В противном случае вы на себе испытаете, в каком я сейчас состоянии. А теперь ответьте мне на несколько вопросов. Во-первых, кто поместил меня сюда и кто платит за всю эту роскошь?

-- Ну, хорошо, -- он вздохнул и его маленькие усики печально опустились

долу. Он открыл ящик стола, сунул туда руку, и я насторожился.

Мне удалось выбить пистолет еще до того, как он отпустил предохранитель. Очень изящный Кольт .32. Подобрал пистолет с крышки стола, я сам снял его с предохранителя и направил в сторону доктора.

-- Отвечайте. По-видимому, вы считаете, что я опасен. Вы можете оказаться правы.

Он слабо улыбнулся и тоже закурил -- явный просчет с его стороны, если он желал выглядеть уверенным. Руки у него здорово тряслись.

-- Ну ладно, Кори. Если это вас успокоит, то поместила вас сюда ваша сестра.

-- ??? -- подумал я.

-- Какая сестра?

-- Эвелина.

И это имя мне ничего не говорило.

-- Странно, я не видел Эвелину много лет, -- сказал я. -- Она даже не знала, что я живу в этих местах.

-- И тем не менее... -- он пожал плечами.

-- А где она живет сейчас? Я хотел бы навестить ее, -- сказал я.

-- У меня нет при себе ее адреса.

-- В таком случае узнайте его.

Он поднялся, подошел к полке с картотекой, прочитал все, что было там написано.

Миссис Эвелина Флаумель...

Адрес в Нью-Йорке тоже был мне незнаком, но я его запомнил. Судя по карточке, меня звали Карл Кори. Прекрасно. Чем больше данных, тем лучше.

Я засунул пистолет за пояс, рядом с прутком, естественно, поставив его вновь на предохранитель.

-- Ну, ладно. Где моя одежда и сколько вы мне заплатите?

-- Вся ваша одежда пропала при катастрофе, и я все же должен сообщить

вам, что у вас были переломы обоих ног, причем на левой ноге было два перелома. Честно говоря, я просто не понимаю, как вы можете стоять. Прошло всего две недели...

-- Я всегда поправляюсь быстро. А теперь поговорим о деньгах.

-- Каких деньгах?

-- Которые вы заплатите мне без суда за незаконное содержание в клинике, злоупотребление наркотиками и так далее.

-- Не будьте смешным.

-- Кто из нас смешон? Я согласен на тысячу долларов наличными, только сейчас.

-- Я не намерен даже обсуждать этот вопрос.

-- А я все-таки советую вам подумать, ведь что там ни говори, посудите сами, что будут говорить о вашей клинике, если только я не промолчу. А я, вне всякого сомнения, обращусь в медицинское общество, газеты ...

-- Шантаж, и я на него не поддамся.

-- Заплатите вы мне сейчас или потом, после решения суда, мне все равно. Но если вы заплатите сейчас, это обойдется значительно дешевле.

Если он согласится, то тогда я буду твердо знать, что все мои догадки были верны и вся эта история достаточно грязна.

Он уставился на меня и молчал довольно долго.

-- У меня нет при себе тысячи, -- в конце концов сказал он.

-- В таком случае назовите цифру сами, -- предложил я.

После еще одной паузы он выдавил из себя:

-- Это вымогательство.

-- Ну, какие между нами могут быть счета. Валяйте. Сколько?

-- В моем сейфе есть долларов пятьсот.

-- Доставайте.

Тщательно осмотрев свой маленький стенной сейф, он сообщил мне, что там всего лишь 430 долларов, а так как мне не хотелось оставлять отпечатков

пальцев, пришлось поверить ему на слово. Я забрал купюры и засунул их во внутренний карман.

-- Где у вас тут ближайшая компания такси?

Он назвал место, и я проверил по телефонному справочнику, заодно уточнив, где я нахожусь.

Я заставил его набрать номер и вызвать мне такси, во-первых, потому, что не хотел показать ему, в каком состоянии моя память. Одна из повязок, которые я так тщательно удалил, была вокруг моей головы.

Когда он вызвал мне машину, я услышал и название клиники.

Частный госпиталь в Гринвуде.

Я затушил сигарету, вытащил из пачки другую и снял со своих ног примерно двухсотфунтовую тяжесть, сев в удобное коричневое кресло рядом с книжным шкафом.

-- Подождем здесь, и вы проводите меня до выхода, -- сказал я.

От него я больше так и не услышал ни слова.

2

Было часов восемь утра, когда шофер такси высадил меня на каком-то углу ближайшего города. Я расплатился и минут двадцать шел пешком. Затем я зашел в закусочную, устроился за столиком и заказал себе сок, пару яиц, тост, бекон и три чашки кофе. Бекон был слишком жирный.

Понаслаждавшись завтраком примерно час, я вышел из закусочной, дошел до магазина одежды и прождал там до девяти тридцати -- времени открытия.

Я купил себе пару брюк, три рубашки спортивного кроя, нижнее белье и ботинки. Я также выбрал себе носовой платок, бумажник и расческу.

Затем я разыскал Гринвудскую автобусную станцию и купил себе билет до

Нью-Йорка. Никто не попытался меня остановить. Никто, вроде бы, за мной не следил.

Сидя у окна, глядя на осенний пейзаж с быстро мчащимися по небу облачками, я попытался собрать воедино все, что знал о себе и о том, что со мной произошло.

Я был помещен в Гринвуд как Карл Кори моей сестрой Эвелиной Флаумель. Это произошло после автомобильной катастрофы, примерно двумя неделями раньше, при которой у меня были переломаны ноги, чего я сейчас не чувствовал. Я не помнил никакой сестры Эвелины. Персонал Гринвуда, очевидно, получил инструкции держать меня в постели и в беспомощном состоянии, по крайней мере, доктор был явно испуган, когда я пригрозил ему судом. Ну, что ж. Значит, кто-то по какой-то причине боялся меня. Так и придется себя держать.

Я вновь стал вспоминать о том, как произошла автомобильная катастрофа, и додумался до того, что у меня разболелась голова. И все же происшествие это отнюдь не было простой случайностью.

Я был в этом твердо убежден, хотя и не знал, почему. Ну, что ж, я выясню и это, и тогда кому-то не поздоровится. Очень, очень не поздоровится. Ненависть, сильная ненависть горячей волной обдала мне грудь. Кто бы ни пытался повредить мне, использовать меня, знал, на что он шел, и делал это на свой страх и риск, так что теперь ему не на что будет жаловаться, кто бы он ни был. Я почувствовал в себе сильное желание убить, уничтожить этого человека, и я внезапно понял, что эти ощущения не в новинку мне, и что в прошлой жизни своей я именно так и поступал. И причем не один раз.

Я уставился в окно, глядя на мертвые опадающие листья.

Добравшись до Нью-Йорка, я первым делом отправился в парикмахерскую побриться и подстричься, затем отправился в туалетную комнату и переодел рубашку -- терпеть не могу, когда шею щекоcut срезанные волосы. Пистолет Кольт .32, принадлежавший неизвестному индивиду в Гринвуде, лежал в правом

кармане моей куртки. Правда, если бы Гринвуд или моя сестра обратились в полицию с просьбой разыскать меня, да еще что-нибудь при этом приврали, то незаконное ношение оружия вряд ли сослужило бы мне пользу, но я все же решил, что так спокойнее. Сначала меня все же надо было найти, и я не знал, как будут разворачиваться события. Я быстро перекусил в ближайшем кафе, потом в течении часа ездил на метро и автобусах, соскакивая на самых неожиданных станциях, затем взял такси и назвал адрес Эвелины, якобы моей сестры, которая смогла бы освежить мою память. Проезжая по улицам города до Вестчестера, я обдумал план дальнейших действий и свое поведение при встрече.

И когда в ответ на мой стук дверь старинного большого дома отворилась практически сразу, я уже знал, что буду говорить.

Я все тщательно обдумал, еще когда шел по извилистой аллее-под'езду к дому -- мимо дубов-великанов и ярких осин, а ветер холодил мою только что подстриженную шею под поднятым воротником куртки. Запах тоника от моих волос смешивался с густым запахом плюща, обвивавшего стены этого старого кирпичного здания. Ничего не было мне знакомо и вряд ли я когда-либо был здесь раньше. Я постучал, и мне ответило эхо.

Затем я засунул руки в карманы и стал ждать.

Когда дверь отворилась, я улыбнулся и кивнул плоскогрудой служанке с большим количеством родинок на лице и пуэрториканским акцентом.

-- Да? -- сказала она.

-- Я бы хотел повидать миссис Эвелину Флаумель.

-- Как прикажете доложить?

-- Ее брат Карл.

-- О, входите, пожалуйста, -- сказала она мне.

Я вошел в прихожую, пол которой был выстлан мозаикой из бежевых и розовых крохотных плиток, а стены были целиком из красного дерева. Освещала прихожую серебряная с эмалью люстра, вся в хрустальных рожках. Девушка

удалилась, и я стал осматриваться, пытаюсь увидеть хоть что-нибудь знакомое.

Ничего. Тогда я стал просто ждать. Наконец служанка вернулась, улыбнулась, кивнула и изрекла:

-- Идите за мной, пожалуйста. Она примет вас в библиотеке.

Я пошел за ней; три лестничных пролета вверх, а затем по коридору мимо двух закрытых дверей. Третья дверь слева была открыта и служанка остановилась, приглашая меня войти. Я вошел, потом остановился на пороге.

Как и в любой другой библиотеке, повсюду здесь были книги. На стенах висели три картины -- два пейзажа и одна марина.

Пол был застлан тяжелым зеленым ковром. Рядом с большим столом стоял такой же большой глобус, с поверхности которого на меня смотрела Африка.

Позади стола и глобуса во всю стену протянулось окно со стеклом, по меньшей мере, восьмисантиметровой толщины. Но остановился я на пороге не потому.

На женщине, сидевшей за столом, было платье цвета морской волны с глубоким вырезом спереди, у нее были длинные волосы в локонах, по цвету напоминающие нечто среднее между закатными облаками и пламенем свечи в темной комнате, а ее глаза, я это чувствовал, знал, за большими очками, в которых она, по-моему, не нуждалась, светились такой голубизной, как озеро Эри в три часа пополудни ясным летним днем, цвет же ее сжатых коралловых губ удивительно гармонировал с волосами. Но все же остановился я на пороге не поэтому.

Я знал ее, эту женщину, знал, но абсолютно не помнил, кто она такая. Я вошел в комнату, тоже слегка сжав губы в улыбке.

-- Привет, -- сказал я.

-- Садись, -- она указала рукой на стул с высокой спинкой, в котором можно было удобно развалиться.

Я сел, и она принялась внимательно изучать меня.

-- Хорошо, что с тобой все в порядке. Я рада тебя видеть.

-- Я тоже. Как поживаешь?

-- Спасибо, хорошо. Должна признаться, что я не ожидала увидеть тебя здесь.

-- Знаю, -- чуть иронически ответил я, -- но я здесь, чтобы поблагодарить тебя за сестринскую заботу и ласку.

С иронией я говорил специально, чтобы посмотреть на ее реакцию. В это время в комнату вошла гигантская собака -- ирландский волкодав -- который дошел до самого стола и плюхнулся рядом.

-- Вот именно, -- ответила она с той же иронией, -- это самое малое, что я могла для тебя сделать. В следующий раз будь за рулем осторожнее.

-- Обещаю тебе, что в будущем я буду применять все меры предосторожности.

Я понятия не имел, в какие игры мы играем, но так как и она не знала, что я этого не знаю, я решил выудить из нее все, что только возможно.

-- Я подумал, что тебе будет небезынтересно, в каком я сейчас состоянии, поэтому я и пришел.

-- Да, -- ответила она. -- Ты что-нибудь ел?

-- Позавтракал часа два тому назад.

Она позвонила своей служанке и приказала накрыть стол. Затем осторожно обратилась ко мне.

-- Я так и думала, что ты сам выберешься из Гринвуда, когда поправишься. Правда, я не ожидала, что это будет так скоро и что ты явишься сюда.

-- Знаю, -- ответил я. -- Потому-то я и пришел.

Она предложила мне сигарету и я вежливо сначала дал прикурить ей, потом закурил сам.

-- Ты всегда вел себя неожиданно, -- сказала она после несколько затянувшейся паузы, -- Правда, в прошлом тебе это помогало, но не думаю, что ты что-нибудь выиграешь сейчас.

-- Что ты хочешь этим сказать? -- спросил я.

-- Ставка слишком велика для блефа, а мне кажется, что ты именно блефуешь, явившись ко мне вот так запросто. Я всегда восхищалась твоей смелостью, Корвин, но не будь дураком. Ты ведь знаешь, как обстоит дело.

КОРВИН? Запомним это наряду с "Кори".

-- А может быть, не знаю, -- ответил я. -- Ведь на некоторое время я был исключен из игры, верно?

-- Ты хочешь сказать, что ни с кем не связался?

-- Просто еще не успел.

Она наклонила голову в сторону, и ее удивительные глаза сузились.

-- Странно, но возможно. Не верится, но возможно. Может быть, ты и не врешь. Может быть. И я попробую тебе поверить сейчас. И если ты действительно не врешь, то ты поступил очень умно, и к тому же обезопасил себя. Дай мне подумать.

Я затаился сигаретой, надеясь, что она скажет еще что-нибудь. Но она молчала, а я думал о своем участии в этой игре, в которой я ничего не понимал, с игроками, которые были мне неизвестны, и о ставках, о которых я не имел никакого понятия.

-- Одно то, что я пришел сюда, уже говорит кое о чем, -- сказал я.

-- Да, знаю. Но ты слишком умен, поэтому говорить это может слишком о многом. Подождем. Тогда будет видно.

Подождем чего? Увидим что? Галлюцинацию?

К этому времени нам принесли бифштексы и кувшин пива, так что на некоторое время я был избавлен от необходимости делать загадочные замечания и тонко намекать на то, о чем не имел никакого понятия. Бифштекс был прекрасный -- розовый внутри, сочный, и я смачно захрустел своим поджаренным хлебом, запивая всю эту роскошь большим количеством пива. Она засмеялась, глядя, с какой жадностью я поглощаю пищу, нарезая свой бифштекс маленькими ломтиками.

-- Что мне в тебе нравится, так это жажда жизни, Корвин. И это -- одна из причин, по которой мне так не хотелось бы, чтобы ты с ней расстался.

-- Мне тоже, -- пробормотал я.

И пока я ел, я представлял себе ее. Я увидел ее в платье с большим вырезом на груди, зеленом, как может зеленеть только море, с пышной юбкой. Звучала музыка, все танцевали, позади нас слышались голоса. Моя одежда была двух цветов -- черная и серебряная, и ... Видение исчезло, но то, что я сейчас вспомнил, было правдой, и про себя я выругался, что понимаю только часть правды. Я налил из кувшина еще пива и решил попробовать на ней свое видение.

-- Я вспомнил одну ночь, когда ты была вся в зеленом, а я носил свои цвета. Как все тогда казалось прекрасно, и музыка...

На лице ее появилось мечтательное выражение, щеки порозовели.

-- Да, какие прекрасные были тогда времена ... Скажи, ты действительно еще ни с кем не связался?

-- Честное слово, -- сказал я, что бы это ни значило.

-- Все стало значительно хуже, и в Тени сейчас больше ужасов, чем даже можно себе представить...

-- И?... -- спросил я.

-- Он все в тех же заботах, -- закончила она.

-- О.

-- Да, и ему хотелось бы знать, что ты намереваешься делать.

-- Ничего.

-- Ты хочешь сказать?...

-- По крайней мере, сейчас, -- поспешно сказал я, потому что глаза ее слишком уж широко открылись от изумления, -- до тех пор, пока точно не буду знать, в каком положении находятся сейчас дела.

-- А-а.

И мы доели наши бифштексы и допили пиво, а кости отдали собакам. Второй

ирландский волкодав вошел в комнату незадолго до этого и тоже улегся у стола. Потом мы пили кофе маленькими глоточками, и я почувствовал по отношению к ней самые настоящие братские чувства, которые однако быстро подавил.

-- А как дела у других? -- наконец спросил я.

Ведь такой вопрос ни к чему меня не обязывал, а звучал он достаточно безопасно.

На минуту я испугался, что сейчас она спросит меня, кого я имею в виду. Но она просто откинулась на спинку стула, подняла глаза к потолку и сказала:

-- Как всегда, пока ничего нового не слышно. Возможно, ты поступил мудрее всех. Мне самой здесь так хорошо. Но как можно забыть все... величие?

Я опустил глаза долу, потому что не был уверен в их выражении, и сказал:

-- Нельзя. Просто невозможно.

Засим последовало долгое и неуютное для меня молчание, которое она нарушила.

-- Ты ненавидишь меня?

-- Что за ерунда, -- ответил я. -- Ведь что там ни говори, как я могу тебя ненавидеть?

Это, казалось, пришлось ей по душе, и она обрадованно обнажила в улыбке свой белозубый рот.

-- Хорошо. И спасибо тебе большое. Кем бы ты ни был, но ты настоящий джентльмен.

Я поклонился и расшаркался.

-- Ты вскружишь мне голову.

-- Ну, что ты там ни говори, а это навряд ли.

И я почувствовал себя неуютно. Моя ненависть и ярость вновь пробудились во мне, и я подумал, знает ли она, против кого они могут быть направлены. Я почувствовал, что знает. Я с трудом удержался от желания спросить ее об этом

в лоб.

-- Что ты думаешь делать? -- спросила она в конце концов, и мне ничего не оставалось делать, как туманно ответить:

-- Ну, конечно, ты ведь мне не веришь...

-- Как мы можем тебе верить?

Я решил запомнить это "мы".

-- Вот видишь. Так что в настоящее время я просто воспользуюсь твоим покровительством. Я буду только рад жить здесь, где тебе не составит никакого труда не выпускать меня из виду.

-- А дальше?

-- Дальше? Там видно будет.

В нашей беседе наступила довольно-таки длинная пауза. Она не выдержала ее первой и сказала:

-- Умно. Очень умно, и ты ставишь меня в неловкое положение.

< Честно говоря, мне больше некуда было идти, а на деньги, которые я выудил у доктора, долго не проживешь.>

-- Да, ты, конечно, можешь остаться, но я хочу предупредить тебя, -- тут она поиграла каким-то брелком, висевшим на цепочке на ее шее, -- что это -- ультразвуковой свисток, специально для собак. У Доннера и Блитцера четыре брата, каждый из них великолепно выдрессирован, и все они сбегаются на мой свисток. Так что поостерегись появляться там, где твое присутствие нежелательно. Если они нападут все вместе, то даже ты не выступишь долго против такой атаки. В Ирландии и волков-то не осталось после того, как там завели эту породу собак.

-- Знаю, -- механически ответил я, и тут же понял, что я действительно это знаю.

-- Да, -- продолжала она. -- Эрик будет доволен, что ты -- мой гость. Это вынудит его оставить тебя в покое, а ведь ты именно этого и хочешь, "Несе-па"?

-- " Уи, мадам ", -- ответил я.

Эрик ! Это что-то значило! Я знал Эрика, и почему-то это было очень важно, что я знал его. Правда, это было давно. Но Эрик, которого я знал, все еще был для меня очень важен. Почему?

Я ненавидел его, и это была одна из причин. Ненавидел его настолько, что даже мысль о том, что я могу его убить, была мне не в диковинку. Возможно, что когда-то я даже пытался это сделать.

И между нами существовала какая-то связь, это я тоже знал. Родственная?

Да, да. Именно это. Причем ни мне, ни ему не нравилось, что мы ... братья. Я помнил... помнил...

Большой, сильный Эрик -- с его влажной, кудрявой бородой и глазами -- такими же, как у Эвелины! На меня нахлынула новая волна воспоминаний, в висках отчаянно пульсировало, лоб покрылся испариной. Но ничего не отразилось на моем лице, и я медленно затянулся сигаретой и прихлебнул пиво, одновременно сообразив, что Эвелина действительно была моей сестрой! Только звали ее не Эвелиной -- это было точно. Что ж, придется вести себя еще осторожней, -- решил я. -- В конце концов, не так уж трудно вообще не называть ее по имени до тех пор, пока я не вспомню. А что же я сам? И что, наконец, все это значит? Эрик, внезапно ощутил я, был как-то связан с той моей автомобильной катастрофой. Она должна была закончиться моей смертью, но только я выжил. Не он ли и организовал ее? Да, подсказали мне мои ощущения. Это не мог быть никто другой, только Эрик. А Эвелина помогала ему, платя Гринвуду, чтобы меня держали в бессознательном состоянии. Лучше, чем быть мертвым, но ...

Внезапно я понял, что придя к Эвелине, я попался Эрику прямо в руки, стал его пленником, на которого можно напасть в любую минуту, если, конечно, я здесь останусь.

Но она сказала, что если я ее гость, то Эрику придется оставить меня в покое. Я задумался. Я не имел права верить всему, что мне говорили. Мне

придется все время быть настороже. Возможно, действительно будет лучше, если я уйду отсюда, пока моя память полностью ко мне не вернется.

Но в душе моей что-то меня подхлестывало. Почему-то мне казалось, что жизненно важно узнать, в чем дело, как можно скорее, и действовать, как только я все узнаю. У меня было чувство, что время дорого. Очень дорого. И если опасность была ценою за мою память, то быть по сему. Я остаюсь.

-- И я помню... -- сказала Эвелина, -- ...

Тут я понял, что она говорила со мной несколько минут, а я даже не слушал. Может, потому, что она болтала о пустяках, и я автоматически не слушал, а может, потому, что меня захлестнула волна моих собственных воспоминаний.

-- Я помню тот день, когда ты победил Джулиана в его любимых состязаниях, и он швырнул в тебя стакан с вином и проклял тебя. Но приз все-таки выиграл ты. И он внезапно испугался, что позволил себе лишнее. Но ты просто рассмеялся и выпил с ним другой стакан вина. Я думаю, он до сих пор раскаивается, что не сдержался тогда -- ведь он всегда такой хладнокровный, и мне кажется, что он здорово завидовал в тот день. Ты помнишь?! Мне кажется, что с тех пор он почти во всем старается подражать тебе. Но я ненавижу его по-прежнему и надеюсь, что когда-нибудь он все же споткнется, теперь-то я думаю, это будет скоро...

Джулиан, Джулиан, Джулиан. Да и нет. Что-то насчет состязания и спора на приз, и то, что я нарушил его легендарное самообладание. Да, в этом было что-то знакомое. Нет, я точно не помню, в чем же все-таки было дело.

-- А Каин, как здорово ты высмеял его! Он ненавидит тебя, ты ведь знаешь...

Насколько я понял, я не пользовался особой популярностью. И Каин тоже был мне знаком. Эрик, Джулиан, Каин, Корвин. Имена эти плыли в моей голове, переполняли меня.

-- Это было так давно... -- невольно вырвалось у меня.

-- Корвин, давай перестанем играть в жмурки. Ты хочешь от меня большего, чем просто безопасность, я это знаю. И у тебя еще хватит сил, чтобы не остаться в стороне, если ты поведешь себя правильно. Я не могу даже догадаться, что у тебя на уме, но может быть, мы еще сможем договориться с Эриком.

Это "мы" прозвучало фальшиво. Она явно пришла к определенным выводам относительно того, какую пользу я могу ей принести при данных обстоятельствах, каковы бы они ни были. Было ясно, что она почувствовала возможность урвать для себя лакомый кусочек.

Я слегка улыбнулся.

-- Скажи, ведь ты поэтому и пришел ко мне? -- продолжала она. -- У тебя есть какие-то предложения Эрику и ты хочешь, чтобы переговоры вел посредник?

-- Может быть. Только мне еще надо все хорошо обдумать. Ведь я совсем недавно поправился. И мне хотелось бы быть в удобном надежном месте, если придется действовать быстро, на тот случай, если я, конечно, решу, что мне лучше всего вести переговоры с Эриком.

-- Думай, о чем говоришь. Ведь ты знаешь, я доложу о каждом твоём слове.

-- Ну, конечно, -- сказал я, ничего на самом деле не знающий, и тут же попробовал перехватить инициативу, -- если, конечно, ты сама не решишь, что тебе лучше всего иметь дело со мной.

Ее брови сдвинулись и между ними пролегли короткие морщинки.

-- Я не совсем понимаю, что ты мне предлагаешь.

-- Я ничего не предлагаю, пока. Просто я ничего не скрываю и не лгу, а говорю, что ничего еще точно не знаю. Я не уверен, что хочу поговорить с Эриком. Ведь, в конце концов ... -- тут я сделал многозначительную паузу, потому что сказать по существу мне было нечего, хотя я чувствовал, что пауза эта не совсем убедительна. -- А что, у тебя есть другие предложения?

Внезапно она вскочила, схватившись за свисток.

-- Блейз! Ну конечно же!

-- Сядь и не смей меня, -- ответил я. -- Неужели я пришел бы к тебе вот так, запросто, проще говоря, отдался на твою милость, если бы речь шла о каких бы то ни было предложениях Блейза.

Рука, сжимавшая свисток, разжалась, она расслабилась и снова села на стул.

-- Может быть, ты и прав, -- сказала она после непродолжительного молчания, -- но ведь я знаю, ты -- игрок в душе, и ты можешь предать. Если ты пришел сюда, чтобы покончить со мной, то это было бы действительно глупо. Ведь кто-кто, а ты должен же знать, что сейчас я вовсе не такая важная птица. Да и кроме того, мне почему-то всегда казалось, что ты хорошо ко мне относишься.

-- Так оно и есть, -- с готовностью ответил я, -- и тебе не о чем беспокоиться. Успокойся. Однако странно, что ты заговорила о Блейзе.

Приманка, приманка, приманка! Мне много надо было знать.

-- Почему? Значит, он все-таки связался с тобой?

-- Я предпочитаю промолчать, -- ответил в надежде, что это даст мне какие-то преимущества, тем более, что судя по разговору, можно было себе представить, какую позицию занимает Блейз. -- Если бы это было так, я бы ответил ему то же самое, что и Эрику: " Я подумаю ".

-- Блейз, -- повторила она.

" Блейз, -- сказал я сам себе. -- Блейз, ты мне нравишься. Я забыл почему, и я знаю, что есть причины, по которым так не должно быть, но ты мне нравишься. Это я знаю. "

Некоторое время мы сидели молча, и я почувствовал сильную усталость, но ничем не проявил. Я должен быть сильным. Я знал, что должен быть сильным.

Я сидел совершенно спокойно и, улыбнувшись, сказал:

-- Хорошая у тебя здесь библиотека.

-- Спасибо, -- ответила она. -- Блейз, -- повторила она после очередной

паузы. -- Скажи, ты действительно думаешь, что у него есть хотя бы один шанс?

-- Кто знает, -- пожал я плечами. -- По крайней мере не я. Может, он и сам этого не знает.

Вдруг я увидел, что она уставилась на меня широко раскрытыми глазами. Даже рот у нее чуть приоткрылся. Она была изумлена.

-- Как это не ты? -- сказала она. -- Слушай, ты ведь не собираешься попытаться сам?

Тогда я рассмеялся, чтобы как-то сгладить ее вспышку. Кончив смеяться, я сказал:

-- Не болтай глупостей. При чем здесь я?

Но когда она сказала это, что-то я глубине моей души отозвалось, какая-то струна, и в голове молнией сверкнула мысль: "А почему бы и нет?"

Внезапно я почувствовал страх. Казалось, мой ответ, что бы он ни значил, все же успокоит ее. Она улыбнулась в ответ и махнула рукой в сторону встроенного в стену бара, слева от меня.

-- Я бы с удовольствием выпила ирландского.

-- Да и я не откажусь, -- я поднялся и налил нам два стакана.

-- Знаешь, -- сказал я, вновь удобно усевшись на стул, -- все-таки приятно сидеть с тобой вот так, наедине, хоть, может быть, это и ненадолго. По крайней мере, у меня возникают приятные воспоминания.

И она улыбнулась и вся засияла.

-- Ты прав, -- она хлебнула виски. -- Вот я сижу сейчас с тобой и мне так легко представить, что мы оба в Эмбере.

И бокал с виски чуть не выпал из моих рук.

Э М Б Е Р ! От этого слова горячая волна прокатилась по моей спине!

Затем она тихо заплакала, и я поднялся и полуобнял ее за плечи, чуть прижав к себе.

-- Не плачь, малышка. Не надо. А то мне самому становится что-то не по

себе.

Э М Б Е Р ! В этом слове заключалось что-то жизненно важное, пульсирующее, живое.

-- Подожди, еще наступят хорошие дни, -- мягко сказал я.

-- Ты действительно веришь в это?

-- Да, -- громко ответил я. -- Да, верю!

-- Ты сумасшедший! Может быть, поэтому ты всегда был моим самым любимым братом. Я почти верю во все, что ты ни говоришь, хоть я и знаю, что ты сумасшедший! -- затем она еще немного поплакала, потом успокоилась. -- Корвин, если тебе все же удастся, если каким-то чудом, которое даже Тень не может предугадать, ты добьешься того, чего хочешь, ты ведь не забудешь своей маленькой сестрички Флоримель?

-- Да, -- ответил я, внезапно осознавая, что это ее настоящее имя, -- да, я тебя не забуду.

-- Спасибо. Я расскажу Эрику только самое основное, а о Блейзе и о своих догадках вообще ничего не скажу.

-- Спасибо, Флора.

-- И все же я не доверяю тебе ни на секунду, -- добавила она. -- И, пожалуйста, не забывай этого.

-- Ты могла бы этого и не говорить.

Потом она снова позвонила своей служанке, которая проводила меня в спальню, где я умудрился с трудом раздеться, после чего свалился замертво в постель и проспал 11 часов кряду.

тоже не оставила. Служанка накрыла мне завтрак на кухне и ушла по своим служебным делам. Я отверг естественное желание попытаться выудить у нее все, что только можно, потому что либо она ничего не знала, либо ничего не сказала бы о том, что я хотел знать, а о моей попытке расспросить ее обязательно бы донесла Флоре. И раз так оказалось, что я остался на настоящий момент полновластным хозяином дома, я решил вернуться в библиотеку и попытаться разузнать там как можно больше, если, конечно, там было что узнавать. Да, кроме того, я люблю библиотеки. Мне в них очень уютно, и я всегда чувствую себя в полной безопасности за стеной слов, красивых и мудрых. Я всегда чувствую себя лучше, когда сознаю, что в мире осталось еще что-то, сдерживающее в нем все самое плохое.

Доннер, или Блитцер, или один из их родственников появился неизвестно откуда и пошел за мной на негнущихся ногах, нюхая носом воздух. Я попытался с ним подружиться, но это было все равно, что кокетничать с регулировщиком движения, который своим жезлом приказал тебе остановиться у обочины дороги. По пути в библиотеку я заглянул и в другие двери, но это были самые обычные комнаты, достаточно невинно выглядевшие.

Когда я вошел в библиотеку, Африка все еще была передо мной. Я закрыл за собой дверь, чтобы собаки мне не мешали, и прошелся по комнате, читая названия книг на стеллажах.

Тут было множество книг по истории. Помоему, они составляли основу всей этой коллекции. Были тут также книги и по искусству, большие и дорогие издания, и я пролистал некоторые из них. Обычно мне лучше всего думается, когда я думаю о чем-то совсем постороннем.

Меня немного удивило то, что Флора, очевидно, была богата. Если мы действительно были братом и сестрой, значило ли это, что я тоже был отнюдь не нищим? Я стал думать о своем доходе, социальном положении, профессии, занятии. У меня было ощущение, что денежный вопрос мало меня беспокоил и что когда мне нужны были деньги, я доставал их без всякого труда. Был ли у меня

тоже дом? Я не мог вспомнить.

Чем я занимался? Я уселся за столом и начал методически выискивать в себе те знания, которыми я мог о себе располагать. Это очень трудно -- исследовать самого себя, так сказать, со стороны, как человека незнакомого. Наверно, именно поэтому у меня ничего и не получилось. Что-то твое является частью тебя, и отделить это невозможно.

Обратиться к врачу? Эта мысль пришла мне в голову, когда я рассматривал некоторые анатомические рисунки Леонардо да Винчи. Почти рефлексивно я стал в уме повторять некоторые стадии хирургической операции. Тогда я понял, что в прошлом оперировал людей.

Но все это было не то. Хотя я и вспомнил, что у меня было медицинское образование, оно всего лишь было составной частью чего-то другого. Я знал, не знаю почему, что я не был практикующим хирургом. Кем же тогда я был? Кем еще?

Что-то привлекло мое внимание.

Сидя за столом, я мог видеть всю комнату до дальней стены, на которой среди всего прочего висела антикварная кавалерийская сабля, которую я как-то проглядел в прошлый вечер. Я поднялся, подошел к стене и взял саблю в руки.

Про себя я даже поцокал, увидев, в каком состоянии было оружие. Мне захотелось взять в руки масляную тряпку и абразив, чтобы привести саблю в надлежащий вид. Значит, я разбирался в антикварном оружии, по крайней мере, в рубящем.

С саблей в руке я чувствовал себя удобно и легко. Я отдал салют. Потом несколько раз провел атаку, сделал пару выпадов и принял оборонительную позицию. Да, я умел фехтовать.

Так что же у меня было за прошлое? Я оглянулся, пытаюсь увидеть еще что-нибудь, что могло бы прояснить мой ум.

Но больше ничего в голову мне не приходило, так что я повесил саблю на место и вернулся за стол. Усевшись поудобнее, я решил обследовать его

содержимое.

Я начал со среднего ящика, потом тщательно обследовал ящики с правой и левой стороны.

Чековые книжки, конверты, почтовые марки, листы бумаги, огрызки карандашей, резинки -- все, чего и следовало ожидать.

Каждый ящик я вытаскивал полностью и держал на коленях, пока исследовал его содержимое. Сделал я это не специально. Это было, очевидно, частью той подготовки, которую я получил в прошлом, и она говорила мне, что у ящика всегда надо осматривать боковые стороны и днище.

И тем не менее я чуть было не упустил из виду одну деталь, которая привлекла мое внимание лишь в самую последнюю минуту; задняя стенка правого нижнего ящика была ниже, чем у всех остальных.

Это говорило о чем-то, и когда я наклонился и заглянул внутрь пространства, куда вдвигался ящик, я увидел нечто похожее на небольшую коробочку.

Коробка эта оказалась небольшим потайным ящиком, который был заперт. Примерно минута ушла у меня на дурацкую возню со скрепками, булавками и, наконец, металлическим рожком для обуви, который я видел в другом ящике. Рожок для обуви был именно тем, что нужно.

В ящике лежала колода игральных карт.

И когда я увидел рисунок на обложке пачки, я вздрогнул, меня прошиб холодный пот и дыхание мое участилось.

Это был рисунок белого единорога на травянистом поле.

И я знал этот рисунок, но не мог вспомнить, что он значит, и мне было больно.

Я открыл пачку и вынул карты. Это была колода из одних картинок с их чашами, шпагами, копьями и всеми прочими атрибутами. Обычная укороченная колода -- но червовая масть была совсем не такой.

Я вставил на место оба ящика, но сделал это достаточно осторожно, чтобы

случайно не закрыть потайного, пока я не исследую колоду до конца.

Червовые картинки выглядели совсем как живые, казалось, они в любую минуту готовы были сойти со своих сверкающих поверхностей. На ощупь карты были холодными и мне доставляло удовольствие держать их в руках. Внезапно я понял, что когда-то и у меня была точно такая колода.

Я начал раскладывать карты на столе перед собой.

На одной из них был нарисован хитрый маленький человечек с острым носом, смеющимся ртом и копной соломенных волос. Он был одет в нечто, напоминающее костюм эпохи Ренессанса желтых, красных тонов. На нем был длинный плащ и обтягивающая короткая кожаная куртка. И я знал его. Его звали Рэндом.

Со следующей карты на меня смотрело бесстрастное лицо Джулиана. Его темные волосы свисали ниже плеч, в голубых глазах не отражалось ничего. Он был полностью покрыт белыми доспехами, именно белыми, а не серебристыми или с металлическим оттенком, и выглядел так, как будто с ног до головы был покрыт эмалью. Я знал, однако, что несмотря на кажущуюся легкость, даже на декоративность, доспехи эти невозможно было пробить, и они смягчали практически любой удар. Это был тот самый человек, которого я победил в его излюбленной игре, за что он бросил в меня стакан с вином. Я знал его, и я его ненавидел.

Затем я увидел смуглого, темноглазого Каина, одетого в черный и зеленый сатин, с треуголкой, небрежно сдвинутой набекрень, из которой торчал плюмаж перьев. Он стоял ко мне в профиль, откинув одну руку в сторону, вывернув носки сапог, и на поясе его висел кинжал, в рукоять которого был вставлен большой изумруд. Я не был уверен, как к нему отношусь.

Следующим был Эрик. Красивый по любым стандартам мужчина с волосами настолько черными, что они даже отливали голубизной. Борода его курчавилась у всегда улыбающегося рта. Одет он был в простой кожаный камзол, кожаные чулки, плащ и высокие черные сапоги, на красном поясе висела серебряная

шпага, скрепленная большим рубином, а высокий стоячий воротник и манжеты тоже были оторочены красным. Руки его, с большими пальцами, заткнутыми за пояс, выглядели сильными и уверенными. Пара черных перчаток свисала с пояса у правого бедра. Это он, я был уверен, пытался убить меня в тот день, и это чуть было ему не удалось. Я смотрел на него и чувствовал, что где-то я его боюсь.

Затем появился Бенедикт, высокий и суровый, худой телом и лицом, и с мощным умом. Его цвета были желтые, оранжевые и коричневые и это странным образом напоминало мне копны душистого летнего сена. У него был сильный волевой подбородок, карие глаза и каштановые волосы, которые никогда не вились. Он стоял рядом с гнедым конем, опираясь на копье, увенчанное гирляндой цветов. Он редко смеялся. Мне он нравился.

Когда я перевернул следующую карту, дыхание мое на секунду остановилось, и сердце чуть было не выпрыгнуло из груди. Это был я. Я знал себя и, глядя на карту, у меня возникло ощущение, что я гляжусь в зеркало. Зеленые глаза, черные волосы, весь в черном и серебряном.

На мне был плащ, и он был слегка подвернут, как бывает от порыва ветра. На мне были одеты черные сапоги, такие же, как у Эрика, и на боку у меня тоже висела шпага, только она была тяжелее, хотя и не такая длинная, как у него. На руках моих были перчатки, черные с серебристым отливом. Застежка плаща на шее была сделана в форме серебряной розы.

Я -- Корвин.

И высокий, мощный мужчина смотрел на меня со следующей карты. Он был похож на меня, только подбородок его был тяжелее, и я знал, что он больше меня, хотя и значительно медленнее. О его силе ходили легенды. Он был одет в серый с голубым обтягивающий костюм с широким черным поясом посередине, и он стоял и смеялся. Вокруг его шеи на тяжелой цепи висел серебряный охотничий рог. У него была коротко подстриженная борода и небольшие усики. В правой руке он держал кубок с вином. Я почувствовал к нему внезапную привязанность.

Тогда я вспомнил его имя. Жерар.

За ним следовал человек с большой светлой бородой и огненными волосами, весь разодетый в красные и желтые шелка. В правой руке он держал шпагу, а в левой -- кубок с вином, и сам дьявол плясал у него в глазах, таких же голубых, как у Флоры и Эрика. У него был узкий подбородок, но этот недостаток скрывала борода. Шпага его была выложена золотым орнаментом. Он носил два больших кольца на правой руке и одно -- на левой: изумруд, рубин и сапфир соответственно. Это, я знал, был Блейз.

Затем появилась фигура, похожая на Блейза и на меня. Мои черты лица, хотя и более мелкие, мои глаза, волосы Блейза и без бороды. На нем был охотничий зеленый костюм и сидел он на белой лошади лицом к правой стороне карты.

В нем чувствовались одновременно и сила, и слабость, воля и нерешительность. И я тоже и одобрял, и не одобрял этого человека, относился к нему хорошо, но не любил его. Звали его Брандт. Я знал его имя, как только посмотрел на карту. Сразу же.

Да, я знаю их всех, причем хорошо, -- неожиданно понял я, -- помню их всех со всеми достоинствами и слабостями, знаю, в чем их сила и как можно их победить.

Потому что они были моими братьями.

Я закурил сигарету из пачки, лежащей на столе, откинулся на спинку стула и попытался осознать все то, что вспомнил. Они были моими братьями, эти 8 странных людей, одетых в странные костюмы. И я знал, что это их право -- одеваться во что они пожелают, и что в этом нет ничего странного, так же как я имел полное право одеваться в черное с серебром. Затем я ухмыльнулся, вспомнив, что я купил в той маленькой лавочке в Гринвуде.

На мне были одеты черные брюки, и все три рубашки, которые я выбрал, были серовато-серебристого оттенка. Куртка моя тоже была черной.

Я вернулся к картам и увидел Флору в наряде зеленом, как море, совсем

такой, как я вспомнил ее в предыдущий вечер; затем черноволосую девушку с такими же голубыми глазами, причем волосы у нее были густые и длинные, а одета она была во все черное, с серебряным поясом вокруг талии. Глаза мои наполнились слезами, сам не знаю почему. Ее звали Дейдра. Затем появилась Фиона, с волосами такими же, как у Блейза или Брандта, моими глазами и жемчужной кожей. Я почувствовал ненависть к ней в ту самую секунду, когда карта ее открылась перед моими глазами. Следующей была Льювилла, с волосами под цвет ее нефритовых глаз, в переливающимся бледно-зеленом платье, с печальным мягким выражением на лице.

Почему-то я знал, что она была непохожа на всех нас. Но и она была моей сестрой.

Я почувствовал ужасное одиночество, отдаленность от всех них. И тем не менее, мне казалось, что я почти физически ощущаю их присутствие.

Карты были так холодны на ощупь, что я снова сложил их вместе, хотя и с явной и непонятной мне неохотой, что пришлось с ними расстаться. Но других картинок в червях не было. Все остальные были самыми обычными картами. И я почему-то -- ах! опять это "почему-то"! -- знал, что колода была неполна, и несколько карт в ней не доставало.

Однако я понятия не имел, что должно было быть на отсутствующих картах, и мне это было до странности печально. Я взял в руки свою сигарету и задумался. Почему все вспоминалось мне отчетливо, когда я держал карты в руках -- практически сразу же? Теперь я знал больше, чем раньше, но только из того, что касалось лиц и имен, все остальное как было, так и осталось в тумане. Я никак не мог понять всю важность того, что мы были изображены на картах. Хотя желание иметь у себя такую колоду было неизмеримо сильно.

Правда, Флорину колоду взять не удастся -- она сразу заметит пропажу, и у меня могут быть крупные неприятности. Так что пришлось положить ее в потайной ящик и вновь запереть его. А затем, господи, как я напрягал свой ум! Но все напрасно.

Пока не вспомнил магическое слово. Э М Б Е Р !

Это слово сильно взволновало меня в прошлый вечер. Видимо, даже слишком, потому что я избегал, хоть и невольно, думать о нем с тех самых пор. Но сейчас я стал повторять это слово в уме вновь и вновь, каждый раз обдумывая, какие оно вызывает у меня ассоциации.

Это слово навевало на меня тоску, желание и тяжелую ностальгию. В нем было чувство позабытой красоты и волнение мощи и силы, непреодолимой, почти божественной.

Это слово было для меня родным. Оно было частью меня, а я -- его. Внезапно я понял, что это название места, которое я когда-то знал. Но в голове моей не возникло никаких воспоминаний, с ним связанных, одни лишь чувства переполняли меня.

Как долго я сидел так, задумавшись, не помню. Время как бы перестало для меня существовать.

Как сквозь туман я услышал слабый стук в дверь. Ручка медленно стала поворачиваться, а затем служанка, которую звали Кармелла, зашла в библиотеку и спросила, не желаю ли я, чтобы мне был подан ленч.

Я желал, и ничтоже сумняшеся, последовал на кухню за ней, где и умял половину холодного цыпленка и кварту молока. Кофейник с черным кофе я забрал с собой в библиотеку, по пути тщательно обходя собак. Я допивал вторую чашку, когда зазвонил телефон. Мне очень хотелось поднять трубку, но я подумал, что в доме наверняка полно параллельных аппаратов, так что Кармелла подойдет и без меня.

Я ошибся. Телефон продолжал звонить. В конце концов я не выдержал и снял трубку.

-- Алло. Резиденция Флаумель.

-- Будьте любезны, попросите, пожалуйста, миссис Флаумель к телефону.

Голос был мужской. Человек говорил быстро и немного нервно. Он чуть задышался, и в телефоне слышались далекие другие голоса, что указывало на

звонок из другого города.

-- Мне очень жаль, -- ответил я, -- но в настоящий момент ее нет дома.

Может, чтонибудь передать, или вы позвоните еще раз?

-- С кем я говорю? -- требовательно спросил голос в трубке.

После некоторого колебания я ответил:

-- Это Корвин.

-- О, боже, -- сказал он.

Засим последовало довольно продолжительное молчание. Я было решил, что он повесил трубку, но на всякий случай снова сказал:

-- Алло.

И одновременно со мной он тоже заговорил:

-- Она еще жива?

-- Конечно, она еще жива! Какого черта! И вообще, с кем я говорю?

-- Неужели ты не узнал моего голоса, Корвин? Это Рэндом. Слушай. Я в Калифорнии, и я попал в беду. Я собирался просить у Флоры приюта. Ты с ней?

-- Временно.

-- Понятно. Послушай, Корвин, ты окажешь мне покровительство? -- он помолчал, потом добавил: -- Очень тебя прошу.

-- Настолько, насколько смогу. Но я не могу отвечать за Флору, пока не посоветуюсь с ней.

-- Но ты защитишь меня от нее?

-- Да.

-- Тогда мне это вполне подходит. Сейчас я попытаюсь пробраться в Нью-Йорк. Придется идти в обход, так что не могу сказать, сколько времени это у меня займет, но скоро увидимся. Пожелай мне удачи.

-- Удачи, -- сказал я.

Раздался щелчок повешенной трубки, и я снова услышал отдаленные голоса и тихие гудки.

Значит, хитрый маленький Рэндом попал в беду. У меня было такое

чувство, что меня это не должно особо беспокоить. Но сейчас он был одним из ключей к моему прошлому и, вполне вероятно, также и к будущему. Значит, я попытаюсь помочь ему, чем смогу, пока не узнаю от него все, что мне нужно. Я знал, что между нами не было никакой особой братской любви, но я также знал, что Рэндом отнюдь не был дураком.

С другой стороны, слово его не стоило выеденного яйца и, клянясь в вечной верности до гроба, ему ничего бы не стоило продать мой труп в любую анатомичку по его же собственному выбору, лишь бы хорошо заплатили. Я хорошо помнил этого маленького шпиона, к которому испытывал некоторую слабость, вероятно, из-за тех немногих приятных минут, которые мы провели вместе. Но доверять ему? Никогда! Я решил, что ничего не скажу Флоре до самой последней минуты. Пусть это будет моей козырной картой, если уж не тузом, то по меньшей мере, валетом. Я добавил горячего кофе к остаткам в моей чашке и начал медленно прихлебывать.

От кого он скрывался?

Явно не от Эрика, иначе он никогда бы не позвонил сюда. Затем я стал размышлять о его вопросе относительно того, жива ли Флора или нет, когда он услышал, что я здесь. Неужели она была такой сильной сторонницей моего брата, которого я ненавидел, что все родственники знали, что я прикончу ее, если только представится такая возможность? Это казалось мне странным, ведь он все-таки задал этот вопрос. И в чем они были союзниками? Почему всюду царит такая напряженная обстановка? И от кого скрывался Рэндом?

Эмбер. Вот ответ. Эмбер. Каким-то образом я точно знал, что ключ ко всему лежит в Эмбере, в каком-то событии, которое произошло там совсем недавно, насколько мне казалось. Мне придется быть начеку. Мне придется делать вид, что я все знаю, во всем разбираюсь, а тем временем выуживать сведения по ниточке и попытаться их сложить в одно целое. Я был уверен, что мне удастся это сделать. Слишком уж все не доверяли друг другу, так что мои умалчивания никого не удивят.

Придется сыграть на этом. Я узнаю все, что мне нужно, получу то, что хочу и не забуду тех, кто поможет мне, а остальных растопчу. Потому что я знал, что это был закон, по которому жила наша семья, я был истинным сыном своего отца...

Внезапно у меня заболела голова и запульсировало в висках. Эта мысль о моем отце, догадка, ощущение -- вот что вызвало эту боль. Но я ничего не мог вспомнить. Через некоторое время дверь открылась, и вошла Флора. Был поздний вечер.

На ней была зеленая шелковая блузка и длинная шерстяная юбка. Волосы ее были уложены пучком на затылке и выглядела она бледной. На шее все еще висел собачий свисток.

-- Добрый вечер, -- я встал с места.

Но она не ответила. Подойдя к стенному бару, она налила себе солидную порцию Джэка Дэниэльса и опрокинула рюмку как заправский мужчина. Вновь наполнила ее, подошла к столу и села на стул.

Я закурил сигарету и протянул ей. Она кивнула головой, потом сообщила:

-- Дорога в Эмбер -- почти невозможно пройти.

-- Почему?

Она посмотрела на меня достаточно изумленно.

-- Ты когда в последний раз ей пользовался?

Я пожал плечами.

-- Не помню.

-- Ну что ж, будь по-твоему. Просто мне интересно, какую лепту ты во все это внес.

Я промолчал, потому что понятия не имел, о чем она говорит. Но затем я вспомнил, что, кроме Дороги, попасть в Эмбер можно было куда более легким путем. Было совершенно очевидно, что она не могла им воспользоваться.

-- У тебя не хватает нескольких Червовых Карт, -- внезапно сказал я, почти что своим настоящим голосом.

Она подскочила на стуле и пролила виски.

-- Отдай! -- вскричала она, хватаясь за свисток.

Я быстро встал и схватил ее за плечи.

-- Я их не взял. Просто посмотрел, что к чему.

Она явно успокоилась, потом начала тихо плакать, и я мягко подтолкнул ее обратно к стулу.

-- Я думала, ты забрал те, что я оставила. Да и как еще я могла понять твои слова?

Я не стал извиняться. Мне почему-то казалось, что для меня это совсем не обязательно.

-- И далеко ты ушла?

-- Совсем недалеко.

Тут она посмотрела на меня, рассмеялась и в глазах ее зажглись огоньки.

-- Так значит, это твоих рук дело? Ты закрыл мне дорогу в Эмбер еще до того, как явиться сюда? Ты ведь знал, что я пойду к Эрику. Теперь мне надо ждать, когда он придет сюда. Ты хотел заманить его сюда, верно? Но ведь он кого-нибудь пришлет. Он не явится сюда сам.

Странная нотка восхищения проскользнула в голосе этой женщины, которая спокойно призналась, что собирается предать меня врагу, и, более того, обязательно предаст, если только ей представится эта возможность, когда она говорила о том, что она считала я сделал, чтобы помешать ее планам. Как могла она спокойно признаваться в предательстве в присутствии предполагаемой жертвы? Ответ сам собой возник в моей голове: таковы были все в нашей семье. Нам ни к чему было хитрить друг с другом. Хотя мне почему-то казалось, что у нее все же отсутствует настоящий профессионализм.

-- Неужели ты думаешь, что я настолько глуп, Флора? Неужели ты думаешь, что я явился сюда и буду теперь просто сидеть и ждать, пока ты не преподнесешь меня Эрику на блюдецке с голубой каемочкой? Что бы там тебе ни помешало, так тебе и надо.

-- Ну хорошо, я была душой. Но и ты не особенно умен! Ведь и ты находишься в ссылке!

Ее слова почему-то причинили мне боль, но я знал, что она ошибается.

-- Еще чего! -- сказал я.

-- Так я и знала, что ты разозлишься и признаешься, -- опять рассмеялась она. -- Что ж, значит, ты ходишь в Отражениях с какой-то целью. Ты сумасшедший.

Я пожал плечами.

-- Чего ты хочешь на самом деле? Почему ты пришел ко мне?

-- Мне просто было любопытно, что ты собираешься делать, -- ответил я.

-- Вот и все. Ты не можешь удержать меня здесь, если я этого не захочу. Даже Эрику это никогда не удавалось. А может быть, к старости я становлюсь сентиментальным. Как бы то ни было, я еще немного у тебя поживу, а потом, наверное, уйду совсем. Если бы ты не поторопилась выдать меня, то в конечном счете, может, ты выгадала бы несколько больше. Помнишь, ты только вчера просила, чтобы я не забыл тебя, если произойдет одно обстоятельство...

Прошло несколько секунд прежде, чем она поняла, о чем я говорю, хотя сам я этого не понимал.

Затем она сказала:

-- Значит, ты собираешься сделать эту попытку! Ты действительно собираешься?

-- А вот в этом можешь даже не сомневаться. Собираюсь! -- сказал я, зная, что о чем бы мы не говорили, я действительно собирался делать ЭТО. -- Ты можешь сообщить об этом Эрику, если хочешь. Но только помни, если это произойдет. лучше быть моим другом, а не врагом.

Я чертовски хотел хотя бы приблизительно знать, о чем это я говорю, но теперь я уже набрался достаточно всяких слов и понимал, что стоит за ними, для того, чтобы вести более или менее важные разговоры, не понимая их значения. Но я чувствовал, что говорю вещи правильные, что иначе я не мог

говорить...

Внезапно она кинулась мне на шею и расцеловала.

-- Я ничего ему не скажу. Нет, правда, Корвин! И, думаю, у тебя все получится. С Блейзом тебе, правда, будет трудно, но Жерар, наверное, захочет помочь, а может даже и Бенедикт. И когда Каин увидит, что происходит, он тоже к вам переметнется...

-- Я привык сам составлять свои планы.

Она опять подошла к бару и налила нам два бокала вина.

-- За будущее, -- сказала она.

-- За будущее грех не выпить.

И мы выпили. Затем она вновь наполнила мой бокал и пристально на меня посмотрела.

-- Эрик, Блейз или ты. Да, больше некому. И ты всегда был умен и находчив. Но о тебе так давно не было ни слуху, ни духу, что я даже не считала тебя претендентом.

-- Никогда не надо зарекаться.

Я хлебнул вино, надеясь, что она замолчит хоть на минуту. Уж слишком очевидно она пыталась вести двойную игру. Меня что-то смутно беспокоило, и мне хотелось подумать об этом в тишине.

Сколько мне было лет? Этот вопрос, я знал, был частью ответа на то мое чувство отдаления и отчужденности к людям, которое я испытал, глядя на игральные карты (лет 30, если верить зеркалу, но теперь я знал, что все зависело от Отражений). Я был куда старше, и прошло много времени с тех пор, как я видел своих братьев и сестер вместе, в другой обстановке, такими же непринужденными, какими они были на картах.

Мы услышали звонок во входную дверь и шаги служанки Кармеллы, которая пошла открывать.

-- А это -- брат Рэндом, -- сказал я, чувствуя, что не ошибся. -- Я обещал ему свое покровительство.

Ее глаза расширились, затем она улыбнулась, как бы оценивая по заслугам тот умный поступок, который я совершил.

Конечно, ничего подобного у меня и в мыслях не было, но я был рад, что она так думает.

Так я чувствовал себя безопаснее.

4

Безопаснее я чувствовал себя минуты три, не более. Я успел к входной двери раньше Кармеллы и распахнул ее.

Он ввалился в комнату и немедленно запер за собой дверь и закрыл ее на крюк. Над его голубыми глазами собрались морщинки, на нем не было плаща и обтягивающей кожаной куртки. Ему давно следовало бы побриться, и одет он был в обычный коричневый шерстяной костюм. Через его руку было переброшено легкое габардиновое полупальто, на ногах были кожаные туфли. Но это был все же Рэндом -- тот самый, которого я видел на карте, только его смеющийся рот выглядел усталым, а под ногтями была грязь.

-- Корвин, -- сказал он и обнял меня.

Я сжал его плечо и сказал:

-- Ты так выглядишь, что рюмка-другая тебе не помешают.

-- Да, да... -- согласился он, и я подтолкнул его к библиотеке.

Минуты через три после того, как он уселся с рюмкой виски в одной руке и зажженной сигаретой в другой, он сказал:

-- Они за мной гонятся. Скоро будут здесь.

Флора вскрикнула, но мы не обратили на нее никакого внимания.

-- Кто? -- спросил я.

-- Из других Отражений. Понятия не имею, кто они и кто их послал. Их

четверо или пятеро, а может быть, и шестеро. Они были со мной в самолете. Я зафрахтовал самолет. Это произошло недалеко от Денвера. Я несколько раз менял направление самолета, чтобы сбить их с курса, но это не помогло, а мне не хотелось слишком уклоняться в сторону. Я избавился от них в Манхеттене, но все это вопрос времени. Думаю, что скоро они явятся сюда.

-- И ты не знаешь, кто их послал?

Он коротко ухмыльнулся.

-- Кто кроме кого-нибудь из нашей семьи? Может быть, Блейз, может быть, Джулиан, а может быть, Каин. Может быть, даже ты, чтобы я пришел сюда. Хотя, я надеюсь, что это не так. Ведь это был не ты?

-- Боюсь, что нет. И насколько это серьезно?

Он пожал плечами.

-- Если бы их было всего двое-трое, я бы попытался устроить засаду. Но их слишком много.

Он был человеком небольшого роста, примерно 5 футов, 6 дюймов, и весил не более 135 фунтов. Но когда он говорил, что смог бы справиться с двумя-тремя громилами, он не шутил. Внезапно я подумал о том, насколько я сам физически силен, раз уж был его братом. Я чувствовал себя достаточно сильным физически. Я знал, что могу встретиться в поединке с любым человеком, не особенно беспокоясь за себя. Так насколько же я был физически силен?

Внезапно я понял, что вскоре мне предоставится возможность это выяснить.

Во входную дверь громко постучали.

-- Что будем делать? -- спросила Флора.

Рэндом рассмеялся, развязал галстук, кинул его на стол поверх своего полупальто. Затем он снял пиджак и оглядел комнату. Взгляд его остановился на сабле, и в ту же секунду он бросился к стене и схватился за рукоятку. Я почувствовал в своем кармане тяжесть пистолета и снял его с предохранителя.

-- Делать? -- спросил Рэндом. -- Существует вероятность того, что они проберутся в дом. А следовательно, они будут здесь. Когда ты в последний раз дралась, сестричка?

-- Слишком давно.

-- Тогда постарайся вспомнить, как это делается, поскорее, потому что времени осталось совсем мало. Кто-то их направляет, это я точно могу сказать. Но нас тут трое, а их всего шестеро. Так что можно не беспокоиться.

-- Мы не знаем, кто они, -- сказала она.

-- Какая разница?

-- Никакой, -- вставил я. -- Может быть, мне пойти и открыть дверь?

Оба они едва заметно вздрогнули.

-- Это безразлично, лучше подождем здесь.

-- Я могу позвонить в полицию, -- предложил я.

Они оба рассмеялись почти истерически.

-- Или позвать Эрика, -- внезапно сказал я, глядя на нее.

Но она отрицательно покачала головой.

-- У нас просто нет на это времени. Конечно, можно взять его Карту, но к тому времени, когда он сможет ответить -- и если он решит ответить -- будет слишком поздно.

-- Да к тому же ведь это может быть его рук дело, -- сказал Рэндом.

-- Сомневаюсь, -- ответила она. -- Сильно сомневаюсь. Это совсем не в его духе.

-- Верно, -- ответил я, просто чтобы что-то сказать и заодно показать им, что я разбираюсь в ситуации ничуть не хуже, чем они.

В дверь еще раз постучали, на этот раз значительно сильнее.

-- Послушай, а Кармелла не откроет? -- спросил я, невольно вздрогнув от этой мысли.

-- Я думаю, это практически невероятно, что она откроет двери на стук.

-- Но ты ведь не знаешь, с чем нам придется столкнуться, -- вскричал

Рэндом и внезапно выбежал из комнаты.

Я пошел за ним вдоль по коридору и в прихожую как раз вовремя, чтобы остановить Кармеллу, которая собиралась открыть дверь. Мы отослали ее в свою комнату, приказав запереть за собой дверь.

Рэндом заметил:

-- Это говорит нам о силах того, кто все это придумал. Как ты считаешь, что может произойти, Корвин?

Я пожал плечами.

-- Если бы я знал, я бы тебе сказал. Но не беспокойся, в настоящую минуту мы с тобой вместе против чего бы то ни было. Отойди-ка.

И я открыл дверь.

Первый громила попытался пройти в комнату, просто отпихнув меня в сторону, но жесткий удар локтем откинул его назад. Их было шестеро. Теперь это было видно.

-- Что вам угодно? -- спросил я.

Но в ответ не было произнесено ни слова, и я увидел пистолеты.

Резким ударом я вновь закрыл дверь и наложил крюк.

-- Да, это они, -- сказал я. -- Но откуда мне знать, что это не какой-нибудь трюк с твоей стороны, Рэндом?

-- Знать ты этого не можешь, но я дорого бы дал, чтобы твои слова были правдой. Выглядят они достаточно неприглядно.

С этим я не мог не согласиться. Ребята на крыльце были явно тяжеловесами, и шляпы их были надвинуты на лоб до самых глаз, так что лица были в тени.

-- Хотел бы я знать, на каком мы находимся свете, -- сказал Рэндом.

Где-то в барабанных перепонках я почувствовал слабое дрожание и понял, что Флора подула в свой собачий свисток. Так что, когда звон разбитого стекла справа от меня смешался со звуками воя и рычания, это меня не удивило.

-- Она свистнула собакам, -- сказал я. -- Шестерка волкодавов, которые при других бы обстоятельствах перегрызли бы горло нам двоим.

Рэндом кивнул, и мы оба направились на звуки высаживаемых окон. Когда мы подошли к гостиной, двое громил уже были в комнате, и у обоих были пистолеты.

Я убил первого и упал, стреляя во второго. Рэндом перескочил через меня, размахивая саблей, и я увидел, как голова громилы отделилась от туловища.

К этому времени через окно в комнату проникли еще двое. Я расстрелял по ним все патроны, одновременно вслушиваясь в рычание волкодавов вперемешку со стрельбой, но уже не из моего пистолета.

Я увидел на полу трех мужчин и такое же количество Флориных псов. Мне стало приятно от мысли, что мы разделались с половиной нападающих, и когда оставшиеся влезли в окно, я убил одного из них способом, который поверг меня в изумление.

Внезапно, не задумываясь, я схватил тяжелое дубовое кресло и швырнул его через всю комнату -- футов на 30. Кресло сломало позвоночник одному из громил.

Я бросился к двум другим, но прежде чем я успел добежать, Рэндом проткнул одного из них саблей и откинул на пол, чтобы его прикончили собаки. Потом он повернулся ко второму.

И этому, последнему оставшемуся в живых, ничего не удалось сделать. Правда, он убил одну из собак, но это был последний сознательный поступок в его жизни. Рэндом задушил его голыми руками.

На поверку вышло, что две собаки были убиты и одна тяжело ранена. Рэндом избавил ее от дальнейших мучений быстрым ударом сабли, и мы принялись изучать громил.

В их виде было что-то необычное.

В комнату вошла Флора и тоже стала помогать нам разбираться что к чему.

У каждого из них были красные, как бы налитые кровью глаза. Однако на их лицах это выглядело вполне естественно. К тому же на каждом пальце у них было по лишнему суставу.

Челюсти громил сильно выдавались вперед, когда я открыл одному из них рот, то насчитал 44 зуба, каждый из которых был значительно больше человеческого, и к тому же острее. Кожа на их лицах была толстой, серого цвета и твердой на ощупь. Несомненно, были и другие отличия, но и этих было вполне достаточно.

Мы собрали их оружие, и я подобрал себе три маленьких плоских пистолета.

-- Они из Отражений, это вне сомнений, -- сказал Рэндом, и я кивнул головой. -- И мне повезло. Они, кажется, совсем не ожидали, что у меня окажется такое подкрепление -- брат-военный, да с полтонны собак.

Он подошел к выбитому окну и выглянул на улицу, и я не стал вмешиваться в его действия, пусть сам смотрит.

-- Никого, -- сказал он через некоторое время. -- Уверен, что мы их всех уложили.

После чего он закрыл тяжелые оранжевые шторы и придвинул к окну тяжелую высокую мебель. Пока он возился, я обыскал карманы трупов.

Документов там не было никаких, но это уже меня особенно не удивило.

-- Пойдем обратно в библиотеку, -- сказал он, -- я так и не допил свой виски.

Прежде, чем усесться за стол, он тщательно вытер клинок сабли и повесил его на место. Тем временем я налил виски Флоре.

-- Так что будем считать, что временно я в безопасности, -- сказал Рэндом. -- Да еще учитывая, что теперь нас трое в одной лодке.

-- Похоже на то, -- согласилась Флора.

-- Господи, у меня крошки во рту не было со вчерашнего дня, -- об'явил Рэндом.

После чего Флора пошла сказать Кармелле, что теперь она может спокойно выйти, ничего не опасаясь, запретив ей совать свой нос в гостиную и приказав накрыть стол для обеда в библиотеке.

Как только дверь за Флорой закрылась, Рэндом повернулся ко мне и спросил:

-- Какие у вас с ней отношения?

-- Не поворачивайся к ней спиной, если останетесь наедине.

-- Она все еще работает на Эрика?

-- Насколько я знаю, да.

-- Тогда что ты здесь делаешь?

-- Пытаюсь выманить сюда Эрика. Он знает, что единственный способ до меня добраться -- это явиться сюда самому, и я хочу выяснить, насколько велико это его желание.

Рэндом покачал головой.

-- Не думаю, что он пойдет на это. Да и какая ему выгода? Пока ты здесь, а он там, для чего ему рисковать? Ведь его позиция сильнее. И если ты захочешь это изменить, то это тебе придется отправиться к нему, а не наоборот.

-- Я сам пришел к такому же заключению.

Глаза его сверкнули, и на губах заиграла старая усмешка. Он провел рукой по своим соломенным волосам и поглядел мне прямо в глаза.

-- Ты собираешься рискнуть?

-- Может быть, -- ответил я.

-- Не играй со мной в кошки-мышки, мальчик. Да ведь у тебя все на лице написано. Ты знаешь, мне почти что хочется присоединиться к тебе. Из всех моих связей мне больше всего нравится секс и меньше всего -- Эрик.

Я закурил сигарету, обдумывая услышанное.

-- Ты думаешь, -- сказал он, пока я думал, -- "Могу ли я верить Рэндому на этот раз? Он хитрый и коварный, и он, вне всякого сомнения предаст меня,

если только ему предложат более выгодную сделку". Верно?

Я кивнул.

-- Но все же, брат Корвин, вспомни, что хоть я и не делал для тебя ничего особенно хорошего, я никогда не причинял тебе вреда. О, несколько злых шуток, это я признаю. И, тем не менее, ты вполне можешь сказать, что из всей нашей семьи мы лучше всех понимали друг друга, по крайней мере, не путались друг у друга под ногами. Подумай. Кажется, я слышу шаги. Это или Флора или служанка, так что давай поговорим о чем-нибудь другом. Хотя нет... Быстрее! У тебя, надеюсь, есть с собой колода наших любимых фамильных карт?

Я покачал головой.

В эту минуту в комнату вошла Флора и сказала:

-- Сейчас Кармелла накроет на стол.

Мы выпили за предстоящий обед, и он подмигнул мне за ее спиной.

На следующее утро тела громил исчезли из гостиной, на ковре не было ни одного пятна крови, окно было совсем новое, и Рэндом об'явил, что он "принял надлежащие меры". Я не чувствовал себя достаточно подготовленным, чтобы расспрашивать его подробнее.

Мы одолжили у Флоры ее Мерседес и поехали покататься. Окружающие меня пригороды казались до странности измененными. Я никак не мог точно сообразить, чего в них не хватало или было нового, но чувствовал, что что-то было не так. Когда я попытался сообразить, что к чему, это вновь вызвало у меня приступ головной боли, так что я решил временно принимать вещи такими, какими они были.

Я сидел за рулем, Рэндом -- рядом со мной. Я небрежно заметил, что хотел бы опять оказаться в Эмбере -- просто так, чтобы посмотреть, как он отреагирует.

-- Меня всегда удивляло, -- ответил он, -- хочешь ли ты просто отомстить, или за этим кроется что-то еще.

Это был ответ в стиле моего замечания -- я мог либо сказать что-то,

либо промолчать. Молчать я не хотел, а потому сказал свою коронную фразу:

-- Я много думал об этом и взвешивал свои шансы. Знаешь, может быть я и "попробую".

Тут он повернул голову и бросил на меня один из своих взглядов (до этого он смотрел в боковое окно машины).

-- Наверное, каждый из нас мечтал о власти или, по крайней мере, думал о ней. По крайней мере, у меня такая мысль возникала, хотя я и отказался от нее сразу же. И, честно говоря, игра стоит свеч. Я знаю, ты сейчас спрашиваешь меня, помогу я тебе или нет. Да, помогу. Хотя бы для того, чтобы послать к черту всех остальных, -- он помолчал, потом спросил: -- Что ты думаешь о Флоре? Сможет ли она принести нам пользу?

-- Сомневаюсь, -- ответил я. -- Если все будет предreshено, она, конечно, присоединится к нам. Но что может быть сейчас предreshено?

-- Или потом, -- вставил он.

-- Или потом, -- согласился я, чувствуя, что такой ответ звучит так, как нужно.

Я боялся признаться ему, в каком состоянии находилась моя память. Я боялся также доверять ему целиком и полностью. Мне так много надо было знать, и не к кому было обратиться. Я сидел за рулем и думал о своем положении. Потом я спросил:

-- Так когда ты думаешь начать?

-- Как только ты будешь готов.

Вот я и дождался, наконец, и получил на орехи. Я абсолютно не знал, что делать дальше.

-- Как насчет сейчас?

Он молчал, потом закурил сигарету, помоему, чтобы выиграть время. Потом сказал:

-- Ну, хорошо. Когда ты там был в последний раз?

-- Так давно, что даже не помню. Я даже не уверен, как туда проехать.

-- Ху, хорошо. Сколько у тебя бензина?

-- Три четверти бака.

-- Тогда поверни налево и посмотрим, что будет.

Я повернул налево, и тротуары, мимо которых мы ехали, внезапно стали сыпать искрами.

-- Черт! -- сказал он. -- Я шел здесь лет 20 тому назад. Что-то слишком уж быстро я вспомнил то, что нужно.

Мы продолжали двигаться вперед, и я не переставал удивляться. Что, в конце концов происходило? Небо стало отдавать зеленым, потом розовым. Я закусил губу, чтобы не ляпнуть чего-нибудь лишнего.

Мы проехали под мостом и когда выехали с другой стороны, небо вновь приняло нормальный оттенок, но зато теперь нас со всех сторон окружали большие желтые мельницы.

-- Не беспокойся, -- быстро сказал Рэндом. -- Могло быть и хуже.

Я заметил, что люди, мимо которых мы проезжали, были одеты довольно странно, а дорога была из кирпича.

-- Сверни направо.

Я свернул.

Пурпурные облака закрывали солнце, начал накрапывать дождь. Дождь усилился, небо расколола молния, забушевал ветер. Щетки дворника работали на полную мощность, но и они мало помогали. Я включил фары и еще больше сбросил скорость.

Я мог бы поклясться, что мы проехали мимо всадника на коне, скачущего в противоположном направлении, одетого во все серое, с поднятым воротником и низко опущенной головой, прячущегося от дождя.

Затем облака раздвинулись, и мы стали ехать вдоль морского берега. Высоко вздымались волны, а огромные чайки носились низко над нами. Дождь прошел, и я выключил дворники и фары.

Дорога на сей раз была из щебенки, но этого места я вовсе не узнавал. В

боковое зеркальце я не видел города, который мы только что проехали. Я крепче сжал руль, когда мы неожиданно проехали мимо виселицы, на которой болтался повешенный за шею скелет, время от времени раскачиваемый порывами ветра.

Рэндом открыл окно, чтобы выбросить окурок, и ледяной ветерок пахнул мне в лицо, наполнив собой машину. Потом он снова закрыл окно. У ветерка был соленый, острый морской привкус.

-- Все дороги ведут в Эмбер, -- сказал он, как будто это была аксиомой.

Затем я вспомнил, что мне только вчера сказала Флора. Мне не хотелось быть вероломным или обманщиком, которым он мог посчитать меня за то, что я не сообщил ему этого раньше, но все равно я должен был сказать ему то, что знал, не только ради его безопасности, но и ради моей собственной.

-- Знаешь, -- сказал я, -- когда ты вчера звонил, Флоры действительно не было дома, и я уверен, что она пыталась проникнуть в Эмбер, но путь для нее был закрыт.

Тут он засмеялся.

-- У этой женщины почти нет никакого воображения, -- ответил он. -- Конечно, в это время путь будет закрыт. В конце концов нам придется идти пешком, в этом я не сомневаюсь, и чтобы попасть в Эмбер, нам потребуются все наши силы и хитрость, если только мы вообще туда попадем. Она что, решила, что сможет пройти как принцесса и путь ее будет устлан цветами? Она просто набитая дура, к тому же достаточно вредная. Ведьма. Она не заслужила того, чтобы жить, но не мне это решать -- пока. Сверни-ка здесь направо, -- неожиданно решил он.

Что происходило? Я знал, что в тех экзотических переменах, которые происходили вокруг нас, виноват он, но я никак не мог понять, как он это делает и куда мы в конце концов прибудем. Я знал, что мне необходимо понять, в чем тут секрет, но я не мог просто спросить его, иначе он поймет, что сам я ничего не знаю. И тогда я окажусь в полной его власти. Казалось, он ничего

не делал, только курил и смотрел в окно, но свернув направо, мы оказались в голубой пустыне с розовым солнцем, сияющим над нашими головами на переливающемся небе. В зеркальце, сзади, тоже простиралась пустыня -- на многие мили, насколько хватало глаз. Да, интересный фокус.

Затем мотор закашлял, чихнул, опять плавно заработал. Потом еще раз. Рулевое колесо под моими руками поменяло форму.

Оно приняло вид полумесяца и сидение, казалось, отодвинулось назад, сам автомобиль приобрел более низкую посадку, а ветровое стекло чуть приподнялось. Однако я ничего не сказал даже когда на нас обрушилась фиолетовая песчаная буря.

Но когда буря пронеслась мимо, я чуть не вскрикнул от удивления.

Примерно в полумиле от нас множество машин на дороге сбились в одну кучу. Все они стояли неподвжно, и я слышал, как они сигналили.

-- Скинь скорость, -- сказал он. -- Вот и первое препятствие.

Я сбросил газ, и нас обдало новым порывом ветра с песком. Я только собирался включить фары, как буря окончилась, и я несколько раз моргнул, чтобы убедиться, что не сплю.

Машин не было, гудки умолкли. Теперь вся дорога была в искрах, совсем как раньше тротуары, и я услышал, как Рэндом невнятно ругает кого-то:

-- Убежден, что поменял направление именно так, как он этого хочет, тот, кто поставил этот блок, и меня просто злость берет, что я сделал то, что он от меня хотел -- самое очевидное.

-- Эрик? -- сказал я.

-- Может быть. Как ты думаешь, что нам сейчас делать? Изберем трудный путь или поедем дальше и посмотрим, есть еще блоки или нет?

-- Давай еще немного проедем. В конце концов, это всего лишь первый.

-- Ну, хорошо, -- ответил он и добавил: -- Кто знает, каким будет второй?

Второй блок был существом -- я не знаю, какое к нему еще можно было

подобрать слово. Оно, существо, было похоже на плавильную печь с руками, шарящими по дороге, подбирающими автомобили и пожирающее их. Я ударил по тормозам.

-- В чем дело? -- спросил Рэндом. -- Не останавливайся. Как нам еще проехать мимо?

-- Я просто немного растерялся, -- сказал я, и он искоса бросил на меня странный взгляд.

Я знал, что сказал совсем не то, что нужно.

Налетела еще одна песчаная буря, и когда прояснилось, мы опять катились по ровной пустынной дороге. В отдалении виднелись башни.

-- Думаю, что надул его, -- сказал Рэндом. -- Пришлось закрутить несколько перемещений в одно, а этого, по-моему, он не ожидал. В конце концов, никто не может закрыть все дороги в Эмбер.

-- Что верно, то верно, -- я попытался хоть несколько исправить положение после тех слов, когда он искоса посмотрел на меня.

Я стал думать о Рэндоме. Маленький, хлиплый человечек, который мог погибнуть так же, как и я всего лишь вчера вечером. В чем была его сила? И о каких Отражениях все время идет речь? Что-то говорило мне, что чем бы ни были эти Отражения, мы сейчас двигались среди них. Но как? Это было явно делом рук Рэндома, но так как он сидит спокойно, курит и вообще был весь на виду, я решил, что проделывает это он с помощью своего мозга. Опять-таки как? Я, правда, слышал, как он говорил, что вот тут надо "прибавить", а тут "отнять", как будто вся вселенная была одним большим уравнением. Я решил -- и внезапно был уверен в правильности этого решения -- что он действительно прибавляет и вычитает в видимом окружающем нас мире, чтобы подвести нас ближе и ближе к этому странному месту -- Эмберу, и что это -- единственное решение, способ попасть туда.

И я тоже когда-то умел делать это. И ключ к этому умению, внезапно понял я, лежал в понимании Эмбера. Но я не мог вспомнить.

Дорога резко свернула, пустыня кончилась, повсюду расстились поля с высокой голубой травой. Через некоторое время пошли небольшие холмы, и у подножья третьего холма мостовая кончилась, и мы в'ехали на узкую грязную дорогу. Она была довольно ухабистой и кружила среди других высоких холмов, на которых рос небольшой колючий кустарник.

Примерно через полчаса холмы кончились, и мы в'ехали в лес из толстых квадратных деревьев с множеством дупел в стволах, с причудливо изрезанными листьями осеннего желтого и пурпурного цвета.

Начал накрапывать небольшой дождик, сгустились тени. От мокрых листьев, лежащих на земле, поднимался бледный туман. Откуда-то справа послышался звериный вой.

Рулевое колесо поменяло форму еще три раза, в последнем варианте превращаясь в деревянный пятиугольник. Автомобиль стал большим и высоким и на его капоте неведомо откуда появилось украшение в форме птицы фламинго. На сей раз я удержался от каких бы то ни было замечаний и ограничился тем, что молча пытался приспособиться к сидению, которое все время тоже меняло форму, и к управлению непривычным автомобилем. Рэндом, однако, посмотрел на рулевое колесо после его последнего превращения, покачал головой. И внезапно деревья стали значительно выше, с гроздьями лиан и множеством паутины, а машина вновь приобрела почти прежний вид. Я посмотрел на стрелку указателя бензина и увидел, что у нас осталось еще полбака.

-- Пока что мы движемся вперед, -- заметил мой брат, и я согласно кивнул головой.

Дорога внезапно расширилась и стала асфальтовой. По обеим ее сторонам расположились каналы, в которых текла грязная вода. Листья, маленькие ветки и разноцветные перышки плыли по ее поверхности. Внезапно я ощутил легкость во всем теле, и у меня закружилась голова.

-- Дыши медленнее и глубже, -- сказал Рэндом. -- Попробуем здесь пойти напрямик, и атмосфера, и гравитация некоторое время будут другими. По-моему,

нам до сих пор здорово везло, и я постараюсь воспользоваться этим до конца

-- под'ехать так близко, как только можно, и чем быстрее, тем лучше.

-- Неплохо придумано, -- заметил я.

-- Может быть, да, а может быть, и нет, но по крайней мере, игра стоит свеч... Осторожно!

Мы как раз в'ехали на холм, на вершине которого показался грузовик, несущийся теперь нам навстречу. Ехал он не с той стороны дороги. Я резко свернул в сторону, пытаюсь об'ехать его, но и грузовик повернул туда же. В самый последний момент мне пришлось резко свернуть и вырулить на мягкую грязь обочины, почти у канала, только чтобы не столкнуться. Справа от меня завизжали тормоза. Грузовик остановился. Я попытался дать задний ход и снова выбраться на дорогу, но машина прочно засела в мягкой грязи.

Затем я услышал, как хлопнула дверь, и увидел водителя, выбирающегося из правой дверцы машины, что означало -- мы, вернее всего, ехали не с той стороны дороги, а не он. Я был убежден, что нигде в Соединенных Штатах не было левостороннего движения, такого как в Англии, но к этому времени я давно уже не сомневался, что мы покинули Землю, которую я знал.

Грузовик был мощным бензовозом. На борту его было написано большими красными буквами ЗУНОКО, а внизу, помельче, девиз: "Мы ездим по всему миру!" Когда я вышел из машины и попробовал извиниться перед подошедшим водителем, он покрыл меня матом. Это был внушительный мужчина, одного роста со мной, но с почти квадратной фигурой, и в одной руке у него был зажат большой гаечный ключ.

-- Послушайте, я ведь извинился, -- сказал я ему. -- Чего вы еще хотите? Никто не пострадал, и машины тоже целы.

-- Таких дураков-водителей нельзя и близко подпускать к рулю! -- взвыл он. Вы -- угроза для общества!

В это время из машины вышел Рэндом, и в руке его был пистолет.

-- Послушайте, мистер, убирайтесь-ка отсюда подобру-поздорову! --

сказал он.

-- Убери пистолет, -- сказал я ему, но он поднял оружие и спустил предохранитель, прицелившись в шофера.

На лице последнего отчетливо выразился страх, у него даже отвисла нижняя челюсть. Он повернулся и бросился бежать. Рэндом поднял пистолет и тщательно прицелился в удаляющуюся спину. Мне удалось отбить его руку в сторону как раз в тот момент, когда он спустил курок. Пуля ударилась в мостовую и отлетела рикошетом в сторону.

Рэндом повернулся ко мне, и лицо его было почти белым от гнева.

-- Черт бы тебя побрал! -- воскликнул он. -- Пуля могла угодить в бензобак!

-- Она также могла попасть в того шофера.

-- Так что с того? Мы не воспользуемся этой дорогой по крайней мере целое их поколение. Этот ублюдок осмелился оскорбить принца Эмбера! Когда я стрелял, я думал о ТВОЕЙ чести.

-- Я сам в состоянии защитить свою честь, -- и чувство холодной могущественной ненависти и страсти внезапно охватило меня и заставило сказать: -- Потому что он был мой, и это я, а не ты властен был убить его или помиловать по своей воле.

И меня переполнило чувство ярости.

Тогда он склонил передо мной голову, и как раз в это время дверца грузовика захлопнулась и послышался шум удаляющегося мотора.

-- Прости меня, брат. Прости, что я осмелился. Но я был возмущен, когда услышал, как один из них разговаривает с тобой. Я понимаю, что мне следовало подождать, пока ты сам не решишь, что с ним делать или, по крайней мере, испросить у тебя разрешения прежде чем действовать.

-- Ну ладно, все позади. Давай попробуем теперь выбраться на дорогу и поехать дальше, если это, конечно, нам удастся.

Задние колеса увязли примерно до середины дисков, и пока я смотрел на

них, пытаюсь сообразить, что бы такое придумать, Рэндом окликнул меня:

-- Порядок, я ухватился за передний бампер. Возьмись за задний и давай вынесем его на дорогу, только теперь уже с левой стороны.

Он шутил. Правда, он говорил что-то о меньшей гравитации, но этого я почти не чувствовал. Я знал, что я -- человек сильный, но у меня были свои сомнения по поводу того, что я могу поднять Мерседес за задний бампер. Но с другой стороны, мне ничего не оставалось делать, потому что он ожидал от меня именно этого, а я не мог допустить, что бы он узнал о странных провалах в моей памяти. Так что я наклонился, ухватился поудобнее, выдохнул воздух и напряг ноги. С чавкающим звуком задние колеса выскочили из влажной грязи. Я держал свой конец машины примерно в двух футах от земли! Это было тяжело, черт побери! Это было тяжело, но я мог это сделать!

С каждым шагом я увязал в землю футов на 6. Но я нес машину, и Рэндом делал то же самое с другой стороны. Мы поставили автомобиль на дорогу, и он слегка качнулся на амортизаторах. Затем я снял ботинки, вылил из них жидкую грязь, вычистил пучком травы, выжал носки, отряхнул манжеты брюк и закатал их, бросил ботинки с носками на заднее сидение, вытер ноги, сел за руль босиком.

Рэндом сел рядом, хлопнул дверцей и сказал:

-- Слушай, я еще раз хочу сказать, что очень виноват перед тобой...

-- Брось! Я уже все забыл.

-- Да, но мне хочется, чтобы ты на меня не сердился.

-- Я не сержусь, -- сказал я. -- Просто на будущее, удержишься от убийства в моем присутствии, вот и все.

-- Можешь не сомневаться, -- пообещал он.

-- Тогда поехали дальше.

И мы поехали. Мы понеслись по каньону среди скал, затем очутились в городе, который, казалось, был сделан полностью из стекла или стеклозаменителя, с высокими зданиями, хрупкими и непрочными на вид, и с

людьми, на которых светило розовое солнце, высвечивая их внутренние органы и остатки их недавних обедов. Когда мы проезжали мимо, они останавливались и глазели на нас. Они собирались на углах улиц толпами, но ни один не попытался задержать нас или перейти дорогу перед нашей машиной.

-- Жители этого города, несомненно, будут рассказывать об этом происшествии долгие годы, -- заметил Рэндом.

Я кивнул.

Затем дорога кончилась и мы поехали по поверхности, которая казалась нескончаемым листом силикона. Через некоторое время он сузился и вновь перешел в нашу дорогу, а потом справа и слева от нас появились болота: низколежащие, коричневые по цвету и вонючие. В одном из них я увидел -- в этом я мог бы поклясться -- диплодока, который поднял голову и довольно неодобрительно глядел на нас.

Затем над нашими головами пронеслось, громко хлопая крыльями, похожее на летучую мышь создание. Небо сейчас было коричневоголубого цвета, а солнце на нем было бледнозолотым.

-- У нас осталось меньше четверти бака бензина, -- сказал я.

-- Хорошо, -- сказал Рэндом. -- Останови машину.

Я нажал на тормоза и откинулся в кресле. Прошло довольно много времени -- минут 5-6 -- а он все молчал.

-- Поехали, -- наконец сказал он.

Миля через три мы под'ехали к какой-то баррикаде из стесанных бревен, и я начал об'езжать ее. С одной ее стороны были ворота, и Рэндом сказал мне:

-- Остановись и посигналь.

Я так и сделал, и через некоторое время деревянные ворота распахнулись вовнутрь.

-- В'езжай смело, опасности нет, -- сказал он.

Я в'ехал, и слева от себя увидел три колонки с бензином, а неподалеку -- маленькое здание, какие я тысячами видел раньше при более ординарных

обстоятельствах. Я под'ехал к одной из колонок и стал ждать. Человек, вышедший из домика, был около пяти футов ростом, как пивная бочка в объёме, с похожим на клубниченку носом и шириной плеч как минимум в ярд.

-- Что угодно? -- спросил он. -- Заправить бак?

-- Просто бензин, -- ответил я.

-- Подвиньте немного машину, -- он указал, куда.

Я пододвинул машину и спросил Рэндома:

-- А мои деньги здесь годятся?

-- А ты посмотри на них.

Я открыл бумажник. Он был туго набит оранжевыми и желтыми купюрами с римскими цифрами на углах и инициалами "Д.Р."

Он ухмыльнулся, глядя, как я разглядываю купюры.

-- Вот видишь, я позаботился обо всем.

-- Ну и чудо. Между прочим, я проголодался.

Мы стали оглядываться вокруг и увидели рекламу человека, который подавал кентуккийского цыпленка-гриль совсем рядом. Реклама горела неонов.

Земляничный нос пошаркал ногой по какому-то бугорку на земле, чтобы сравнить его, повесил брезентовый шланг, подошел к нам и сказал:

-- Восемь Драгм Регумз.

Я нашел оранжевую бумажку с 5 Д.Р. и еще три с 1 Д.Р. и протянул их ему.

-- Спасибо, -- он сунул деньги в карман. -- Проверить масло и воду?

-- Давайте.

Он долил в радиатор немного воды, сказал, что уровень масла в норме и пару раз протер ветровое стекло грязной тряпкой. Затем он помахал рукой и пошел обратно в домик.

Мы доехали до местечка под названием Кенни Руа и купили небольшую корзину жареных цыплят-гриль и большой кувшин пива. Затем мы помылись на улице, погудели у ворот и подождали, пока нам их не открыл человек с

алебардой через плечо.

Затем мы снова выехали на дорогу.

Впереди нас показался динозавр. Он посмотрел на нас, поколебался, потом свернул налево. Над головой пролетели еще три птеродактиля.

-- Мне больно отказываться от неба Эмбера, -- сказал Рэндом...

И что бы это ни значило, я утвердительно хмыкнул в ответ.

-- Но я боюсь сделать все сразу, -- продолжал он, -- нас может разорвать на куски.

-- Согласен, -- согласился я.

-- С другой стороны, это место мне тоже не особенно нравится.

Я кивнул головой, мы продолжали ехать вперед, а силиконовая равнина кончилась, уступив место каменистой. Я осмелился спросить:

-- Что ты сейчас делаешь?

-- Теперь у нас есть небо, так что я попытаюсь сделать что-нибудь с равниной.

И каменистая поверхность стала превращаться в отдельные булыжники, когда мы ехали по ней. Под булыжниками проглядывала обнаженная черная земля. Еще через несколько минут я увидел островки зелени. Сначала их было немного, но трава была ярко-ярко зеленой, такой я ее никогда не видел на Земле, которую я знал. Скоро травы стало больше. Через некоторое время на нашем пути стали попадаться отдельные деревья. Затем лес. Но что за лес!

Я никогда еще не видел таких деревьев, могущественных и величественных, глубокого богатого зеленого цвета с крапинками золота. Они возвышались, подавляли. Это были огромные сосны, дубы, клены и много других деревьев, названий которых я не знал. В них шелестел ветерок с фантастически приятным, нежным запахом, который так и обвевал меня, когда я опустил окно.

-- Арденнский Лес, -- сказал человек, который был моим братом, и я знал, что он меня не обманывает, и я одновременно и любил его, и завидовал ему в его мудрости и знаниях, которых лишился.

-- Брат, -- сказал я. -- Ты все делаешь правильно. Даже лучше, чем я этого ожидал. Спасибо тебе.

Мои слова привели его в некоторое недоумение. Как будто до сих пор он не слышал от своей родни никогда ни одного хорошего слова...

-- Я делаю все, что в моих силах, -- ответил он. -- И обещаю тебе, что так будет до самого конца. Посмотри только! Теперь у нас есть и небо, и лес! Пока что все идет настолько хорошо, что даже не верится! Мы прошли больше половины пути, и ничего еще не остановило нас по-настоящему. Я считаю, нам здорово везет. Ты дашь мне Регентство?

-- Да, -- сказал я, не понимая, что это могло значить, но чувствуя, что хочу удовлетворить его просьбу, если это действительно в моих силах.

Он кивнул головой.

-- Тебя можно держаться, -- сказал он.

Он был маленьким хитрецом с маниакальной склонностью к убийствам, который, как я вспомнил, вечно против чего-то восставал. Наши родители пытались наказать его в прошлом, но я помнил, что у них это не получилось достаточно убедительно. И я внезапно понял, что у нас с ним были одни и те же родители, не так как в случае со мной и Каином, Блейзом и Фионой. Насчет других я не помнил, но тут был твердо уверен.

Машина шла по жесткой твердой дороге, среди царственных деревьев. Казалось, им не было ни конца, ни края. Я чувствовал себя здесь спокойно и хорошо. Изредка из придорожного кустарника выскакивал испуганный олень или удивленная лиса. Солнечный свет лучами проникал сквозь листья, становясь похожим на восточный редкий музыкальный инструмент. Ветерок пах влагой и нес с собой животворные запахи. Я понял, что хорошо знаю это место, что не раз в прошлом гулял по этой дороге. Я ездил через Арденский Лес верхом, гулял по нему, охотился в нем, лежал на спине под многими из его толстых ветвей, закинув руки за голову, глядя в небо. Я взбирался по многим из этих великанов и смотрел на зеленый мир, расстилающийся передо мной внизу и

постоянно переливающийся.

-- Как мне здесь нравится, -- сказал я, почти не понимая, что говорю вслух, пока Рэндом не ответил:

-- Ты всегда любил этот лес.

Мне показалось, что в голосе его проскользнула нотка удивления. Но я не был уверен. Затем в отдалении я услышал какой-то звук и понял, что это прозвучал охотничий рожок.

-- Прибавь скорость, -- внезапно сказал Рэндом. -- Похоже, что это охотничий рожок Джулиана.

Я повиновался. Звук рожка прозвучал еще раз, уже ближе.

-- Эти его проклятые гончие растерзают автомобиль на кусочки, а его птицы выключают нам глаза! Надо же было наткнуться на него, когда он так хорошо подготовлен к этой встрече. За чем бы он сейчас ни охотился, я знаю, он с наслаждением бросит любую дичь ради такой добычи, как два его брата.

-- Живи сам и дай жить другим, -- вот моя философия на сегодня, -- заметил я.

Рэндом ухмыльнулся.

-- Что за рыцарство! Могу поспорить, что оно продлится целых пять минут!

Затем звук рожка послышался еще ближе, и он выругался.

-- Черт!

На спидометре стрелка остановилась на цифре 75 миль, а ехать быстрее по такой дороге я боялся. А рожок звучал все ближе и ближе -- три долгих протяжных звука, и неподалеку слева я услышал лай гончих.

-- Мы сейчас почти на настоящей Земле, хотя все еще далеко от Эмбера, -- сказал мой брат. -- Бесполезно пробовать бежать через примыкающие Отражения, потому что, если он действительно преследует нас, он нас настигнет и там. Или его тень.

-- Что будем делать?

-- Прибавь еще газу и будем надеяться, что он все-таки гонится не за нами.

И звук рожка слышался еще раз, на сей раз практически рядом.

-- На чем это он скачет? -- спросил я. -- На локомотиве?

-- Насколько я могу судить, на Моргенштерне, самом могучем и быстром коне, которого он когда-либо создавал.

Я задумался над этим последним словом, вспоминая, что это все могло значить. Да, верно, подсказал мне мой внутренний голос. Он действительно создал Моргенштерна из Отражений, придав этому зверю силу и скорость урагана. Я вспомнил, что всегда боялся этого коня, и тут я увидел его.

Моргенштерн был почти на метр выше любого из коней, которых мне доводилось видеть. Глаза его были мертвого цвета, как у немецкой овчарки, седая грива развевалась по ветру, копыта блестели как отполированная сталь. Он неся за нашей машиной как ветер, а в седле его, пригнувшись, скакал Джулиан. Совсем такой, как на игровой карте, с длинными черными волосами, ослепительно голубыми глазами, одетый в белые сверкающие доспехи.

Джулиан улыбнулся нам и помахал рукой, а Моргенштерн вскинул вверх голову и его великолепная грива взметнулась на ветру, как флаг. Ноги его мелькали с такой скоростью, что их не было видно.

Я вспомнил, что Джулиан однажды заставил своего подручного одеть мою старую одежду и мучать лошадь. Вот почему она чуть не убила меня в тот день охоты, когда я спешил, чтобы освежевать оленя.

Я снова поднял окно машины, чтобы зверь не смог по запаху определить, что я нахожусь в ней. Но Джулиан заметил меня, и мне казалось, что я понимаю, что это означало. Вокруг него бежали штурм-гончие с их жесткими твердыми телами и зубами, крепкими, как сталь. Они тоже взяты из Отражения, потому что ни один пес не мог выдержать такой убийственной гонки. Но я знал с твердой уверенностью, что все, что раньше было для меня нормальным, таким здесь не было. Джулиан сделал нам знак остановиться, и я посмотрел на

Рэндома, который утвердительно кивнул в ответ.

-- Если мы не остановимся, он нас просто уничтожит, -- заметил он.

Так что я нажал на тормоз, сбросил скорость и остановился.

Моргенштерн взвился в воздух, присел на задние ноги, поднял передние и ударил в землю копытами. Собаки кружили неподалеку с высунутыми языками, тяжело вздымающимися боками. Лошадь была покрыта блестящей пленкой, и я знал, что это ее пот.

-- Какой сюрприз! -- сказал Джулиан своим медленным, почти ленивым голосом.

Это была его манера разговаривать, и пока он говорил, большой орел с темно-зеленым оперением, круживший у нас над головами, опустился и уселся ему на плечо.

-- Вот именно, ничего не скажешь, -- ответил я. -- Как поживаешь?

-- О, прекрасно, -- небрежно бросил он. -- Как всегда. А как дела у тебя и брата Рэндома?

-- В полном здравии, -- ответил я, а Рэндом кивнул головой и добавил:

-- Я думаю, что в эти беспокойные времена ты найдешь для себя другую забаву, кроме охоты.

Джулиан чуть наклонил голову и иронически посмотрел на него сквозь боковое стекло, сказав:

-- Мне доставляет наслаждение убивать зверей. И я постоянно думаю, что и своих родственников тоже.

По моей спине пробежал ощутимый холодок.

-- Меня отвлек от охоты шум вашей машины. Я сначала даже и представить себе не мог, что в ней окажетесь именно вы. Насколько я понимаю, вы путешествуете не просто ради удовольствия, а едете куда-то, скажем, в Эмбер, не так ли?

-- Так, -- согласился я. -- Могу я любопытствовать, почему ты здесь, а не там?

-- Эрик послал меня наблюдать за этой дорогой, -- сказал он, и рука моя невольно легла на рукоятку одного из пистолетов, заткнутых за пояс.

У меня возникло такое чувство, что доспехи его не пробить. Я подумал, что придется стрелять в Моргенштерна.

-- Ну что ж, братья, -- он улыбнулся. -- Я рад, что вы вернулись и пожелаю вам доброго пути. До свидания.

И с этими словами он повернулся и поскакал в лес.

-- Давай-ка уберемся поскорее отсюда подобра-поздорову. -- сказал Рэндом. -- Наверное, он собирается устроить засаду, а может, опять начнет преследование.

Тут он вытащил свой пистолет из-за пояса и положил его на колени. Я поехал вперед, теперь уже с довольно умеренной скоростью.

Минут через пять, когда я стал дышать поспокойнее, послышался звук рожка. Я нажал газ, зная, что он все равно нас догонит, но желая выиграть как можно больше времени и попытаться уехать как можно дальше вперед. Нас заносило на виражах, мы пролетали холмы и равнины. Один раз я чуть было не наехал на оленя, но в последний момент все-таки об'ехал его, не ударившись и не сбавляя скорости.

Звук рожка послышался еще ближе, и Рэндом начал бормотать про себя неприличные ругательства.

У меня было такое чувство, что нам предстояло еще довольно долго ехать по лесу, и это меня отнюдь не успокаивало.

Мы выехали на небольшой ровный участок дороги, и около минуты я мог вести машину почти с максимальной скоростью. Рожок Джулиана чуть отделился. Но затем мы выехали на тот участок леса, где дорога все время делала крутые зигзагообразные повороты, и мне пришлось сбросить газ. Джулиан вновь начал догонять нас.

Через шесть минут он появился в зеркале заднего обзора, летя вдоль дороги с гончими, лающими и скачущими вокруг него.

Рэндом опустил свое окно, высунулся из него и начал стрелять.

-- Черт бы побрал эти доспехи! -- сказал он. -- Я уверен, что попал в него дважды, а он даже не покачнулся!

-- Мне бы очень не хотелось убивать этого коня, -- заметил я, -- но все же попробую.

-- В него я тоже стрелял несколько раз, -- он с отвращением швырнул разряженный пистолет на пол кабины и вынул из-за пояса другой. -- Но либо я куда более плохой стрелок, чем я думал, либо правду говорят, что Моргенштерна может убить только серебряная пуля.

Из оставшейся обоймы он убил, однако, шестерых псов, но их осталось еще, по меньшей мере, две дюжины. Рэндом сказал мне:

-- Последнюю обойму я оставлю для головы Джулиана, если он под'едет достаточно близко! -- он уложил из одного из моих пистолетов еще пятерых псов.

Сейчас они находились от нас всего в пятидесяти футах, и все время нагоняли, так что я изо всех сил ударил по тормозам. Несколько собак не успели отскочить вовремя, но Джулиан внезапно исчез, и над машиной пронеслась огромная тень. Моргенштерн перепрыгнул через машину. Он заржал, и в то же время, как всадник развернул лошадь лицом к нам, я дал газ и машина рванулась вперед.

Величественным скачком Моргенштерн отпрыгнул в сторону. В зеркальце я увидел, как две собаки уцепились за задний бампер, оторвали его и вновь кинулись в погоню. Несколько собак валялись мертвыми на дороге, но их все еще оставалось 16-17.

-- Великолепно, -- сказал Рэндом. -- Но тебе повезло, что они не кинулись на колеса, иначе от резины остались бы одни только клочья. Наверное, им раньше никогда не приходилось загонять такую дичь, как автомобиль.

Я отдал ему свой последний пистолет, сказав:

-- Постарайся убить как можно больше собак.

Он расстрелял обойму спокойно, со снайперской точностью, и собак стало на 6 меньше.

А Джулиан скакал теперь рядом с машиной, и в руке у него была шпага.

Я нажал на гудок, надеясь вспугнуть Моргенштерна, но ничего не вышло. Я свернул в их сторону, но Моргенштерн грациозно прыгнул и избежал удара. Рэндом низко пригнулся на сидении, держа пистолет в правой руке, положив его на согнутый локоть левой и целясь мимо меня.

-- Не стоит пока стрелять, -- сказал я. -- Постараюсь взять его так.

-- Ты сумасшедший, -- сказал он мне, в то время как я вновь резко ударил по тормозам.

Тем не менее пистолет он опустил.

Как только машина остановилась, я распахнул дверцу и выскочил. О, черт, я ведь был босиком! Проклятье.

Я нырнул под удар его шпаги, схватил его за руку и выбросил из седла. Он ударил меня по голове своим бронированным левым кулаком, и у меня посыпались искры из глаз от невыносимой боли.

Он лежал там, куда упал, как пьяный, а вокруг меня прыгали собаки, пытаюсь укусить, а Рэндом отбивал их ногами. Я поднял шпагу Джулиана, которая валялась рядом, и приставил ее острие к его горлу.

-- Прикажи им убраться! -- закричал я. -- Или я пригвозжу тебя к земле!

Он стал резко что-то выкрикивать собакам, те отошли в сторону, недовольно ворча. Рэндом держал Моргенштерна за уздечку, но он с трудом справлялся с конем.

-- Ну, а теперь, дорогой мой брат, -- спросил я, -- что ты можешь сказать в свою защиту?

В его глазах зажегся холодный голубой огонь, но на лице ничего не отразилось, оно оставалось бесстрастным.

-- Если ты собираешься убить меня, то не мешкай.

-- А вот это я сделаю тогда, когда мне этого захочется, -- сообщил я ему, сам не зная, почему, невольно наслаждаясь комьями грязи, прилипшими к его белым доспехам. -- А пока что скажи мне, что даешь за свою жизнь?

-- Все что я имею, можешь не сомневаться.

Я отступил на шаг назад.

-- Вставай и садись в машину, на заднее сидение.

Он молча встал, и я отобрал у него кинжал, прежде чем он уселся. Рэндом уселся спереди, на свое место, но направил пистолет с последней обоймой в голову Джулиана.

-- Почему ты просто не убьешь его? -- спросил он.

-- Я думаю, он нам пригодится. Есть много вещей, которые я хотел бы узнать. Да к тому же нам предстоит еще долгий путь, -- ответил я Рэндому.

Я включил зажигание и тронулся с места.

Собаки дружно припустились за машиной, а Моргенштерн скакал сбоку, стараясь не отставать от нас.

-- Боюсь, что я немного стою как пленник, -- заметил Джулиан. -- И даже если ты станешь меня пытаться, я не смогу сказать тебе больше того, что знаю, а знаю я немного.

-- Вот с этого и начни, -- сказал я.

-- Когда начался весь этот ад, позиция Эрика была самой сильной, ведь он оставался в Эмбере. По крайней мере, я посчитал именно так и предложил ему свои услуги. Если бы это был один из вас, я, вероятно, поступил бы так же. Эрик поручил мне охрану Арденнского Леса, ведь это -- один из основных маршрутов. Жерар контролирует южные подступы, а Каин -- северные воды.

-- А Бенедикт? -- спросил Рэндом.

-- Не знаю. Я ничего не слышал. Может быть, он с Блейзом. А может, в одном из Отражений. Я просто еще ничего не слышал о том, что произошло. Может быть, он даже мертв. Прошло много лет с тех пор, как я о нем слышал.

-- Сколько людей у тебя в Арденне? -- спросил Рэндом.

-- Больше тысячи. Некоторые из них почти наверняка наблюдают за вами даже сейчас.

-- И если они не хотят, чтобы ты неожиданно скончался, это все, чем они ограничатся, -- сказал Рэндом.

-- Ты безусловно прав. Должен признаться, Корвин, что ты поступил очень проницательно, взяв меня в плен, а не убив на месте. Может, тебе и удастся теперь проехать через лес.

-- Ты говоришь это только потому, что хочешь жить, -- ответил ему Рэндом.

-- Конечно, я хочу жить. Могу я надеяться?

-- За что?

-- За ту информацию, которую вам дал.

-- Ты почти ничего не рассказал, -- рассмеялся Рэндом, -- и я уверен, что под пыткой твой язык развязался бы куда больше. Но это мы посмотрим, когда представится случай остановиться, а, Корвин?

-- Посмотрим, -- сказал я. -- Где Фиона?

-- По-моему, где-то на юге, точно не знаю.

-- А Дейдра?

-- Не знаю, -- вновь ответил Джулиан.

-- Льювилла?

-- В Рембре.

-- Ну, хорошо, -- сказал я. -- По-моему, ты действительно сказал все, что знаешь.

-- Да.

Мы продолжали ехать в молчании, и постепенно лес начал редеть. Я давно уже потерял из виду Моргенштерна, хотя иногда видел орла Джулиана, который пролетал над нами. Дорога свернула, и теперь мы направлялись к довольно узкому месту -- проходу между двумя пурпурными горами.

-- Удобное место, чтобы поставить на дороге заслон, -- заметил Рэндом.

-- Звучит правдоподобно, -- ответил я. -- Ты как считаешь, Джулиан?

-- Да, -- вздохнул он. -- Скоро будет. Но я думаю, у вас не вызовет затруднений проехать его.

Затруднений не было. Когда мы под'ехали к воротам и сторож в зеленом с коричневым подошел, я указал большим пальцем на заднее сидение и спросил:

-- Понятно?

Ему было все понятно, и нас он тоже узнал. Он поспешил открыть ворота и отсалютовал нам.

Прежде чем мы проехали через весь перевал, перед нами открылись еще двое ворот, и где-то по пути орел отстал. Мы поднялись в гору уже на несколько тысяч футов, и я остановил машину у обрыва. Справа не было ничего, кроме глубокой пропасти.

-- Выходи, -- сказал я. -- Пришла пора тебе размять ноги.

Джулиан побледнел.

-- Я не буду унижаться, -- сказал он. -- И не буду вымаливать у вас жизнь, -- он вышел из машины.

-- Вот черт! -- сказал я. -- Передо мной так давно никто не унижался! Жаль. Ну что ж, подойди к краю и стань вот здесь... Чуть ближе, пожалуйста.

И Рэндом продолжал держать пистолет нацеленным в его голову.

-- Совсем недавно, -- продолжал я, -- ты говорил, что предложил бы свою помощь каждому, кто оказался бы на месте Эрика.

-- Да.

-- Посмотри вниз.

Он посмотрел вниз далеко-далеко. Я сказал:

-- Хорошо. Запомни то, что ты говорил, если все неожиданно переменится.

И запомни, кто подарил тебе жизнь, в то время как любой другой отобрал бы ее у тебя. Поехали, Рэндом. Нам пора.

Мы оставили его стоять на самом краю пропасти. Он тяжело дышал, и брови его были сдвинуты вместе.

Мы добрались до вершины перевала и тут бензин почти кончился. Я поставил передачу на нейтраль, выключил мотор, и машина начала свой долгий спуск вниз.

-- Я сейчас думаю о том, -- сказал Рэндом, -- что ты не потерял былой прозорливости ума и проницательности. Я, наверное, все-таки убил бы его после того, что он пытался с нами сделать. Но думаю, что ты поступил правильнее. Мне кажется, он поддержит нас, если нам удастся в чем-то переиграть Эрика. А тем временем он, вне всяких сомнений, доложит обо всем случившемся Эрику.

-- Естественно, -- сказал я.

-- И у тебя было больше причин хотеть его смерти, чем у любого из нас.

-- Личные чувства мешают хорошей политике, -- улыбнулся я, -- юридическим решениям и деловым отношениям.

Рэндом закурил две сигареты и протянул одну мне. Глядя вниз сквозь сигаретный дым, я впервые увидел это море.

Вдруг я подумал, что говорю на языке, который я и не представлял, что знаю. Я читал балладу о "Морепроходцах", а Рэндом внимательно слушал и ждал, пока я кончу. Когда я замолчал, он спросил меня:

-- Многие говорили, что балладу эту написал ты сам. Это правда?

-- Это было так давно, -- ответил я ему, -- что я уже и не помню.

Дорога все больше и больше уклонялась влево, и по мере того, как мы постепенно в'езжали в покрытую деревьями долину, море открывалось перед нашими глазами.

-- Маяк Карбы, -- сказал Рэндом, указывая рукой на грандиозную серую башню, возвышавшуюся над водой, и тут я понял, что мы говорили больше не по-английски, а на языке, который назывался Тари.

Примерно через полчаса мы окончательно спустились с гор. Я продолжал катиться по инерции так долго, как это было можно, потом опять включил мотор. При его звуке стайка черных птиц выпорхнула из ближайшего кустарника

слева от нас. Серая, похожая на волну тень взметнулась из-за дерева и нырнула в самую гущу кустарника. Олень, невидимый до сих пор, умчался прочь. Мы ехали по лесистой долине, хотя деревьев в ней было не так много, как в Арденнском лесу, и неуклонно приближались к далекому морю.

Слева и сзади остались возвышающиеся горы. Чем дальше мы в'езжали в долину, тем более изменений происходило с моей одеждой. Куртка была отделана по швам серебряным жгутом.

Приглядевшись внимательнее, я понял, что с наружной стороны моих брюк тоже шли строчки серебряной отделки.

-- Кажется, я одет достаточно эффектно, -- сказал я, глядя на реакцию Рэнндома.

Он ухмыльнулся, и я увидел, что у него тоже откуда-то появилась другая одежда; коричневые с красным брюки и оранжевая рубашка с коричневым воротником и манжетами. Коричневая фуражка с желтым козырьком лежала рядом на сидении.

-- А я все думал, когда же ты, наконец, заметишь, -- ответил он. -- Как себя чувствуешь?

-- Прекрасно, -- сказал я, -- и, кстати, у нас почти не осталось бензина.

-- Сейчас уже поздно что-либо предпринимать по этому поводу. Мы теперь в реальном мире, и работа с Отражениями потребует огромного напряжения. К тому же она не останется незамеченной. Боюсь, нам придется бросить машину.

Нам пришлось бросить ее примерно через две с половиной мили. Я с'ехал на обочину дороги и остановился. Солнце посылало нам свой прощальный западный поклон, и тени значительно удлинились. Я полез на заднее сидение, где мои ботинки превратились в черные сапоги, и что-то зазвенело, когда моя рука нащупала их.

Я держал в руках относительно тяжелую серебряную шпагу в ножнах. Ножны были точно по размеру застежек на моем поясе. Там же, на заднем сидении,

лежал черный плащ с застежкой в форме серебряной розы.

-- А ты думал, они уже потеряны навсегда? -- спросил Рэндом.

-- Почти что, -- ответил я.

Мы захлопнули дверцы машины и пошли вперед. Вечер был прохладный и напоен терпкими ароматами. На востоке уже начали появляться звезды, а солнце почти скрылось. Мы шли по дороге, и Рэндом внезапно заметил:

-- Не могу сказать, чтобы это мне нравилось.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Пока что нам все слишком легко удавалось. Мне это не нравится.

Правда, Джулиан пытался помешать нам, но... Думаю, нам позволили пройти сюда.

-- У меня тоже возникла та же мысль, -- солгал я. -- Как ты думаешь, что бы это могло значить?

-- Боюсь, что мы направляемся прямо зверю в пасть. По-моему, нас ждет какая-то ловушка.

Несколько минут мы шагали в полном молчании. Затем я спросил:

-- Может быть, засада? В этих лесах до странности спокойно.

-- Не знаю.

Мы прошли мили две, а затем солнце село. Ночь была черной, небо усыпано бриллиантами звезд.

-- Немного не подходящий для нас с тобой способ передвижения, -- сказал Рэндом.

-- Не спорю.

-- И все же я боюсь устроить лошадей.

-- Я тоже.

-- А как ты сам оцениваешь обстановку? -- спросил Рэндом.

-- По-моему, дело дрянь. У меня такое чувство, что скоро они дадут о себе знать.

-- Как ты думаешь, может, нам уйти с дороги?

-- Я тоже об этом подумал, -- вновь солгал я, -- и считаю, если мы свернем в лес, это нам не повредит.

Так мы и сделали. Мы шли среди деревьев, двигались мимо темных, причудливой формы скал и кустов. А над нами медленно поднималась луна, большая, серебряная, как лампада, освещающая ночь.

-- Меня все время не покидает чувство, что нам не удастся пройти, -- сказал Рэндом.

-- А можно ли положиться на это чувство?

-- Вполне.

-- Почему?

-- Слишком далеко и слишком быстро, -- ответил он. -- Мне это не нравится. Сейчас мы в реальном мире, слишком поздно поворачивать назад. Мы не можем играть с Отражениями, нам остается положиться на наши шпаги (на его боку висела короткая, с орнаментом, шпага).

-- И поэтому, -- продолжал он, -- я чувствую, что мы оказались здесь не против желания Эрика, а скорее по его воле. Раз уж мы здесь, то говорить больше не о чем, но я предпочел бы, чтобы нам пришлось драться за каждый дюйм пути.

Мы прошли еще с милю и остановились покурить, держа сигарету так, чтобы огонек прикрывала ладонь.

-- Какая прекрасная ночь, -- сказал я Рэндому и холодному ветерку.

-- Да... Что это?

Позади нас послышалось легкое шуршание кустарника.

-- Может быть, какое-нибудь животное?

Шпага моментально очутилась в его руке. Мы подождали несколько минут, но ничего больше не было слышно. Он вложил шпагу в ножны и мы опять пошли вперед.

Позади нас звуков больше не раздавалось, но спустя некоторое время я услышал слабое шуршание впереди.

Он кивнул головой, когда я взглянул на него, и мы стали двигаться более осторожно.

Впереди нас на довольно далеком расстоянии виднелся слабый свет, как от костра.

Звуков больше никаких не раздавалось. В ответ на мой взмах руки по направлению костра он пожал плечами. Мы двинулись направо, к огню.

Почти целый час мы добирались до стоянки. Вокруг костра сидели четыре человека, и еще двое спали в тени неподалеку. У девушки, привязанной к дереву, голова была повернута в другую сторону. Но когда я посмотрел на ее фигуру, я почувствовал, что у меня сильно забилося сердце.

-- Неужели это... -- прошептал я.

-- Да, -- ответил он, -- похоже.

Затем она повернула голову, и я сразу узнал ее.

-- Дейдра!

-- Хотел бы я знать, что натворила эта ведьма, -- сказал Рэндом. --

Судя по одежде этих людей, ее ведут обратно в Эмбер.

Я увидел, что стражи были одеты в черное, красное и серебряное -- насколько я помнил, это были цвета Эрика. И я сказал:

-- Раз она нужна Эрику, значит, он ее не получит.

-- Лично мне Дейдра всегда была безразлична, но тебе она всегда нравилась, и, следовательно...

Рэндом вынул шпагу из ножен. Я сделал то же самое.

-- Приготовься, -- сказал я ему, поднимаясь во весь рост.

Мы кинулись на них. Вся битва заняла у нас минуты две, не больше.

Она глядела на нас, и свет от костра превратил ее черты в маску. Она плакала и смеялась, выкрикивая наши имена громким и испуганным голосом, и я перерезал стягивающие ее веревки и помог удержаться н ногах.

-- Привет, сестра. Не хочешь ли присоединиться к нам по дороге в Эмбер?

-- Нет. Спасибо, конечно, что вы спасли мою жизнь, но я предпочитаю

жить дальше. Как будто я не знаю, для чего вы идете в Эмбер.

-- Разыгрывается трон, -- ответил Рэндом, что было для меня новостью,

-- и мы -- заинтересованные стороны.

-- Если у вас есть хоть капля ума, вы не будете играть в эту игру и проживете дольше, -- сказала она.

Боже! До чего она была красива, хотя и выглядела немного усталой и была чуть-чуть грязноватой.

Я обнял ее, потому что мне этого хотелось, и немного прижал к груди.

Рэндом нашел мех с вином и все мы с удовольствием выпили.

-- Эрик -- единственный принц в Эмбере, -- сказала она, -- и войска ему преданы.

-- Я не боюсь Эрика, -- я вдруг понял, что не уверен в этом.

-- Он никогда не позволит тебе войти в Эмбер. Я сама была пленницей, пока мне не удалось воспользоваться, пару дней назад, одним из потайных ходов. Я думала, мне удастся остаться в Отражениях, пока все это не кончится, но так близко от реального мира почти невозможно это сделать. Так что его воины нашли меня уже сегодня утром. Они вели меня обратно. Я думаю, он мог убить меня, когда меня вернули бы, но я не уверена. Как бы то ни было, я играла в этом городе роль марионетки. Думаю, Эрик будет взбешен, но опять-таки, и в этом я не уверена.

-- А что делает Блейз? -- спросил Рэндом.

-- Он насылает из Отражений всяких чудищ, и Эрика это сильно беспокоит. Но он ни разу не атаковал еще всеми силами, а это волнует Эрика куда больше, ведь на ком будет корона и скипетр -- до сих пор еще не ясно, хотя скипетр Эрик держит все время в правой руке.

-- Понятно. А о нас он когда-нибудь говорил?

-- О тебе нет, Рэндом. О Корвине -- да. Он все еще боится, что Корвин вернется в Эмбер. Следующие пять миль пути относительно спокойны, но потом, потом каждая пядь земли грозит какой-нибудь опасностью. Каждый камень --

ловушка, каждое дерево -- засада. Изза Блейза и Корвина. Он и хотел, чтобы вы дошли до сих пор, ведь, с одной стороны, здесь не уйти в Отражения, а с другой -- не так легко скрыться от его власти. И ни один из вас не может проникнуть в Эмбер и избежать при этом ловушек по пути.

-- Но ведь тебе удалось бежать...

-- Это совсем не то. Во-первых, я действительно бежала из города, а не пыталась в него проникнуть. Во-вторых, он не следил за мной так, как за вами, ведь я женщина, и не обладаю особым честолюбием. Да к тому же, как вы сами видели, и мне это тоже не удалось.

-- Теперь удалось, сестра, -- сказал я, -- и ты будешь свободна, пока я способен поднять шпагу в твою защиту.

Тут она поцеловала меня в лоб, сжала мне руку. Я всегда млел, когда она это делала.

-- Я уверен, что за нами следят, -- сказал Рэндом, и по его жесту мы скрылись в лес, в темноту.

Мы лежали за кустом, пристально глядя назад, на тот путь, который только что проделали.

Через некоторое время возбужденного перешептывания оказалось, что решение следовало принимать мне. Вопрос был на самом деле очень прост:

-- Что дальше?

Этот вопрос, несмотря на всю его простоту, был слишком важен, и я не мог больше притворяться. Я знал, что мне следует не доверять им, даже милой Дейдре. Но если уж быть честным, то лучше с Рэндомом, потому что он уже увяз по горло в наших делах, а Дейдра всегда мне нравилась больше остальных. Я сказал им:

-- Любимые мои родственники. Я должен сделать вам одно признание...

Я еще не успел договорить последнего слова, а рука Рэндома уже судорожно сжала рукоять шпаги. Значит, вот как обстоят дела с доверием между всеми нами. Я почти слышал его невысказанную мысль:

" Корвин заманил меня сюда, чтобы предать ".

-- Если ты заманил меня сюда, чтобы предать, то тебе не удастся взять меня живым, -- сказал он.

-- Ты что, шутишь? -- сказал я. -- Мне нужна твоя помощь, а не твоя жизнь. Мое признание очень просто, проще не бывает. Вот оно: я понятия не имею, что здесь происходит. Я, конечно, кое о чем догадываюсь: где мы находимся, что такое Эмбер и почему мы прячемся от каких-то войск за кустами. И если на то пошло, то я даже не знаю, кто я такой на самом деле.

Последовало очень продолжительное молчание, затем Рэндом прошептал:

-- Что ты хочешь этим сказать?

-- Вот именно, -- поддакнула Дейдра.

-- Я хочу сказать, что мне удалось одурачить тебя, Рэндом. Разве тебе не показалось странным, что в течение всего нашего путешествия я не делал ничего другого, только вел машину?

-- Но ведь ты же начальник. И я считал, что ты строишь свои планы. Зато во время нашего пути ты вел себя достаточно прозорливо. Я знаю, ты -- Корвин.

-- А я сам это узнал всего несколько дней тому назад. Я знаю, что я тот, кого вы зовете Корвином, но совсем недавно я попал в автомобильную катастрофу. У меня несколько повреждений черепа -- я могу показать вам шрамы, когда будет светлее -- и я страдаю от амнезии. Я не понимаю ни одного слова, когда вы говорите о каких-то Отражениях. Я даже почти ничего не помню об Эмбере. Я помню только своих родственников и то, что не могу им доверять. Вот и весь мой сказ. Что тут можно сделать?

-- Господи! -- сказал Рэндом. -- Да, теперь я понимаю! Все эти мелочи, которые так удивляли меня на протяжении пути. Как тебе удалось так здорово надуть Флору?

-- Мне просто повезло, да еще, видимо, сработало подсознание. Да нет. Не так! Она просто глупа. Но теперь я нуждаюсь в вас.

-- Как ты думаешь, мы можем уйти отсюда в Отражения? -- спросила Дейдра, и обращалась она не ко мне.

-- Да, -- сказал Рэндом. -- Но я против. Я бы хотел видеть Корвина в Эмбере, а голову Эрика -- на копье. Я, пожалуй, рискну, так что я не собираюсь уходить в Отражения. Если хочешь, иди одна. Все вы считаете, что я хвастун и слабак. Что ж, посмотрим. По крайней мере, сейчас я от своего не отступлюсь.

-- Спасибо, брат, -- сказал я.

-- Правду говорят, что встречаться при лунном свете -- дурная примета, -- заметила Дейдра.

-- Да, но ты все еще была бы привязана к дереву, -- ответил Рэндом, и она не нашлась, что сказать.

Мы лежали за кустом не двигаясь, и скоро на поляну, где горел костер, вышли трое воинов. Они огляделись вокруг. Потом один из них нагнулся и понюхал землю. Потом они стали смотреть в нашем направлении.

-- Уэйры, -- прошептал Рэндом, когда они двинулись к нам, что значило "оборотни".

Я увидел это как сквозь туман. Они упали на четвереньки, и лунный свет как-то странно засеребрил их одежды. На нас смотрели шесть глаз, сверкающих глаз наших преследователей.

Я проткнул первого волка серебряной шпагой, и в ночи раздался человеческий крик. Рэндом одним ударом отсек голову второму, и, к своему удивлению, я увидел, как Дейдра подняла третьего волка в воздух и переломила его позвоночник о свое колено, как будто это была сухая спичка.

-- Быстро -- проткни их своей шпагой! -- вскричал Рэндом, и я воткнул серебряное лезвие сначала в его оборотня, потом в ее, и раздались еще два человеческих вопля.

-- Лучше нам убраться отсюда поскорее, -- сказал Рэндом. -- Сюда!

Мы последовали за ним.

-- Куда это мы идем? -- спросила Дейдра через час после того, как мы упорно начали продираться сквозь кустарник.

-- К морю, -- ответил он.

-- Зачем?

-- Оно хранит память Корвина.

-- Где? Как?

-- Конечно, в Рэмбе.

-- Они тебя сначала там убьют, а потом скормят твои куриные мозги рыбам.

-- Я и не собираюсь идти с вами до конца. На берегу я с вами расстанусь, а ты переговоришь с сестрой своей сестры.

-- Ты хочешь, чтобы он вновь прошел Лабиринт?

-- Да.

-- Это рискованно.

-- Знаю... Послушай, Корвин, -- обратился он ко мне, -- все то время, что мы были вместе, ты вел себя честно. Поэтому я должен предупредить, что если по какой-то случайности ты на самом деле не Корвин -- ты погиб. Но, по-моему, ты не можешь быть никем другим. Судя по тому, как ты себя вел, даже ничего не помня, ты именно он. Рискни и попробуй пройти то, что мы называем Лабиринтом. Все шансы за то, что это восстановит твою память. Ну, рискнешь?

-- Может быть, -- ответил я. -- Но что за Лабиринт?

-- Рэмба -- призрачный город. Это отражение Эмбера под водой, в море. Все, что есть в Эмбере, отражается в Рэмбе, как в зеркале. Подданные Льювиллы живут там, как в Эмбере. Меня они ненавидят за некоторые из моих прошлых проделок, поэтому я не осмелюсь спуститься туда вместе с тобой, но если ты поговоришь с ними откровенно и намекнешь на свою миссию, я думаю, они позволят тебе пройти Лабиринт Рэмбы, который хоть и является зеркальным отражением того, что находится в Эмбере, окажет на тебя то же действие. То

есть, он даст сыну своего отца -- власть путешествовать в Отражениях.

-- Как это может мне помочь?

-- Это поможет тебе узнать, кто ты на самом деле.

-- Тогда я рискну.

-- Хорошо. В этом случае нам надо продолжать идти на юг. Чтобы дойти до лестницы, понадобится несколько дней... Ты пойдешь с ним, Дейдра?

-- Я пойду с братом Корвином.

И я был рад, что она так ответила. Мы шли всю ночь, а наутро заснули в пещере.

5

Мы шли две ночи к серо-розовым пескам величественного моря. Мы подошли к берегу на третье утро нашего пути, удачно улизнув от небольшого отряда накануне вечером. Но мы боялись выйти на открытый берег, пока точно не дойдем до нужного места -- Файела-бионин. Лестницы в Рэмбу, чтобы быстро пересечь берег прямо к ней.

Поднимающееся солнце бросало миллиарды искр на пенящиеся волны, и наши глаза были ослеплены их танцем, за которым не было видно поверхности. В течение двух дней мы питались одними фруктами, запивая их водой, и я был относительно голоден, но позабыл обо всем, глядя на мощный возвышающийся берег с его неожиданными поворотами, усыпанный кораллами, с оранжевым, розовым и красным песком, вкраплениями ракушек, случайных деревянных обломков и небольших отполированных водой камней. А за берегом было море: оно подымалось и падало, мягко плеща, голубое и пурпурное, и легкий бриз пел свою песню, как благословление, под фиолетовым небом.

Гора Колвир, стоящая лицом к заре, держащая Эмбер, как мать держит на

руках свое дитя, находилась милях в двадцати слева от нас к северу, и солнце покрывало ее золотом, опустив вуаль из радуги на сам город. Рэндом посмотрел в том направлении и скрипнул зубами, потом отвернулся. Не помню, по-моему, я сделал то же самое.

Дейдра тронула меня за руку, кивнула головой и начала идти к северу, параллельно берегу. Мы с Рэндомом пошли за ней следом. Очевидно, она увидела какую-то отметку, что цель близка.

Мы прошли около четверти мили, когда нам показалось, что земля чуть дрожит под нашими ногами.

-- Это стук копыт, -- прохрипел Рэндом.

-- Смотрите! -- вскрикнула Дейдра. Голова ее была запрокинута, и она указала вверх.

Над нами парил орел.

-- Долго еще идти? -- спросил я.

-- К этому каменному столбу, -- ответила она, и в ста футах впереди я увидел каменный столб, футов восьми в высоту, сложенный из серых больших камней, отполированных временем, ветром, песком и водой, стоящих в форме треугольной пирамиды.

Стук копыт слышался все отчетливее, и тут же прозвучал сигнал рожка, хотя и не такой, как у Джулиана.

-- Бежим! -- крикнул Рэндом, и мы побежали.

Не пробежали мы и 25 шагов, как орел снизился. Он попытался напасть на Рэндома, но тот быстро выхватил шпагу. Тогда орел кинулся к Дейдре. Я выхватил шпагу и попытался поразить его. Полетели перья. Орел взвился и снова спикировал на нас, и на сей раз моя шпага наткнулась на что-то твердое -- мне показалось, что птица упала, но я не был в этом уверен и не хотел оглядываться назад, чтобы убедиться. Мерный стук копыт звучал уже достаточно громко, а звуки рожка раздавались за нашими спинами. Мы добежали до каменной пирамиды и Дейдра свернула направо, к морю.

Я не собираюсь возражать человеку, который, по-видимому, хорошо знал, что делать. Я последовал за ней, не задумываясь, и краешком глаза увидел за собой всадников.

Они все еще были довольно далеко, но неслись по берегу во весь опор. Собаки лаяли, рожки трубили, а мы с Рэндом неслись как угорелые и скоро очутились в волнах прибоя, вслед за нашей сестрой. Мы уже были в воде по пояс, когда Рэндом сказал:

-- Если я останусь здесь, то умру, но если я пойду с вами, то тоже умру.

-- Первое неизбежно, -- ответил я, -- что же касается второго, то там видно будет. Пошли!

Мы двинулись вперед и шли по какого-то рода каменистой поверхности, которая постепенно спускалась в море. Я не понимал, как мы будем дышать, когда вода накроет нас с головой. Но Дейдра, казалось, не волновалась, и поэтому я промолчал.

Но все же я боялся.

Когда вода поднялась нам до шеи и стала захлестывать, я стал бояться еще больше. Дейдра продолжала идти все так же вперед, спускаясь вниз, и я следовал за ней. За нами шел Рэндом.

Через каждые несколько футов поверхность опускалась все ниже и ниже. Я внезапно понял, что мы опускаемся по огромной лестнице, название которой было Файела-бионин. Еще один шаг, и вода скроет меня с головой, но Дейдры уже не было видно, волны полностью ее покрыли.

Так что я набрал полную грудь воздуха и шагнул вслед за ней.

Вниз вели ступени, и я шел по ним. Меня немного удивило, почему тело мое не уходит вверх, а продолжает оставаться прямым, а сам я спокойно продолжал спускаться по лестнице, как будто она была на земле, хотя мои движения и были несколько замедленны. Я стал думать над тем, что я буду делать, когда в моей груди кончится воздух.

Над головой Рэндома и Дейдры булькали пузырьки воздуха. Я попытался понаблюдать за тем, что они делают, но у меня ничего не вышло. Грудь и у той и у другого, казалось, вздымалась самым естественным образом. Когда мы спустились на десять футов ниже уровня моря, Рэндом, шедший от меня слева, обратился ко мне, и я услышал его голос. Он производил такой эффект, как будто ухо мое было прижато к раковине в ванной, и каждое слово ударяло меня прямо в бок. Слышно было, однако, достаточно хорошо.

-- Я думаю, что если даже им удастся заставить лошадей спуститься сюда, то с собаками этот номер не пройдет, -- сказал он.

-- Как тебе удастся дышать? -- попытался сказать я, и отчетливо услышал свой собственный голос.

-- Расслабься, -- быстро ответил он. -- Если ты задержал дыхание, то выпусти воздух и ни о чем не беспокойся. Ты сможешь дышать совершенно спокойно, если только не сойдешь с лестницы.

-- Как это может быть?

-- Если мы доберемся, то узнаешь, -- ответил он, и голос как бы зазвенел в холодной, зеленой, окружающей нас воде.

К этому времени мы спустились уже на 20 футов, и я выдохнул из груди немного воздуха и попытался чуть вдохнуть. Ничего особенно страшного не произошло, так что я начал дышать. Над моей головой тоже показались пузырьки, но никаких неприятных ощущений я при этом не испытывал. Не было у меня и чувства возрастающего давления, а лестницу, по которой мы шли, я видел как сквозь зеленоватый призрачный туман. Она вела вниз, вниз, вниз. Прямо. Никуда не сворачивая. И впереди нас брезжил какой-то непонятный свет.

-- Если мы успеем пройти сквозь арку -- мы спасены, -- сказала моя сестра.

-- Вы спасены, -- поправил ее Рэндом, и я задумался, что он такое натворил, чтобы бояться Рэмбы как черт ладана.

-- Если они скачут на конях, которые раньше сюда не спускались, --

продолжал Рэндом, -- им придется спешиться и идти пешком. Тогда мы успеем.

-- А может, они вообще бросили преследование, -- ответила Дейдра.

Мы торопливо пошли вперед.

Мы уже спустились под воду футов на 50, вокруг нас стало темно и холодно, но свет впереди нас и снизу усилился, и еще через десять шагов я увидел его источник.

Справа от меня поднималась колонна. На ее вершине находился какой-то сверкающий шар. Пятнадцатью ступеньками ниже такая же колонна стояла слева. За ней опять находилась одна справа и так далее.

Когда мы пошли между колонн, вода стала теплее, а лестницу можно было разглядеть яснее: она была белой, с розовыми и зелеными прожилками, и камень ее напоминал мрамор, хотя она не была скользкой из-за присутствия воды. Она была, вероятно, футов пятьдесят в ширину, и по обоим ее сторонам тянулся широкий паребрик из того же камня. Мимо нас проплывали рыбы. Когда я оглянулся назад, то погони не заметил.

Стало светлее. Мы вошли в более ярко освещенное пространство, и на сей раз свет исходил не из шара на колонне. Вернее, раньше мой мозг пытался придумать рациональное об'яснение происходящему, поэтому я решил, что наверху колонны был шар. На самом деле это было нечто похожее на пламя, танцующее на самой вершине колонны, фута два в высоту, как гигантский факел. Я решил спросить, что это такое после и сэкономить -- да простят мне это выражение -- дыхание, так как спускались мы очень быстро. После того, как мы вошли в эту аллею света и прошли уже шесть колонн, Рэндом сказал:

-- За нами гонятся.

Я оглянулся и увидел далекие спускающиеся фигуры, четырех из них верхом на лошадях. Это очень странное чувство, когда смеешься под водой и слышишь себя.

-- Пусть, -- дотронулся я до рукояти шпаги. -- После того, что мы испытали, я чувствую в себе достаточно силы!

Однако мы еще более ускорили шаги, а вода и слева, и справа от нас стала темной как чернила. Только лестница была освещена, с такой сумасшедшей скоростью мы бежали вниз, и в отдалении я увидел нечто, напоминающее огромную арку. Дейдра перепрыгивала сразу через две ступеньки, и все вокруг нас начало дрожать от стука копыт, раздающегося сзади. Целая группа воинов, заполняющая лестницу от паребрика до паребрика, была еще далеко от нас, но четверо всадников значительно приблизились. Мы бежали за Дейдрой изо всех сил, но руку свою я так и не убрал с рукояти шпаги.

Три, четыре, пять. Мы пробежали пять колонн, прежде чем я снова оглянулся и увидел всадников в футах пятидесяти от нас. Тех, кто шел пешком, практически не было видно. Грандиозная арка вздымалась впереди, футах в двухстах. Огромная, сверкающая как алебастр, с вырезанными на ней тритонами, нимфами, русалками и дельфинами. И по другую ее сторону, казалось, стояли люди. Рэндом сказал:

-- Должно быть, им интересно, зачем мы сюда явились.

-- Этот интерес останется чисто академическим, если мы не успеем, -- ответил я, вновь оборачиваясь и видя всадников, приблизившихся еще футов на десять.

Тогда я вытащил из ножен шпагу, и лезвие ее сверкнуло в отблеске света колонн. Рэндом последовал моему примеру. Еще шагов через двадцать вибрация зеленой воды от стука копыт стала такой сильной, что мы повернулись к арке спиной, чтобы нас просто не задавили. Они приблизились к нам уже вплотную. Арка находилась всего в ста футах позади нас, но она с таким же успехом могла быть и за сто миль, если только нам не удастся справиться с этими четырьмя всадниками.

Я пригнулся, когда наездник, несшийся на меня, взмахнул саблей. Справа от него, чуть сзади, находился второй воин, поэтому я двинулся влево, поближе к паребрику. Таким образом, при нападении ему мешало свое собственное тело, ведь саблю он держал в правой руке. Когда он ударил, я

отпарировал и мгновенно сам сделал выпад. Нападая, он далеко отклонился в седле, так что острие моей шпаги как раз вонзилось ему в горло справа.

Сильный поток крови, как алый туман, поднялся, заколебался в зеленоватом свете. Сумасшедшая мысль мелькнула у меня в голове: хорошо бы Ван Гог был бы здесь и видел это.

Лошадь пронеслась мимо, и я набросился на второго всадника. Он повернулся, чтобы отпарировать удар, и это ему удалось. Но та скорость, с которой он скакал, и сила моего удара выбили его из седла. Когда он падал, я ударил его ногой, и он поднялся вверх. Я вновь сделал выпад, пока он висел над моей головой, и он снова отпарировал. Я услышал дикий крик, когда его раздавило водой. Затем он замолк.

Тогда я посмотрел на Рэндома, который убил и лошадь, и человека, и сейчас дрался с оставшимся воином на ступеньках лестницы. Я не успел подойти, как все было кончено, он убил его и теперь смеялся. Кровь взвивалась над трупами, и я внезапно вспомнил, что на самом деле ЗНАЛ сумасшедшего, печального Ван Гога, и что действительно очень обидно, что он не мог нарисовать всего этого.

Пешие солдаты находились всего в ста футах от нас, и мы быстро повернулись и поспешили к арке. Дейдра уже прошла сквозь нее. Мы побежали и успели. Рядом с нами засверкало множество шпаг, и воины не выдержали и повернули обратно. Затем мы сунули шпаги в ножны и Рэндом произнес:

-- Теперь мне крышка.

И мы подошли к группе людей, которые вышли, чтобы защитить нас.

Рэндому тут же было приказано сдаться в плен и отдать шпагу, что он и сделал, пожав плечами. Затем два человека встали по бокам от него, а третий -- сзади, и мы продолжали наш спуск по лестнице.

Со всем этим количеством воды, которая повсюду меня окружала, я потерял всякое чувство времени и не могу сказать, шли ли мы пятнадцать минут или полчаса, пока не добрались до места нашего назначения. Золотые ворота Рэмбы

высились перед нами. Мы прошли сквозь них и вошли в город.

Все было видно как в зеленом тумане. Нас окружали здания хрупкие и в большинстве своем высокие, расположенные каким-то определенным образом, группами и таких цветов, что мой мозг, ищущий старых воспоминаний и ассоциаций, принялся раскалываться на части. Я ничего не вспомнил, и у меня в который раз разболелась голова от путаных обрывков того, что я когда-то так хорошо знал. Ведь когда-то я ходил по этим улицам, или похожим, это я помнил.

Рэндом не произнес ни слова, а Дейдра лишь спросила, где Льювилла, и получила ответ, что она в Рэмбе.

Я принялся рассматривать наш эскорт. Это были мужчины с зелеными, красными и черными волосами, и у всех были зеленые глаза, кроме одного с фиолетовыми. Все они были одеты в брюки и плащи из водорослей, с кольчугой на груди и короткими шпагами, торчащими из-за поясов из ракушек. Бород и усов не было. Никто ко мне не обратился с речью, ни с вопросом, хотя я ловил на себе их взгляды, иногда косые. Но шпагу у меня не отобрали.

В городе нас провели по широкой улице, освещенной тем же пламенем колонн, стоящих куда ближе друг к другу, чем на лестнице, а люди глазели на нас из-за пятиугольных окон здания, и мимо нас проплывали пучеглазые рыбы. Когда мы завернули за угол, холодное течение обвевало нас как бриз, а еще через несколько шагов появилось теплое течение -- как ласковый ветерок.

Нас провели во дворец в центре города, и я знал этот дворец, как моя рука -- перчатку, заткнутую за пояс. Это была точная копия -- зеркально отраженная -- дворца в Эмбере, только затуманенная зеленым и немного непонятная из-за большого количества зеркал, странным образом вставленных в стены боком.

В стеклянной комнате на троне сидела женщина, которую я почти вспомнил, и волосы ее были зелеными, хоть и с серебряной ниткой в них, а глаза ее были круглы, как луны из нефрита, а брови ее разлетались, как крылья чаек. У нее

был маленький ротик и маленький подбородок, но высокие скулы и очень свежие округлые щеки. Обруч белого золота был надвинут на ее лоб до бровей, и алмазное ожерелье обвивало шею. С него свисал большой сапфир, покоящийся как раз между ее прелестных обнаженных грудей, соски которых тоже были бледнозелеными. На ней были небольшие штанишки из морских водорослей, схваченные голубым с серебряным поясом, в правой руке она держала скипетр из розового коралла. Когда она заговорила, то не улыбнулась.

-- Что ищете вы здесь, об'явленные в Эмбере вне закона? -- спросила она плывущим голосом, мягким, чуть шипящим.

Дейдра сказала ей в ответ:

-- Мы бежим от гнева принца, который сидит в настоящем городе -- Эрика! Если говорить откровенно, мы хотим, чтобы он пал. Если он любим здесь, мы погибли, и мы отдали себя в руки наших врагов. Но я чувствую, что этого не может быть. Так что мы пришли просить помощи, милая Мойра...

-- Я не дам войск для нападения на Эмбер. Вы ведь знаете, что весь этот хаос будет отражен и в моем королевстве.

-- Но мы пришли просить у тебя совсем не это, дорогая Мойра, -- продолжала Дейдра. -- Но нам нужно совсем немного, и это не доставит хлопот ни тебе, ни твоим подданным.

-- Так скажи, зачем вы пришли! Потому что, как ты знаешь, Эрик нелюбим здесь почти так же, как это создание, которое сейчас стоит по твою левую руку, -- тут она указала на моего брата, который гордо стоял, вызываясь подняв голову, с иронической улыбкой, оттягивающей уголки его губ.

Если ему предстояло заплатить -- какой бы ни была цена за то, что он здесь натворил, -- он собирался сделать это как настоящий принц Эмбера, как много веков тому назад заплатили три моих брата, неожиданно вспомнил я. Он умрет, издеваясь над ними, смеясь во все горло, даже если изо рта у него будет хлестать кровь, а тело будет подвержено пыткам, и, умирая, он провозгласит неотменимое проклятье, которое обязательно исполнится. У меня

тоже была эта власть, внезапно вспомнил я, и, может быть, при определенных обстоятельствах мне придется ею воспользоваться.

-- То, что я прошу, -- сказала Дейдра, -- нужно моему брату Корвину, который также брат принцессы Льювиллы, живущей здесь вместе с тобой. Насколько я помню, он никогда не давал вам повода для обид...

-- Это верно. Но почему он не может попросить сам за себя?

-- Это относится к нашей просьбе, госпожа. Он не может попросить за себя, потому что не знает, о чем просить. У него почти не осталось памяти в результате катастрофы, которую он претерпел в одном из Отражений. Мы пришли сюда именно для того, чтобы восстановить его память, чтобы он мог вспомнить все то, что происходило с ним в прошлом, чтобы он мог противостоять Эрику в Эмбере.

-- Продолжай, -- сказала женщина на троне, бросив на меня взгляд из-под своих густых ресниц.

-- В одном из уголков твоего дворца есть комната, куда заходят немногие. В этой комнате на полу, чуть заметными линиями, нанесен узор того, что мы зовем Лабиринтом. Только сын или дочь покойного короля Эмбера могут пройти этот Лабиринт и остаться в живых. И тому, кто сделал это, дается власть над Отражениями.

Тут Мойра несколько раз моргнула, и я тут же подумал о том, сколько своих подданных она отправила в эту комнату, чтобы приобрести большую власть над Рэмбой.

-- Если Корвин пройдет Лабиринт, -- продолжала Дейдра, -- то, как мы считаем, он обретет память самого себя как принца Эмбера. Он не может отправиться в Эмбер, чтобы сделать это, и здесь -- единственное место, где находится такой же Лабиринт, если не считать, конечно, Тир-на Ног'х, куда идти, как ты сама понимаешь, невозможно.

Мойра посмотрела на мою сестру, потом на Рэндома, потом перевела взгляд на меня.

-- А как посмотрит на это Корвин? -- спросила она. Я поклонился.

-- Положительно, госпожа моя, -- сказал я.

И тогда она улыбнулась.

-- Ну что ж, в таком случае даю тебе свое разрешение. Однако, за пределами моего государства я не могу гарантировать вам никакой безопасности.

-- Ну что вы, ваше величество, -- ответила Дейдра. -- Мы не ожидаем иной помощи, кроме той, о которой просили, а там мы уж сами о себе позаботимся.

-- Кроме Рэндома, -- ответила она, -- о котором позабочусь я.

-- Что ты хочешь этим сказать? -- спросила Дейдра, так как Рэндом при подобных обстоятельствах, конечно, не мог говорить сам за себя.

-- Ты ведь, конечно, помнишь, -- ответила она, -- как однажды принц Рэндом явился ко мне в гости как друг, а затем поторопился удалиться, но вместе с моей дочерью Морганатой.

-- Я слышала, как об этом говорили, леди Мойра, но я не уверена в справедливости или правдивости этих слухов.

-- Это правда, -- ответила Мойра, -- и через месяц дочь моя вернулась ко мне. Она покончила с собой через несколько месяцев после рождения сына Мартина. Что можешь ты сказать на это, принц Рэндом?

-- Ничего, -- ответил Рэндом.

-- Когда Мартин стал совершеннолетним, -- продолжала Мойра, -- он решил пройти Лабиринт, ведь он был той же крови, что и принц Эмбера. Он -- единственный из всех, кому это удалось. Но с тех пор он скрылся в одном из Отражений, и я не видела его с тех пор. Что ты скажешь на это, принц Рэндом?

-- Ничего, -- повторил Рэндом.

-- А, следовательно, я должна подвергнуть тебя наказанию. Ты женишься на женщине по моему выбору и останешься с ней здесь ровно на год, а в противном случае готовься расстаться с жизнью, что ты скажешь на это, принц

Рэндом?

На это принц Рэндом ничего не ответил, только коротко кивнул головой.

Мойра ударила скипетром по ручке своего бирюзового трона и сказала:

-- Очень хорошо. Да будет так.

Так оно и было.

Затем мы отправились в отведенные нам покои, чтобы освежиться с дороги.

Довольно быстро она появилась на пороге моей комнаты.

-- Садись, Мойра, -- сказал я.

-- Лорд Корвин из Эмбера, -- сказала она мне, -- я часто мечтала увидеть тебя.

-- А я тебя, -- солгал я.

-- Твои подвиги -- легенда.

-- Спасибо, конечно, но я все равно ничего не помню.

-- Могу я войти к тебе?

-- Конечно, -- и я сделал шаг в сторону.

Она вошла в великолепно обставленную комнату, которую сама же для меня и выбрала.

-- Когда бы ты хотел пройти свой Лабиринт?

-- Чем скорее, тем лучше.

Она наклонила голову, обдумывая мои слова, потом спросила:

-- В каком ты был Отражении?

-- Очень далеко отсюда, -- ответил я, -- в месте, которое я научился любить.

-- Как странно, что Лорд Эмбера сохранил такие чувства.

-- Какие чувства?

-- Любви, -- ответила она.

-- Может быть, я избрал неверное слово.

-- Сомневаюсь, потому что баллады Корвина всегда затрагивают живые струны в душе.

-- Госпожа добра ко мне.

-- И права, -- добавила она.

-- Когда-нибудь я сочиню балладу в твою честь.

-- А что ты делал, пока жил в Отражении?

-- Насколько я помню, мадам, я был солдатом. Дрался за того, кто мне платил. Кроме того, я сочинял слова и музыку многих популярных песен.

-- И то и другое кажется мне вполне естественным.

-- Прошу тебя, скажи мне, что будет с моим братом Рэндомом?

-- Он женится на моей подданной, девушке по имени Виаль. Она слепа и не имеет поклонников среди наших.

-- И ты уверена, что это будет для нее хорошо?

-- Таким образом она завоюет себе довольно видное положение, -- ответила Мойра, -- несмотря на то, что через год он уйдет и больше не вернется. Потому, что бы о нем ни говорили, он все-таки -- принц Эмбера.

-- Что если она полюбит его?

-- Неужели такая вещь, как любовь, существует на самом деле?

-- Я, например, люблю его как брата.

-- В таком случае, впервые в жизни сын Эмбера произнес такие слова, и я отношу их за счет твоего политического темперамента.

-- Что бы ни было, -- сказал я, -- тем не менее надо быть твердо уверенным, что для девушки это лучший выход из положения.

-- Я все это обдумала и убеждена в правильности своего решения. Она оправится от удара, какой бы силы он ни был, а после его ухода она будет одной из первых дам моего двора.

-- Пусть будет по сему, -- ответил я, отворачиваясь, потому что неожиданно меня переполнило чувство тоски и печали -- за девушку, конечно.

-- Ты, Лорд Корвин, единственный принц Эмбера, которому я могла бы оказать поддержку, -- сказала она мне, -- да может быть еще и Бенедикту. О нем ничего не известно уже 22 года, и один Лир знает, где могут лежать его

кости. Жаль.

-- Я этого не знал. У меня в голове все перепуталось. Пожалуйста, не обращай внимания. Мне будет не доставать Бенедикта, и не дай бог, если он действительно мертв. Он был моим военным наставником и научил владеть всеми видами оружия. Но он был ласков.

-- Так же, как и ты, Корвин, -- ответила она, беря меня за руку и притягивая к себе.

-- Ну, нет, не так, -- ответил я и сел на кровать рядом с ней.

Затем она заметила:

-- У нас еще много времени, до тех пор, пока подадут обед.

Затем она прильнула ко мне мягким ласковым плечом.

-- А когда подадут есть? -- спросил я.

-- Когда я прикажу, -- ответила она и посмотрела мне прямо в глаза.

Так что мне ничего не оставалось делать, как притянуть ее к себе, нащупывая застежку пояса, покрывающего ее мягкий живот. Под поясом было еще мягче, а волосы ее были зелеными.

На этой кровати я подарил ей свою балладу, и губы ее ответили мне без слов.

После того, как мы отобедали, и я научился искусству есть под водой, о котором я расскажу подробнее, если в этом возникнет необходимость, мы встали из-за стола, накрытого в высоком мраморном зале, декорированном красными и коричневыми сетями и лесками, и пошли назад по длинному коридору, все вниз и вниз, ниже самого моря по спиральной лестнице, которая светилась и сверкала в окружающей нас абсолютной темноте. Шагов через двадцать мой брат вдруг

энергично сказал:

-- К черту! -- сошел с лестницы и стал плыть рядом с ней.

-- Так быстрее, -- пояснила Мойра.

-- И нам долго идти, -- подсказала Дейдра, которая знала об этом, конечно, по Эмберу.

Мы сошли с лестницы и поплыли вниз, сквозь темноту, рядом со светящейся лестницей. Прошло десять минут, прежде чем мы достигли дна, но когда наши ноги коснулись пола, то стояли мы на земле и вода совсем не чувствовалась. Несколько небольших факелов в нишах освещали нам путь.

-- Почему эта часть океана, являясь дубликатом Эмбера, тем не менее так не похожа на то, что мы видели до сих пор? -- спросил я.

-- Потому что так должно быть, -- ответила Дейдра, и ответ ее вызвал во мне раздражение.

Мы стояли в огромной пещере, из которой по всем направлениям уходили туннели. По одному из них мы и пошли. Путь наш был долог, я уже потерял счет времени. Вскоре начались боковые ответвления, с дверями или решетками, прикрывающими выходы. У седьмого по счету такого входа мы остановились. Он был закрыт тяжелой дверью из цельной плиты, обитой металлом, раза в два выше моего роста. Глядя на эту дверь, я припомнил легенды о размерах тритонов. Затем Мойра улыбнулась улыбкой, предназначавшейся для меня одного, вытащила большой ключ из связки, висевшей у нее на поясе, и сунула его в скважину.

Повернуть его, однако, у нее не хватило сил. Возможно, этой дверью давно никто не пользовался.

Рэндом что-то пробурчал и рука его ухватилась за ключ, небрежно отбросив при этом руку Мойры в сторону. Он взялся за ключ правой рукой и повернул.

Раздался щелчок. Затем он толкнул дверь ногой, и мы уставились внутрь комнаты.

Она была размером с залу, и в ней было выложено то, что называлось

Лабиринтом. Пол был черный и блестел как стекло. И Лабиринт был на полу.

Он сверкал как холодный огонь, которым и был на самом деле, дрожал и переливался, и вся комната, казалось, меняла очертания в этом свете. От него исходило тонкое ощущение яркой, непреодолимой силы, выложенной одними кривыми, хотя у самого центра было несколько прямых линий. Он напоминал мне те фантастически сложные, непередаваемые узоры, которые иногда машинально рисуешь, водя пером по бумаге, но только в натуральную величину. Я как бы угадывал слова "Начало здесь" с другой его стороны. Сам Лабиринт был примерно сто ярдов в поперечнике в самом узком месте и ярдов сто пятьдесят в длину.

У меня звенело в голове, в висках застучала кровь, потом пришла привычная уже боль. В моем мозгу как бы что-то вспыхнуло. И если я был Принцем Эмбера, то где-то в моей крови, в моих нервах, моих генах этот Лабиринт был каким-то образом закодирован, так, чтобы я мог правильно отреагировать, пройти этот проклятый путь.

-- Черт, я бы не отказался сейчас от сигареты, -- сказал я, и девочки захихикали, хотя слишком быстро и с большой готовностью, так что видно было, что они нервничают.

Рэндом взял меня за руку и сказал:

-- Это -- тяжелое испытание, но в нем нет ничего невозможного, иначе нас здесь бы сейчас не было. Иди очень медленно и, главное, не позволяй, чтобы тебя хоть что-нибудь отвлекало. Не волнуйся, когда с каждым твоим шагом будет подниматься вверх сноп искр. Они не могут причинить тебе вреда. Все время ты будешь чувствовать сильный поток, проходящий сквозь тебя, и через некоторое время станешь как пьяный. Но продолжай все время концентрироваться на нем, не забудь, продолжай идти! Не останавливайся, что бы ни произошло, и не сворачивай с пути, иначе, вполне возможно, ты будешь убит.

Все то время, пока он наставлял меня, мы шли вперед. Мы шли по правой

стене, огибая Лабиринт, двигаясь к его дальнему концу. Девушки шли за нами.

Я наклонился и шепнул ему в ухо:

-- Я пытался отговорить ее от того, что она тебе уготовила, но без всякого успеха.

-- Я так и подумал, что ты это сделаешь. Не беспокойся. Я могу выдержать даже год стояния на голове, а может, меня отпустят и пораньше, если я уж очень им надоем.

-- Они выбрали для тебя девушку по имени Виаль. Она слепая.

-- Великолепно. Великолепнейшая шутка.

-- Помнишь о том Регентстве, о котором мы говорили?

-- Да.

-- Будь добр к ней, останься здесь весь год полностью, и я не останусь в долгу.

Молчание. Затем он сжал мне руку, ухмыльнувшись.

-- Твоя подружка, а? На кого она похожа?

-- Договорились? -- медленно спросил я.

-- Договорились.

Затем мы очутились в том месте, откуда начинался Лабиринт, у самого угла комнаты.

Я двинулся вперед и посмотрел на линию, выложенную огнями, нрдалеко от моей правой ноги. Единственное освещение этой комнаты составлял сам Лабиринт. Вода вокруг холодила.

Я пошел вперед, поставив на огненную тропинку левую ногу. Вокруг поднялись белоголубые искры. Затем я сделал шаг правой ногой и почувствовал тот поток, о котором говорил Рэндом. Я сделал следующий шаг. Раздался треск, и я почувствовал, как у меня начали подниматься на голове волосы. Я сделал еще один шаг. Затем тропинка стала круто заворачивать почти обратно. Я сделал еще с десяток шагов и мне показалось, что я начал испытывать определенное сопротивление. Как будто передо мной вырос черный барьер из

непонятного вещества, который толкал меня обратно с той же силой, с которой я шел вперед.

Я боролся с этим сопротивлением, продолжая идти вперед. Внезапно я твердо узнал, что это называется Первая Вуаль. Пройти ее означает Достижение. Хороший знак, говорящий о том, что я действительно был частью Лабиринта. Каждый шаг, каждое поднятие ноги внезапно потребовало от меня колоссального напряжения, из волос тоже начали сыпаться искры.

Внезапно давление резко снизилось. Вуаль расступилась передо мной так же резко, как и возникла. Я прошел ее, и в результате что-то приобрел.

Я видел перед своим взором бумажную кожу и торчащие во все стороны кости мертвых Аушвица. Я знал, что присутствовал в Нюрнберге. Я слышал голос Стефана Спендера, читающего наизусть "Вену", и я видел премьеру Брехта "Мать Отвага", поставленную на сцене. Я видел, как ракеты вылетали из стальных коробок Пенемюнде, Вандерберге, Кеннеди, Кызыл-Кумах, и я своими собственными руками трогал Великую Китайскую Стену. Мы пили вино и пиво, и Шухнур сказал, что в стельку пьян и пошел к девкам. А однажды я был в зеленых лесах Западной Резервации и за один день добыл три скальпа. Когда мы маршировали, я напевал себе под нос "К моей блондинке", и эта песня прижилась. Я помнил, я помнил мою жизнь в том Отражении, которое ее обитатели звали "Земля". Еще три шага -- и я держал в руке окровавленную шпагу, и видел трех мертвецов, и себя на лошади, на которой я ускакал после того, как во Франции произошла Революция. И еще, еще так далеко, что...

Я сделал еще один шаг.

Шаг к мертвым. Они были повсюду вокруг меня. Стояла жуткая вонь -- запах гниющей плоти -- и я слышал вой собаки, которую избили до смерти. Клубы черного дыма застилали все небо, а ледяной ветер обдал меня каплями редкого дождя. В горле у меня все пересохло, руки тряслись, голова горела как в огне. Я шел, спотыкаясь, сквозь туман горячки, которая сжигала меня. Придорожные канавы были заполнены отбросами,дохлыми кошками и

испражнениями; со скрипом, звякая колокольчиком, мимо проехала похоронная телега, обдав меня грязью и холодной вонью.

Долго ли я блуждал -- не знаю. Очнулся я, когда какая-то женщина схватила меня за руку, а на ее пальце я увидел кольцо с Голубой Смертью. Она отвела меня к себе в комнату, но увидела, что у меня нет совсем денег и что-то несвязно пробормотала. Потом ее раскрашенное лицо исказил страх, смывший улыбку с ее красивых губ, и она убежала, а я свалился на ее кровать. После, опять-таки не помню, насколько позже, огромный верзила, наверное, хозяин проститутки, вошел в комнату, отхлестал меня по щекам и стащил с постели. Я уцепился за его правый бицепс и повис. Он полунес, полутолкал меня к дверям.

Когда я понял, что он собирается выгнать меня в холод, на улицу, я сжал его руку сильнее, протестуя. Я стал сжимать ее изо всех сил, изо всех оставшихся, невнятно моля его о приюте.

Затем, сквозь пот и слезы, застилавшие мне глаза, я увидел, как его лицо исказилось и услышал страшный крик, вырвавшийся из его крепко сжатых зубов.

В том месте, где я сжал ему руку, кость была сломана.

Он оттолкнул меня левой рукой и упал на колени, плача. Я сел на пол, и в моей голове на минуту прояснилось.

-- Я... остаюсь... здесь, -- сказал я с трудом, -- пока не поправлюсь. Убирайся. И если ты вернешься, я тебя убью.

-- У тебя чума! -- закричал он. -- Завтра телега приедет за твоими костями! -- с этими словами он плюнул, с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, вышел вон.

Я каким-то чудом добрался до двери и задвинул ее на тяжелый засов. Потом я вернулся на кровать и заснул.

Если за моими костями действительно приезжали на следующий день, то ничего не испытали, кроме разочарования. Потому что через десять часов в

середине ночи я проснулся в холодном поту и понял, что моя лихорадка побеждена. Я был очень слаб, но в полном рассудке. Тогда я понял, что пережил чуму.

Я взял плащ мужчины, висевший в шкафу, и немного денег, лежащих в ящике стола.

Затем я вышел в ночь и пошел в Лондон, и был год чумы, и я не знаю, зачем я шел...

Я не помнил, ни кем я был, ни что я там делал.

Вот так все и началось.

Я уже глубоко проник в Лабиринт, и снопы искр непрерывно поднимались под моими шагами, достигая колен. Я уже больше не знал, в каком направлении двигаться, и где теперь находятся Дейдра, Рэндом и Мойра. Сквозь меня неслись какие-то бурные потоки, даже мои глазные яблоки, и те, казалось, вибрировали. Затем я испытал такое ощущение, как будто щеки мои кололи булавками, а шея моя внезапно похолодела сзади. Я стиснул зубы, чтобы они не стучали.

Амнезия у меня произошла вовсе не в результате автокатастрофы. Память свою я потерял еще во времена правления Елизаветы 1. Флора, должно быть, решила, что после аварии ко мне вернулась память. Она знала о моем состоянии. Я внезапно был поражен мыслью, что она оставалась в этом Отражении Земля специально для того, чтобы не терять меня из виду. Значит, с конца 16 века. Этого я пока не мог точно сказать. Но я узнаю.

Я быстро сделал еще шесть шагов, дойдя до конца дуги и выходя на прямой отрезок пути. Я сделал первый шаг вперед по этому отрезку, и с каждым последующим шагом против меня начал воздвигаться второй барьер, Вторая Вуаль. Передо мной был поворот направо. Еще один, и еще.

Я был принцем Эмбера. Это было правдой. Нас было пятнадцать братьев и шестеро из нас были мертвы. У нас было восемь сестер, и две из них тоже были мертвы, а может быть, и четыре!

Все мы проводили очень много времени, путешествуя по Отражениям или находясь в наших собственных Вселенных. Это академический вопрос, хоть он и является одним из основных вопросов философии, может ли тот, кто владеет властью над Отражениями, создавать свои собственные Вселенные. Не знаю точно, что говорит в конечном итоге по этому вопросу философия, но с практической точки зрения мы это могли.

Начался другой поворот, и у меня возникло такое ощущение, как будто я иду сквозь липкий клей.

Один, два, три, четыре... Я с трудом поднимал свои не желающие подниматься сапоги и ставил их на место один за другим. В голове у меня стучало, а сердце билось так, как будто в любую минуту грозило разорваться на тысячу кусков.

Эмбер!

Идти снова было легко, когда я вспомнил Эмбер.

Эмбер был самым великим городом, который когда-либо существовал или будет существовать. Эмбер был всегда и всегда будет, и любой другой город, где бы он не находился, когда бы он ни существовал, был всего лишь Отражением одной из Теней Эмбера в одной из его фаз. Эмбер, Эмбер, Эмбер! Я помню тебя. Я никогда тебя больше не забуду. Я думаю, в глубине души я и не забывал тебя никогда все эти долгие века, пока я путешествовал по Отражению Земля, потому что часто по ночам сны мои тревожили видения твоих зеленых и золотых пиков, башен, твои разлетающиеся террасы. Я помню твои широкие улицы и проспекты, цветов золотых и красных. Я помню сладость твоего воздуха, башни, дворцы; все прелести, которые в тебе были, есть и всегда будут. Эмбер, бессмертный город, давший частицу своей жизни городам в мире, я не могу позабыть даже в тот день, в Лабиринте Рэбы, когда я вспомнил тебя в отражении стен после первого хорошего обеда, на который я накинулся изголодавшийся, после любви с Мойрой -- но ничего не может сравниться с тем удовольствием и любовью, которые я испытал, вспомнив тебя, и даже сейчас, когда я стою, созерцая Двор

Хаоса, рассказывая эту историю единственному человеку, который ее слушает с тем, чтобы он, может быть, повторил ее, если захочет, чтобы хоть рассказ этот остался жить после того, как я умру здесь; и даже сейчас я вспоминаю тебя с любовью, о городе, в котором я был рожден, чтобы властвовать.

Еще десять шагов, затем искрящаяся филигрань огня возникла передо мной. Я наблюдал за ней, а пот струился с моего тела и быстро смывался водой.

Я был на грани срыва, на какой-то тонкой грани, что даже воды комнаты, казалось, стали двигаться непрерывным потоком в моем направлении, грозя смыть меня, унести из Лабиринта. Я боролся изо всех сил, сопротивляясь. Инстинктивно я знал, что уйти из Лабиринта до того, как я прошел его весь, означает верную смерть. Я не осмелился оторвать взгляд от того огня, который переливался передо мной, не осмелился оглянуться назад, чтобы посмотреть, много ли прошел и сколько мне еще осталось. Потом ослаб, и новые воспоминания вернулись ко мне, воспоминания о моей жизни принца Эмбера.

Нет, я не стану вам о них рассказывать, не просите; они мои -- жестокие и разгульные, благородные и ... воспоминания моего детства в великом дворце Эмбера, над которым развевалось зеленое знамя моего отца Оберона с белым единорогом, скачущим во весь опор. Рэндом прошел через Лабиринт. Даже Дейдра прошла через него. Значит, я, Корвин, пройду его вне всяких сомнений, каким бы ни было сопротивление. Я вышел из филигранного столба огня и пошел по Великой Кривой. Силы, формирующие Вселенную, упали мне на плечи, стали строить меня по своему подобию.

У меня, однако, было преимущество перед любым другим человеком, проделавшим этот путь. Я знал, что один раз уже шел через Лабиринт, а следовательно, могу сделать это и сейчас. Это помогало мне против того неестественного страха, который накатывал на меня черными облаками и уходил только для того, чтобы потом нахлынуть с удвоенной силой. Я шел через Лабиринт и вспоминал все то время, пока я еще не провел долгие века на Отражении Земли, и другие Отражения, некоторые из которых были дороги и

близки моему сердцу, а одно из которых я любил больше всех остальных, если не считать Эмбера. Я прошел еще три поворота, прямую линию и несколько крутых виражей, и вновь ощутил власть над тем, чего я никогда не терял -- власть над Отражениями.

Десять поворотов, после которых голова моя была как в тумане, короткий вираж, прямая линия и Последняя Вуаль. Двигаться было мучением. Вода вокруг меня стала ледяной, а потом закипела. Казалось, давила она на меня со всех сторон. Я боролся, переставляя одну ногу за другой. Искры взлетали до моей талии, потом до груди, до плеч. Они зарябили у меня перед глазами. Они окружили меня со всех сторон. Я с трудом видел сам Лабиринт.

Затем -- короткий вираж, окончившийся темнотой.

Шаг, другой... При последнем шаге возникло ощущение, что шагаешь через бетонную стену.

Я прошел.

Затем я медленно повернулся и посмотрел назад, на тот путь, который я проделал. Я не мог позволить себе роскошь упасть на колени. Я был принцем Эмбера и, клянусь богом, ничто не могло заставить меня показать слабость перед моими подданными. Ничто, даже Лабиринт!

Я весело помахал рукой в направлении, которое считал правильным. Могли они меня видеть или нет -- это уже совсем другой вопрос. Затем я на секунду остановился и задумался. Теперь я знал ту власть, которую дает Лабиринт. Пройти по нему назад будет совсем нетрудно.

Но к чему беспокоиться? Правда, у меня не было с собой колоды Карт, но сам Лабиринт мог сослужить мне такую же службу...

Они ждали меня -- мой брат и сестра, и Мойра, у которой бедра были как мраморные колонны.

Дейдра сама может о себе позаботиться, пусть теперь делает, что хочет, ведь, в конце концов, мы спасли ей жизнь. Я не чувствовал себя обязанным защищать ее от всяческих опасностей изо дня в день. Рэндом застрял в Рэмбе

на год, если у него, конечно, не хватит смелости броситься в Лабиринт, добраться до его центра и использовать его силу. Что касается Мойры, то мне было очень приятно с ней, и, может быть, когда-нибудь я навещу ее еще раз, и все такое... Я закрыл глаза, наклонил голову. Однако за секунду до этого я увидел какую-то мелькнувшую тень.

Рэндом?! Все-таки рискнул? Как бы там ни было, он все равно не знал, куда я собираюсь направиться. Никто этого не знал.

Я открыл глаза и увидел себя в центре такого же Лабиринта, только зеркального его отражения.

Мне было холодно, я чертовски устал, но я был в Эмбере, в настоящей комнате, я не в том ее отражении, в котором я только что находился. Из Лабиринта я мог переместиться в любое место Эмбера, куда бы я только ни пожелал.

Однако попасть обратно -- вот в чем проблема.

Поэтому я стоял, не двигаясь, и размышлял.

Если Эрик занял королевские покои, я тогда найду его именно там. А может, в тронном зале. Но тогда мне придется добираться обратно до Лабиринта своими силами и вновь попасть в центр, чтобы воспользоваться имеющейся там силой.

Я переместился в одно из потайных мест дворца, о которых знал. Это была квадратная комнатка без окон, свет в которую проникал сверху через узкие наблюдательные щели. Я закрыл изнутри единственную выдвижную дверь, обмахнул пыль со скамейки у стены, расстелил на ней свой плащ и прикорнул, чтобы немного вздремнуть. Если кому-нибудь придет в голову добраться до меня сверху, я услышу его задолго до того, как он успеет это сделать.

Я заснул.

Когда я проснулся, я встал, отряхнул плащ и вновь накинул его. Затем я вышел из комнаты и начал спускаться и подниматься по множеству лестниц, которыми был так богат этот дворец. По отметкам на стене я знал, где находится искомая мною комната.

На одном из пролетов лестницы, на площадке, я остановился и начал искать отверстие в стене. Обнаружив его, я посмотрел внутрь комнаты. Никого. Тогда я отодвинул панель двери и вошел.

Внутри комнаты я был поражен огромным количеством книг... Присутствие книг всегда приводит меня в восхищение. Я осмотрел все, заглядывая повсюду, и в конце концов направился к хрустальному сундучку, в котором лежало все, без чего не могла обойтись наша семья -- старая шутка между нами. В сундучке лежали четыре колоды фамильных карт, и я долго пытался выудить одну, чтобы не сработала сигнализация -- что помешало бы мне ею воспользоваться.

Примерно минут через десять мне удалось это сделать. Правда, попотеть пришлось изрядно. Затем, с колодой в руке, я нашел себе кресло поудобнее, и уселся, чтобы поразмыслить.

Карты были такие же, как у Флоры, но в колоде были все мы, как под стеклом, и холодные на ощупь. Теперь я знал, почему это так.

Я растасовал колоду и разложил карты перед собой надлежащим образом. Затем я начал читать их и увидел, что они не сулили ничего хорошего для всей нашей семьи, после чего я опять собрал их вместе.

Кроме одной.

Карты с изображением моего брата Блейза.

Я сложил остальные карты в колоду и засунул ее за пояс. Затем я стал смотреть на Блейза.

Примерно в это время в замке большой двери -- главного входа в библиотеку -- заскрипел ключ. Что я мог сделать? Чуть ослабив шпагу в

ножнах, я стал ждать. При этом, однако, я все-таки нагнулся так, что меня закрывал стол.

Чуть приподняв голову, я увидел, что это был всего лишь Дик -- человек, который убирал помещение, выкидывал окурки из пепельниц, опорожнял корзины для бумаг и вытирал пыль с полок. Так как быть обнаруженным не приличествовало моему сану, я выпрямился, поднявшись во весь рост, и сказал:

-- Привет, Дик. Помнишь меня?

Он повернулся, весь побледнев, застыл на месте и ответил:

-- Ну конечно, лорд. Как я мог забыть?

-- Думаю, прошло столько времени, что в этом бы не было ничего странного.

-- Никогда, Лорд Корвин.

-- Боюсь, я пришел сюда без официального приглашения, да и занимаюсь своими поисками без чьего-либо ведома, -- сказал я. -- Но если Эрику это не понравится, когда ты расскажешь ему о нашей встрече, будь любезен, объясни ему, что я всего лишь пользуюсь своими правами и что довольно скоро он увидит меня сам лично.

-- Я это сделаю, милорд, -- ответил он, низко поклонившись.

-- Иди сюда, присядь рядом со мной на минутку, и я скажу тебе кое-что еще.

Он послушно подошел и сел, и я тоже сел рядом.

-- Было время, -- начал я, обращаясь к этому древнему слуге, -- когда считали, что я исчез навсегда и никогда уже больше не появлюсь. Но раз уж так случилось, что я не умер, а более того, приобрел всю свою былую силу, боюсь, мне придется оспаривать требование Эрика на трон Эмбера. Не то чтобы этот вопрос можно было так просто решить, потому что он не перворожденный, ведь заяви свои права тот, не думаю, что Эрик пользовался бы особой популярностью. По этим, среди многих других причин, -- в большинстве своем личного характера -- я собираюсь противостоять ему. Я еще не решил. Ни как я

это сделаю, ни по какому праву, но клянусь богом, он заслуживает того, чтобы с ним боролись! Передай ему это. Если он пожелает найти меня, скажи ему, что я в Отражениях, но не в тех, которых был раньше. Он поймет, что я хочу этим сказать. Меня не так легко будет уничтожить, потому что я приму не меньшие меры предосторожности, чем он. И я буду драться с ним до конца, в аду или в раю, пока существует свет, пока один из нас не перестанет дышать. Что ты скажешь на это, старина?

Он взял мою руку и поцеловал ее.

-- Да здравствует лорд Корвин! -- сказал он, и в глазах его стояли слезы.

Затем петли входной двери заскрипели и она распахнулась настежь. Вошел Эрик.

-- Привет, -- сказал я, поднимаясь с места, голосом, как можно более равнодушным. -- Не ожидал я тебя увидеть так скоро. Как дела в Эмбере?

Глаза его расширились от удивления, но в его голосе слышались нотки, которые обычно называют сарказмом, и я не могу придумать лучшего слова.

-- С одной стороны, все обстоит просто прекрасно, Корвин. С другой же, как выяснилось, отвратительно.

-- Жаль, -- сказал я. -- Как же можно это исправить?

-- Я знаю способ, -- он бросил взгляд на Дика, который молча удалился, закрыв за собой дверь. Я услышал щелчок замка.

Эрик высвободил шпагу из ножен.

-- Ты желаешь обладать троном, -- сказал он.

-- Разве не все мы этого желаем? -- ответил ему я.

-- Наверное, ты прав, -- заметил он со вздохом. -- Недаром говорят: "Дурная голова ногам покоя не дает". Я не понимаю -- почему мы все так рвемся попасть в это, в сущности, нелепое положение. Но ты должен помнить, что я уже победил тебя дважды, и в последний раз милостиво подарил тебе жизнь и позволил тебе жить на одном из Отражений.

-- Не на столько уж ты милостив, -- ответил я. -- Ты прекрасно знаешь, что просто оставил меня подыхать от чумы. А в последний раз, насколько я помню, все решил жребий.

-- Значит, нам предстоит решать между нами двумя, Корвин. Я -- твой старший брат, и я лучше и сильнее тебя. Если ты желаешь биться со мной на шпагах, то меня это вполне устраивает. Убей меня, и трон, вполне возможно, будет твоим. Попробуй. Однако, не думаю, чтобы тебе это удалось. И мне бы хотелось покончить с твоими притязаниями прямо сейчас. Нападай. Посмотрим, чему ты научился на этом Отражении, которое называется Землей.

И шпага его очутилась в его руке, а моя -- в моей. Я обошел вокруг стола и сказал ему:

-- Все-таки никогда я не встречал такого самовлюбленного человека, как ты. С чего ты взял, что лучше всех нас остальных и больше подходишь для трона?

-- С того, что я его занял, -- ответил он. -- Попробуй, отбери.

И я попробовал. Я сделал прямой выпад в голову, который он отпарировал, и в свою очередь отпарировал его контратаку в область сердца, нанося режущий удар по запястью.

Он легко заблокировал удар и толкнул небольшой стул так, что он оказался между нами. Я с удовольствием ударил по стулу в направлении его лица, но промахнулся, и шпага его вновь сверкнула перед моими глазами. Я отпарировал его атаку, а он -- мою. Затем я сделал выпад, пригнувшись, он был отбит, и я тут же с трудом отбил его удар.

Я попытался провести одну очень хитрую атаку, которой научился во Франции, заключающуюся в ударе, потом финте "ин кварто", финте "ин сексте" и выпаде, заканчивающимся ударом по кисти. Выпад прошел, и из его руки потекла кровь.

-- Будь ты проклят, брат! -- сказал он, отступая. -- Мне донесли, что Рэндом сопровождает тебя.

-- Верно, многие из нас объединились против тебя.

Тогда он кинулся на меня, отбросив назад, и я внезапно почувствовал, что несмотря на все мое искусство, он все же был сильнее. Возможно, он был одним из самых великих фехтовальщиков, с которыми я когда-либо имел дело. Внезапно у меня возникло чувство, что я не смогу победить его, и я стал отбиваться как сумасшедший, отступая назад по мере его неумолимого наступления, шаг за шагом. Оба мы несколько веков были учениками самых великих мастеров шпаги. Самым великим и непревзойденным из всех был наш брат Бенедикт, но его не было рядом, чтобы помочь -- так или иначе. Я схватил со стола какие-то мелочи -- первое попавшее мне под руку -- и бросил их в Эрика. Но он быстро нырнул и продолжал наступать так же стремительно, а я принялся постепенно отступать левее, делая круг, но все это время я видел кончик его шпаги у моего левого глаза. И я был испуган. Он фехтовал блестяще. Если бы я не так ненавидел его, то заплотировал бы такому искусству.

Я продолжал отступать, а страх следовал за мной по пятам, страх и знание того, что я не могу победить его. Когда дело касалось шпаги, он был лучше меня. Я выругался про себя, но это ничего не меняло. Я провел еще три хитроумные атаки и был побежден в каждой из них. Он небрежно парировал и заставлял меня отступать под градом сыпавшихся на меня ударов.

Только не поймите меня неправильно. Я фехтовал безупречно. Просто казалось, что он -- лучше.

Затем в зале снаружи зазвучали какие-то звонки -- сработала система сигнализации. Скоро здесь будут наемники Эрика, и если он не убьет меня до тех пор, то они наверняка довершат начатую им работу -- может, это будет стрела арбалета, может, что-то другое, все это уже не имело значения.

С его правой кисти капала кровь. Рука его все еще оставалась твердой, но у меня внезапно возникло ощущение, что при других обстоятельствах, все время обороняясь, мне удалось бы вымотать его до такой степени, что раненая

рука помешала бы парировать ему одну из моих атак.

Я выругался, на сей раз вслух, и он засмеялся.

-- Ты просто дурак, что явился сюда.

Он не понял, что я намеревался сделать давным-давно, до тех пор, пока уже не было поздно. Я специально отступал так, чтобы дверь очутилась за моей спиной. Это было рискованно, так как у меня почти совсем не оставалось пространства для отражения его атак, но это было лучше, чем верная смерть.

Левой рукой я исхитрился задвинуть дверь на засов. Это была очень тяжелая дверь, и теперь им придется высадить ее, чтобы проникнуть в библиотеку. Это давало мне еще несколько минут. Это также стоило мне ранения в плечо от удара, который я мог лишь частично отразить, пока закрывал дверь на засов левой рукой. Но это было мое левое плечо, а мне важна была моя правая рука со шпагой. Я улыбнулся, чтобы показать ему, насколько я уверен в себе, и сказал:

-- Возможно, это ты поступил глупо, войдя сюда. Так что кто из нас дурак, это еще бабушка надвое сказала. Вот видишь, ты уже фехтуешь медленнее.

И тут я попытался провести быструю, бешеную по скорости атаку.

Он отпарировал, но отступил при этом на два шага.

-- Эта рана тебя доканает, -- прибавил я. -- Рука твоя слабеет. Неужели ты не чувствуешь, что в ней почти не осталось силы?

-- Заткнись! -- сказал он.

И я понял наконец-то, что задел его. Это на несколько процентов увеличило мои шансы, и я стал наступать на него со всех сил, на какие только был способен, одновременно понимая, что не выдержать долго такой убийственной скорости.

Но Эрик этого не понимал. Я насадил в нем ростки страха, он позорно отступал перед моей бешеной атакой.

В дверь заколотили, но об этом я мог теперь не беспокоиться, по крайней

мере на первых порах.

-- Я убью тебя, Эрик, -- сказал я. -- Я стал куда жестче, чем был, братец, так что приготовься к смерти.

Тогда я увидел, что страх появился в его глазах, а потом отразился на лице, и манера его фехтования изменилась соответствующим образом. Теперь он только защищался и отступал. Я знал, что мой блеф удался, потому что он фехтовал всегда лучше, чем я. Но что, если с моей стороны это было только психологическим трюком? Что, если я просто убедил себя в том, что я слабее, потому что Эрик внушал мне это? Что, если я все время обманывал самого себя? Может быть, я фехтовал ничуть не хуже его? Со странным чувством появившейся во мне уверенности я предпринял ту же атаку, что и раньше, и вновь мне удалось ранить его в ту же руку. Я сказал Эрику:

-- Вот это уже совсем глупо, Эрик. Два раза попасться на одну и ту же удочку.

Тут он, отступая, зашел за большое широкое кресло, и некоторое время мы дрались прямо через него.

Колотить в дверь перестали, и голоса, которые кричали, пытаясь узнать в чем дело, замолкли.

-- Они пошли за топорами, -- пыхтя, сказал Эрик. -- Ты и оглянуться не успеешь, как они будут здесь.

Я ответил ему, не переставая улыбаться:

-- И все же это займет несколько минут. Вполне достаточно для меня, чтобы покончить с нашим делом. Ты обороняешься с большим трудом, и из руки кровь так и хлещет -- посмотри-ка на нее!

-- Заткнись!

-- К тому времени, как они высадят эту дверь, здесь будет только один принц Эмбера, и им будешь не ты!

Тогда левой рукой он смахнул в моем направлении ряд книг с полки. Они полетели в меня, стукая и падая вокруг. Однако он не воспользовался этой

предоставившейся ему возможностью атаковать. Он кинулся через всю комнату и подобрал небольшой стул, который прижал к себе левой рукой. Потом он забился в угол и вытянул стул вместе со шпагой перед собой.

-- Подходи! -- вскричал он. -- Попробуй-ка победить меня сейчас!

-- Ты испугался, -- сказал я.

Он расхохотался.

-- Вопрос чисто академический. Ты не успеешь убить меня, потому что у тебя не хватит времени: скоро дверь рухнет. И тогда твоя песенка спета.

Я быстро подошел к противоположной стене комнаты.левой рукой я открыл дверь, через которую сюда вошел.

-- Ладно, -- сказал я. -- Похоже, что ты не умрешь, по крайней мере, сейчас. Тебе повезло. Но в следующий раз, когда мы встретимся, тебе уже некому будет помочь.

Он плюнул в мою сторону и обругал меня нашими традиционными грязными ругательствами, даже опустив на пол стул, чтобы сделать рукой еще более грязный жест, в то время как я отодвигал дверь и закрывал ее за собой.

Раздался тупой удар, и восемь дюймов стали торчали из панели двери с той стороны, с которой я запираю ее на засов. Рискованно, если я вдруг вернусь, но он знал, что у меня уже не было времени.

Я спускался по лестнице так быстро, как только мог, к той комнатке, где так недавно спал. Спускаясь, я обдумывал мое возросшее мастерство в фехтовании. В начале хода поединка я был подавлен человеком, который всегда выходил победителем из стычек со мной. Теперь же я задумался. Может быть, те века, которые я провел в Отражении Земли, не прошли даром? Может быть, я действительно стал искуснее в течение этого времени? Теперь я чувствовал, что, по крайней мере, я ровня Эрику на шпагах. Это чувство было мне приятно. Если мы встретимся снова, а я был уверен, что такая встреча произойдет, и нам никто не будет мешать -- кто знает? Шансы у нас равные. И сегодняшний поединок напугал его. В этом я был уверен. Может быть, это замедлит его

атаки, вызовет колебания, так необходимые мне при следующей встрече.

С последнего лестничного пролета я просто спрыгнул -- там было ступенек пятнадцать -- чуть подогнув колени при приземлении. Я был на эти, вошедшие в поговорку, пять минут впереди погони, но я был уверен, что смогу воспользоваться этим и бежать.

Потому, что за поясом у меня была колода карт.

Я снова вытащил карту, на которой был изображен Блейз, и пристально посмотрел на нее. Плечо у меня болело, но я позабыл о ране, когда холод постепенно начал охватывать меня. Было два способа уйти из Эмбера сразу в Отражение... Одним из них являлся Лабиринт, редко используемый для этой цели.

Другим способом была Червовая Масть, если тебе, конечно, не страшно было довериться брату.

Я думал о Блейзе. Ему я почти мог верить. Он был моим братом, но у него были неприятности, и он не отказался бы от моей помощи.

Я уставился на фигуру на карте, одетую во все красное и оранжевое, со шпагой в правой руке и бокалом вина -- в левой.

Сам дьявол плясал в его голубых глазах, борода сверкала, а рисунок на шпаге, неожиданно понял я, повторял рисунок части Лабиринта. Кольца на его пальцах сверкали. Казалось он зашевелился.

Контакт я ощутил как порыв ледяного ветра.

Теперь фигура на карте, казалось, стала в натуральную величину и изменила положение на то, в котором находилась в настоящий момент. Глаза его еще не увидели меня, но губы уже зашевелились.

-- Кто это? -- спросил он, я явно услышал слова.

-- Корвин, -- ответил я, и он протянул вперед левую руку, в которой на этот раз не было кубка с вином.

-- Тогда иди ко мне, если хочешь.

Я тоже протянул руку, и пальцы наши соприкоснулись. Я сделал шаг.

Я все еще держал карту в левой руке, но мы с Блейзом уже стояли рядом друг с другом на скале, а слева от нас была пропасть, а справа возвышался высокий замок. Небо над нашими головами было цвета пламени.

-- Привет, Блейз, -- сказал я, засовывая карту за пояс, в колоду со всеми остальными. -- Спасибо за помощь.

Внезапно я почувствовал слабость и понял, что кровь все еще текла из моего левого плеча.

-- Ты ранен! -- он обнял меня рукой за плечи, и я собрался было кивнуть головой, соглашаясь, но вместо этого потерял сознание.

Позже ночью, удобно растянувшись на огромном кожаном кресле, я потягивал виски. Мы курили, передавая бутылку друг другу, и разговаривали.

-- Значит, ты действительно побывал в Эмбере?

-- Вот именно.

-- И ты ранил Эрика в поединке?

-- Да.

-- Лучше бы ты убил его. Хотя нет. Против тебя у меня меньше шансов, чем против него...

Я решил быть с ним предельно честным.

-- Все мы претендуем на трон, поэтому нам нет причин лгать друг другу.

Я не собираюсь убивать тебя ради этого -- слишком бы это было глупо -- но, с другой стороны, я не собираюсь отказываться от своих шансов только потому, что ты такой радушный хозяин. Рэндом тоже не отказался бы поучаствовать в этой игре, но с ним можно не считаться. О Бенедикте давно никто ничего не слышал. Жерар и Каин, кажется, предпочитают скорее поддерживать Эрика, чем претендовать на трон самим. То же самое и Джулиан. Значит, остается Брандт и наши сестры. Где сейчас Брандт и чем он занимается, я понятия не имею, но я знаю, что Дейдра абсолютно беспомощна, разве что только ей удастся вместе с Льювиллой получить помощь в Рэмбе, а Флора целиком принадлежит Эрику. Я не знаю, правда, что замышляет Фиона.

-- Так что, остаемся мы с тобой, -- сказал Блейз, вновь наполняя рюмки.

-- Да, ты прав. Я не знаю, что замышляет каждый из нас, но, по-моему, если сравнить твоё и моё положение, то я сейчас сильнее. Ты мудро поступил, что пришел ко мне. Окажи мне помощь, и я дам тебе Регентство.

-- Благослови тебя бог за доброту, -- сказал я. -- Там видно будет.

Мы прихлебнули по глоточку виски.

-- Что ещё можно сделать? -- спросил он, и я понял, что это очень важный вопрос.

-- Для осады Эмбера я могу набрать целое войско, -- ответил я.

-- В каком Отражении находится это твоё войско?

-- А вот это уже, без всякого сомнения, касается меня одного, -- ответил я, -- но с тобой я драться не буду. Когда речь идет о троне, то я предпочту видеть на нем тебя, меня, Жерара или Бенедикта -- если он все еще жив.

-- И конечно, предпочтительнее всех -- тебя?

-- Конечно.

-- Тогда мы понимаем друг друга. А, следовательно, на этом этапе мы можем работать вместе.

-- Я тоже так думаю, -- согласился я. -- Иначе с какой стати я добровольно отдался бы тебе в руки?

Он улыбнулся из-за своей густой бороды.

-- Тебе нужна была хоть какая-то помощь, а я был наименьшим злом из всех остальных.

-- И это верно, -- вновь согласился я.

-- Как бы я хотел, чтобы здесь был Бенедикт. И чтобы Жерар не переметнулся.

-- Желания, желания. Желай одно, делай другое, и посмотри, что из этого получится. Тогда ты в любом случае не проиграешь.

-- Хорошо сказано.

Некоторое время мы молчали, потом он спросил:

-- Насколько я могу доверять тебе? -- но я молчал.

-- Тогда давай заключим договор. Честно говоря, я уже много лет считал тебя мертвым. Я не мог предвидеть, что ты появишься в самый критический момент и заявишь о своих правах. Но ты здесь, так что теперь и говорить не о чем. Будем союзниками -- объединим наши силы и осадим Эмбер. Тот из нас, кто выживет, займет место на самом верху. Если мы выживем оба -- какого черта, в конце концов, мы можем драться на дуэли!

Я обдумал его слова. Они звучали как самый порядочный договор, который мне когда-либо предлагали. Поэтому я ответил:

-- Ну, хорошо, утро вечера мудренее. Я дам тебе ответ завтра утром.

Годится?

-- Годится.

Мы допили виски и ударились в воспоминания. Мое плечо немного гудело, но виски помогло, легче было и от мази, которую наложил на рану Блейз. Через некоторое время мы совсем размякли.

Это кажется странным, я думаю, иметь родных и обходиться без всяких родственных чувств, потому что жизнь предопределила каждому из нас свой путь. Боже! Ночь кончилась прежде, чем мы наговорились до усталости. Тогда он хлопнул меня по здоровому плечу и сказал, что начал чувствовать усталость и что слуга подаст мне завтрак в постель. Я кивнул головой, мы обнялись, и он ушел к себе.

Затем я подошел к окну, и с той огромной высоты, на которой я находился, посмотрел в пропасть.

Костры лагеря, расположенного внизу, блестели как звезды. Их было тысячи. Я видел, что Блейз собрал большое войско, могучую силу, и я позавидовал ему. Но, с другой стороны, это хорошо. Если кто-нибудь и мог победить Эрика, то, скорее всего, это был Блейз. Да и он не был бы таким уж плохим монархом в Эмбере, просто я предпочитал видеть на этом месте себя.

Я все продолжал стоять у окна и смотреть вниз, и увидел, что между кострами движутся странные тени. Тогда я задумался, что же это на самом деле была за армия. Какой бы она ни была, у меня и этого не было. Я вернулся к столу и налил себе последнюю рюмку.

Однако прежде, чем выпить, я зажег светильник. При его свете я вытащил колоду украденных мною карт.

Я разложил их перед собой и остановился на той, где был изображен Эрик. Я положил ее в центр стола и убрал остальную колоду в пачку.

Через некоторое время картинка ожила, и я увидел Эрика в его ночных одеяниях и услышал сонный голос:

-- Кто?

Рука его была перевязана.

-- Я, -- ответил я. -- Корвин. Как поживаешь?

Тогда он выругался, а я засмеялся. Это была опасная игра и, может быть, не выпей я столько виски, я бы не затеял ее, но я продолжал:

-- Мне просто захотелось тебе сказать, что у меня все в порядке.

Хотелось также напомнить тебе нашу семейную поговорку о перекладывании с больной головы на здоровую. Хотя тебе твою голову долго носить не удастся.

Та что, привет, братец! Тот день, когда я снова войду в Эмбер, будет днем твоей смерти! Просто мне захотелось тебе об этом сказать -- ведь этот день не за горами!

-- Приходи, -- ответил он, -- только на этот раз я тебя не пожалею.

Глаза его были в этот момент прямо передо мной, и мы были близки.

Я сделал ему нос и закрыл карту ладонью.

Это произвело тот же эффект, что и вешание телефонной трубки, и я засунул Эрика вместе с остальными картами.

Однако, засыпая, я подумал о войске Блейза там, внизу, и о том, какой защитой обладает Эрик.

Это будет нелегко.

Это место называлось Авернус, и набранное войско состояло не совсем из людей. Я внимательно осмотрел их на следующее утро, идя вслед за Блейзом, который совершал обход. Каждый из воинов был семи футов ростом, с очень красной кожей, на которой почти не было волос, кошачьими глазами и шестипалыми руками и ногами. На них были одежды настолько легкие, что напоминали шелк, хотя они явно были сотканы из другого материала. У них была серая с голубым форма. На поясе каждого висели две короткие сабли, загнутые на конце. Уши у них были остроконечные, а пальцы оканчивались когтями.

Климат здесь был теплый, цвета -- приятные для глаза, и все думали, что мы -- боги.

Блейз нашел такое место, где религия говорила о братьях-богах, похожих на нас и воюющих друг с другом. Неизбежно в их мифологии злой брат захватывает власть и пытается угнетать хороших братьев. И, конечно, среди них бытовала легенда из Апокалипсиса, по которой сами они будут призваны сражаться на стороне добрых братьев.

Моя рука была на черной перевязи, я шел, осматривая войско и размышлял о том, что скоро они погибнут. Перед одним воином я остановился и окинул его взглядом, спросив у него:

-- Знаешь ли ты, кто такой Эрик?

-- Князь Тьмы, -- ответил он.

-- Молодец, -- поощрил я его и пошел дальше.

Прогредел пушечный салют в честь меня и Блейза.

-- Какова численность твоей армии? -- спросил я.

-- Примерно пятьдесят тысяч.

-- Приветствую тебя, идущего на смерть, -- перефразировал я. -- Ты не только не сможешь завоевать Эмбер, тебе даже не удастся довести их до подножия Колвира. Смешно даже думать выставить этих несчастных против бессмертного города с их игрушечными шпагами и пушками.

-- Знаю, -- ответил он, -- но это все, что у меня есть.

-- Да, скорее можно считать, что этого у тебя просто нет.

-- А что ты скажешь о трех флотилиях, примерно в половину сил Каина и Жерара, вместе взятых?

Это уже было серьезнее.

-- Все это недостаточно. Можно сказать, что это -- только начало, -- сказал я

-- Знаю. Я набираю силы.

-- И чем скорее мы это сделаем, тем лучше. Эрик будет отсиживаться в Эмбере и уничтожать наши войска, когда мы будем идти по Отражениям. Когда остатки армии дойдут до Колвира, ему удастся уничтожить очень много людей. Затем надо будет подняться до Эмбера. Как ты думаешь, сколько сотен наших воинов останется в живых, когда мы достигнем города? Остатки наших сил можно будет уничтожить за пять минут, причем безо всякого труда для Эрика. Если это все, что у тебя есть, брат Блейз, то мне постепенно начинает не нравиться твой поход.

-- Эрик об'явил свою коронацию через три месяца. К тому времени я смогу по меньшей мере утроить силы. Наверное, мне удастся собрать четверть миллиона войск из Отражений, чтобы бросить их в бой против Эрика. Существуют другие миры, похожие на этот, и я наберу такие силы святых крестоносцев, какие еще никогда не осаждали Эмбер.

-- А у Эрика будет ровно столько же времени, чтобы усилить защиту. Я не знаю, Блейз, не знаю. Это практически самоубийство. Я не знал истинного положения вещей, когда пришел сюда...

-- А что есть у тебя? Ничего! Ходили слухи, что когда-то ты командовал

великолепным войском. Где оно?

-- Их больше нет в живых, -- отвернулся я. -- Я уверен.

-- Может, тебе удастся найти Отражение своего Отражения?

-- Я не хочу даже пытаться, -- ответил я. -- Прости.

-- Тогда какую же ты можешь принести мне пользу?

-- Я уйду, если это все, что ты от меня хотел -- пушечного мяса.

-- Подожди! -- вскричал он. -- Я сказал, не подумав. Даже если у тебя больше ничего нет, мне не обойтись без твоих советов. Пожалуйста, останься со мной. Я даже извинюсь, если хочешь.

-- Это не обязательно, -- ответил я, зная, что значит для принца Эмбера просить прощения. -- Я останусь. Я думаю, мне удастся помочь тебе.

-- Чудесно! -- он дружески хлопнул меня по здоровому плечу.

-- И я достану тебе войско, -- добавил я, -- можешь не беспокоиться.

Войско я ему достал. Среди многих Отражений, которые я прошел, я обнаружил расу мохнатых существ с когтями и клыками, похожих более или менее на людей, но с разумом тупоголового учителя подготовительных классов -- прошу у вас прощения, мальчики -- я хочу сказать, что они были преданы, честны, и их слишком легко было обмануть таким негодяям, каковыми являлись мы с Блейзом. Я себя чувствовал при этом по меньшей мере неуютно. Около ста тысяч таких созданий буквально молились на нас, вплоть до того, что целовали наши руки.

На Блейза это произвело впечатление и он заткнулся. Почти через неделю плечо мое выздоровело. Через два месяца наше войско превышало четверть миллиона солдат.

-- Корвин! Корвин! Ты все еще прежний, Корвин! -- сказал он, и мы выпили по этому поводу.

Но чувствовал я себя несколько странно. Почти всем нашим солдатам была уготована смерть. И ответственен за нее буду я. Я чувствовал некоторое раскаяние, хотя прекрасно понимал разницу между Отражениями и

действительностью. Тем не менее, каждая смерть будет самой настоящей смертью -- это я тоже знал. Много ночей провел я, раскладывая карты. В моей колоде были те отсутствующие карты, которых не хватало у Флоры. На одной из них был рисунок самого Эмбера, и я знал, что с его помощью могу в любой момент проникнуть в город. На других были наши исчезнувшие братья. А на одной из них был Отец, и я быстро убрал ее обратно в колоду. Он пропал без вести. Я долгое время всматривался в лица, пытаюсь сообразить, чего можно добиться от каждого из них. Несколько раз я раскладывал карты, и каждый раз на них выпадало одно и то же. Это был Каин.

Он был одет во все зеленое и черное, в темной треугольной шляпе с зеленым плюмажем из перьев, свисающих назад. За поясом был заткнут кинжал, в рукоять которого был вделан изумруд. Волосы у него были темными.

-- Каин, -- сказал я.

-- Кто?

-- Корвин.

-- Корвин? Это что -- шутка?

-- Нет.

-- Чего ты хочешь?

-- А что ты можешь предложить?

-- Ты знаешь.

В его глазах что-то мелькнуло, когда он посмотрел на меня, но я глядел на его руку рядом с кинжалом.

-- Где ты?

-- С Блейзом.

-- Ходили всякие слухи, что ты недавно побывал в Эмбере, и я о многом думал, глядя на перевязанную руку Эрика.

-- Ты хочешь знать, зачем я тебя вызвал? Ответ прост. Назови свою цену.

-- Что ты имеешь в виду?

-- Послушай, давай говорить откровенно, по крайней мере, сейчас. Как ты

думаешь, мы с Блейзом можем победить Эрика?

-- Нет. Именно поэтому я с ним. И я не продам свою армаду, если ты вызвал меня за этим -- ведь это верно, а?

-- Хитроумный брат, -- улыбнулся я. -- Ну что ж, мне было очень приятно побеседовать с тобой. Может, увидимся в Эмбере.

Я стал поднимать руку, и он торопливо вскрикнул:

-- Подожди.

-- Зачем?

-- Я ведь даже не знаю, что ты можешь мне предложить.

-- Нет, знаешь, -- ответил я. -- Ты догадался и дал мне понять, что тебя это не интересует.

-- Я этого не говорил. Просто я знаю, что теперь сильнее.

-- Ты хочешь сказать -- власти.

-- Пусть будет так. Что ты можешь предложить мне взамен?

Мы разговаривали около часа, после чего северные морские пути были открыты для меня и трех флотов Блейза, которые, войдя туда, получили бы подкрепление.

-- Если ты проиграешь -- трое в Эмбере лишатся своих голов, -- сказал он.

-- Но ведь ты так не думаешь, правда?

-- Нет. Я думаю, что скоро на троне окажешься либо ты, либо Блейз. Меня вполне устроит служить победителю. Регентство мне тоже не помешает. Хотя мне все еще хочется выторговать у тебя голову Рэндома как часть нашего договора.

-- Не пойдет. Либо мы договорились, либо нет.

-- Договорились.

Я улыбнулся, закрыл карту ладонью, и он исчез.

Жерара я оставлю на следующий день. Каин меня окончательно вымотал. Я повалился в кровать и уснул.

Жерар, узнав, как обстоят дела, согласился нас не трогать. Может,

потому, что попросил его об этом я, так как до сих пор он считал Эрика меньшим злом из всех существующих. Я быстро договорился с ним, пообещав все, что он просил, благо ничьих голов ему не требовалось. Затем я вновь провел смотр войскам и рассказал им об Эмбере. Станным образом они неожиданно быстро сдружились -- верзилы с красной кожей и мохнатые человечки с когтями.

Это было печально и это было правдой. Мы были их богами, и больше тут нечего было говорить.

Я видел великую флотилию, плывущую по волнам большого океана цвета крови. Я задумался. В тех Отражениях миров, через которые им предстояло проплыть, многие погибнут. Я думал о войске из Авернуса и моих рекрутах из Отражения, которое они называли Риик. Им предстояло пройти к настоящей земле, к Эмберу.

Я перемешал колоду карт и разложил их. Я поднял карту с Бенедиктом. Долгое время я пытался разыскать его, но, кроме холода, ничего не почувствовал.

Затем я взял в руки карту с Брандтом. И опять долгое время не чувствовал ничего, кроме холода.

Затем послышался крик. Это был даже скорее не крик, а вопль, раздирающий душу.

-- Помоги мне! -- кричал голос.

-- Как? -- спросил я.

-- Кто это? -- спросил он, и я увидел, что его тело забилось в судорогах.

-- Корвин.

-- Забери меня отсюда, брат Корвин! Все, что ни попросишь, отдам тебе взамен!

-- Но где ты?

-- Я...

И в моем мозгу возникли какие-то туманные странные картины, которые он

отказался принять, и еще один крик, как в предсмертной агонии, потом -- тишина. Затем поверхность карты вновь стала холодной.

Я понял, что весь дрожу. Отчего, я не знал. Я закурил и подошел к окну, глядя в ночь, оставив раскинутыми картами по столу в той комнате, которую мне отвели.

Звезды на небе были далекими, в туманной дымке. Ни одного созвездия я не узнавал. Маленькая голубая луна быстро вошла на небе. Ночь принесла с собой неожиданный зыбкий холод, и я плотнее завернулся в плащ. Я подумал о зиме, той неудавшейся кампании в России. Боги! Я чуть было не замерз до смерти! И к чему все это привело!

Ну конечно, к трону Эмбера. Потому что это было достаточным удовлетворением всех прошлых горестей.

Но что с Брандтом? Где он? Что с ним происходило и кто придумал для него такие пытки?

Ответы? Их у меня не было. Я напряженно думал, глядя на путь голубого диска на небе. Неужели я чего-то не учел? Неужели я просмотрел какую-то важную деталь, пустившись в это путешествие?

Нет ответа. Я снова сел за стол, поставив рядом небольшую рюмку виски. Я перебрал всю колоду, нашел карту Отца.

Оберон, Повелитель Эмбера, стоял передо мной в зеленых с золотом одеждах. Высокий, широкоплечий, с густой черной бородой, подернутой серебряными нитями, с такими же волосами. С зелеными кольцами в золотой оправе и зеленоватой шпагой. Когда-то мне казалось, что ничто не сможет сместить бессмертного короля с трона Эмбера. Что произошло? Я все еще не знал этого. Но он исчез. Как встретил отец свой конец? Я уставился на карту и стал концентрироваться. Ничего... Нет, ничего... Что-то? Да, что-то.

Я почувствовал ответ, даже, скорее, ответное движение, почти незаметное, и фигура на карте чуть изменила позу и с'ежилась до тени человека, который когда-то был моим отцом.

-- Отец? -- позвал я. Молчание. -- Отец?

-- Да...

Голосом слабым и далеким, как шум моря в морской раковине, едва слышный шелест.

-- Где ты? Что случилось?

-- Я... -- долгое молчание.

-- Да? Это Корвин, твой сын. Что такое произошло в Эмбере, что ты ушел?

-- Кончилось мое время.

Голос звучал еще дальше, еще приглушеннее.

-- Ты хочешь сказать, что отрекся от престола? Никто из братьев ничего мне не говорил, а я недостаточно им доверяю, чтобы спрашивать. Сейчас Эрик захватил Город, а Джулиан сторожит Арденнский Лес. Каин и Жерар патрулируют море. Блейз об'явил войну им всем, и я с Блейзом. Скажи, чего ты хочешь, отец?

-- Ты -- единственный из всех, кто спросил, -- выдохнул он. -- Да...

-- Что "да"?

-- Да, боритесь против них.

-- А как ты? Я могу помочь тебе? Как?

-- Мне... уже нельзя помочь. Взойди на трон...

-- Я? Или вместе с Блейзом?

-- Ты!

-- Да?

-- Я даю тебе свое благословение... Займи трон и поспеши с этим!

-- Но почему, отец?

-- У меня не хватает дыхания. Займи трон!

Затем и он тоже исчез.

Значит, мой отец был жив. Это было интересно. Что же теперь делать? Я прихлебывал виски и думал.

Однако, главное то, что он жив. И он был королем Эмбера. Почему он

ушел? Куда? Зачем, почему и все такое? Кто знает? Не я. А значит, сейчас больше не о чем говорить. Однако...

Я не мог сообразить, что к чему. У нас с отцом никогда не было особо хороших отношений. Правда, я не ненавидел его, как Рэндом или некоторые другие. Но так же верно и то, что у меня не было особенных причин любить его. Это был человек большой, могущественный, и он сидел на троне. Вот и все. В нем была также почти вся история Эмбера, какой мы ее знали, а история Эмбера простирается назад на столько тысячелетий, что им можно потерять счет. Вот и весь сказ. Я допил свой виски и пошел спать.

На следующее утро я присутствовал на военном совете генерального штаба Блейза. У него было четыре адмирала, каждый из которых командовал четвертью флота, и целый ворох армейских офицеров. Всего присутствовало около тридцати высоких чинов, больших и красных или маленьких и волосатых.

Заседание длилось четыре часа, затем мы все сделали перерыв, чтобы перекусить. Было решено, что мы выступим через три дня. Так как, чтобы открыть путь в Эмбер, требовался один из нас -- человек королевской крови -- то мне предстояло занять место на флагмане флотилии, а Блейзу -- провести войска через земли Отражений. Меня это тревожило, и я спросил его, что бы он делал в том случае, если бы я не появился вовсе и не предложил бы ему свою помощь? В ответ я услышал две вещи: во-первых, ему пришлось бы тогда все сделать одному, то есть сначала провести флот и оставить его на большом расстоянии от берега, а потом вернуться на единственном корабле в Авернус и вывести солдат в заранее намеченное место встречи; и, во-вторых, что все это время он искал среди Отражений одного из своих братьев, который согласился бы ему помочь.

Второй его план показался мне не совсем реальным, хотя, в принципе, и исполнимым. Что же касается первого, то у него просто бы ничего не вышло, потому что флот находился бы слишком далеко в море, чтобы видеть какие-либо сигналы с суши, а прийти в условленное место, да еще в точно назначенное

время, учитывая не только препятствия на пути, но и те непредвиденные обстоятельства, когда речь шла о такой большой армии, было практически совсем невозможно.

Но я всегда считал Блейза блестящим стратегом, и когда он разложил передо мной карты Эмбера и его пригородов, которые он сам составил, и об'яснил мне тактику, которой собирался придерживаться, я увидел в нем самого настоящего принца Эмбера, почти безупречного в своем амплуа.

Единственная неприятность заключалась в том, что выступали мы тоже против принца Эмбера, да еще того, который в настоящее время занимал куда более выгодную позицию. Я был встревожен, но с приближением коронации прямое нападение оставалось единственным нашим выходом, и я решил ни о чем не думать и следовать избранным путем. Если мы проиграем, наша песенка спета. Но у Блейза была армия и были планы, чего не было у меня.

Я проходил по землям Авернуса, глядя на его долины, покрытые нежным туманом, на его пропасти и дымящие кратеры вулканов, на его яркое солнце на этом совершенно сумасшедшем небе; я думал о его холодных, от которых по телу шла дрожь, ночах и слишком жарких днях, о множестве его скал в темном песке, о его больших пурпурных растениях, похожих на бесформенные кактусы. И в полдень второго дня, стоя на скале, возвышающейся над морем, под шапкой киноварных облаков, я решил про себя, что мне нравится это место, и что если сыны его погибнут в смертном бою за богов, я сделаю его бессмертным в песне, если мне удастся ее создать.

Стараясь не думать о своих страхах и сомнениях, я взашел на флагманский корабль флотилии и принял командование. И если нам удастся задуманное, то деяния наши навсегда будут запечатлены в залах бессмертных. Я был их проводником и открывателем пути. Я повелевал!

Мы отплыли на следующий день. Я ввел корабли в шторм, и мы вышли из него значительно ближе к месту нашего назначения. Я провел эскадру вокруг водяных смерчей, и мне все удалось. Затем мы проплыли через каменную мель, и

воды после нее стали темнее. Их цвет начал приближаться к цвету Эмбера.

Итак, я все еще знал, как это делается. Я мог влиять на нашу судьбу в пространстве и времени. Я мог провести нас домой. То есть, ко мне домой.

Я провел корабли мимо странных островов, где зеленые птицы каркали, а зеленые обезьяны висели на деревьях, как фрукты, раскачиваясь, иногда вереща и кидая в море камнями. Я повел корабли далеко в море, а затем обратно к берегу.

Блейз тем временем делал марш-бросок по равнинам. Своим шестым чувством я знал, что он проведет свои войска, какие бы препятствия ни ставил ему на пути Эрик. Я держал с ним связь с помощью карт и узнавал о всех его потерях.

Десять тысяч он потерял при странном землетрясении, пять -- в битве.

Двадцать тысяч погибло или пропало без вести в джунглях в Отражении, которое я не узнал, когда напалм падал на них сверху с каких-то жужжащих предметов, пронесившихся над их головами. Шесть тысяч дезертировало в одном из Отражений, которое выглядело как рай, который был им обещан, судьба пятисот солдат, пересекавших пустыню, где над ними внезапно вспыхнуло грибовидное облако, была неизвестна; восемь тысяч солдат были уничтожены почти мгновенно в долине, где какие-то военные машины появились совершенно неожиданно и открыли огонь. Тысяча человек заболело, и их пришлось оставить. Двести -- умерло при переправах через водные препятствия, пятьдесят четыре -- погибло на дуэлях, которые они затеяли между собой, триста -- погибло, отравившись незнакомыми фруктами, тысяча была уничтожена неожиданным нападением целого стада животных, похожих на бизонов, семьдесят три -- пропали, когда их походные палатки загорелись, полторы тысячи были сметены ураганным ветром, неожиданно подувшим изза голубых холмов, две тысячи были смяты наводнением.

Я был доволен, что к этому времени сам потерял всего лишь 184 корабля.

Спать, видеть сны... Да, есть вещи, которые действуют постепенно, как медленный яд. Эрик уничтожал нас исподволь, не торопясь, по одному. Предполагаемая коронация должна состояться через несколько недель, а он, вне

всякого сомнения, знал, что мы приближаемся, так как мы умирали и продолжали умирать.

Есть такой закон, по которому только принц Эмбера может путешествовать по Отражениям. Хотя, конечно, он может провести с собой столько людей, сколько сочтет нужным. Мы вели наши войска и видели, как они погибали, но я хочу сказать об Отражениях следующее: есть Отражение, а есть Вещество, и в этом корень всей жизни. Из Вещества -- только один Эмбер -- реальный город, стоящий на реальной земле. Любая же вероятность реального существует хоть где-то в каком-то Отражении.

Эмбер самым своим существованием отбросил Отражения по всем направлениям во всех сторонах жизни. И кто может сказать, что находится за всем Этим? Отражения простираются от Эмбера до Хаоса, и между ними все возможно. Есть только три пути через них, и все три достаточно трудны.

Один из них следующий: если ты принц или принцесса королевской крови, ты можешь идти сквозь Отражения, заставляя их изменяться на своем пути, как тебе больше нравится, до тех пор, пока данное Отражение не станет в точности таким, каким ты желал его видеть, ни больше, ни меньше. Тогда мир данного Отражения будет твоим собственным созданием, и ты сможешь делать в нем, что захочешь, если, конечно, не вмешаются другие твои родственники. В одном из таких миров я провел много веков до автомобильной катастрофы.

Вторым способом являются Карты, созданные Дворкиным, Мастером Штриха, который создал их по нашему подобию для того, чтобы члены королевской семьи могли поддерживать связь и видеться друг с другом в любое время. Дворкин был старым-престарым художником, для которого пространство и перспектива ничего не значили. Он нарисовал фамильную Червовую масть, которая позволяла каждому желающему переместиться к брату или сестре, где бы они ни находились. У меня было такое чувство, что карты эти обладали еще и многими другими возможностями, о которых мы просто не знали.

Третьим путем был Лабиринт, тоже созданный Дворкиным, по которому мог

пройти только член нашей семьи. Лабиринт вписывал шедшего по нему в систему карт, а выход из него давал возможность ходить по Отражениям.

Теперь я знал, что делал Рэндом, когда мы ехали с ним на машине. Во время путешествия он по памяти добавлял то, что помнил об Эмбере, и удалял то, чего там не было. В этом не было ничего необычного, потому что любой знающий человек мог достичь своего Эмбера.

Даже сейчас мы с Блейзом каждый могли бы найти отражения реального Эмбера, в котором правили бы, и провести все свое время там, сидя на троне. Но для нас это было бы не одно и то же. Потому что ни один из этих городов не был бы реальным Эмбером, городом, в котором мы родились, городом, по образу и подобию которого выстроены были все другие города, сколько бы их ни было в целом свете.

Поэтому мы и избрали самый трудный путь -- сквозь Отражения, собрались в битву против самого Эмбера. Тот, кто узнал об этом, обладая властью, мог поставить на нашем пути препятствия. Что и делал Эрик, и мы умирали. Что из этого получится? Этого сейчас не знал никто. Но если бы Эрик стал коронованным королем, это было бы отражено в каждом Отражении, повсюду.

Все оставшиеся в живых братья, мы -- принцы Эмбера -- каждый своим путем мечтали достигнуть того же самого, оказав таким образом нужное нам влияние на многочисленные Отражения.

Мы проскочили мимо кораблей-призраков -- флота Жерара -- Летучих Голландцев этого мира, и я понял, что мы приближаемся. Я начал вести отсчет времени.

На восьмой день нашего путешествия мы были близки к Эмберу. Именно тогда и разразился шторм. Море почернело, над головой начали собираться облака, паруса повисли в недолгом штиле. Солнце скрыло свое лицо -- огромное и голубое -- и я понял, что Эрик наконец-то нас обнаружил. Затем поднялся ветер и, если простят мне это выражение, буквально сломался о тот корабль, на котором я плыл.

"И рвал нас ветер, и била буря", как говорят или говорили поэты. При первом же шквале мои внутренности начало выворачивать наизнанку. Нас кидало из стороны в сторону, как игральные кости в руке великана. На нас накинлись сразу и воды моря, и ливень сверху. Небо стало черным, громыхали ужасающие раскаты грома.

При первом ударе все вскрикнули, я в этом не сомневаюсь. По крайней мере я вскрикнул. С большим трудом я добрался по палубе до покинутого рулевого колеса. Я пристегнулся и взял штурвал в руки. Эрик потирал от радости руки там, у себя, в Эмбере, в этом я не сомневался.

Потом я почувствовал легкий зуд, услышал как бы звяканье небольших колокольчиков и увидел Блейза, как бы на другом конце серого туманного туннеля. Прошло уже пять часов с начала шторма. Сколько людей мы потеряли? Я не имел ни малейшего представления.

-- В чем дело? -- спросил Блейз. -- Я уже несколько раз пытался связаться с тобой.

-- Жизнь наша полна неожиданностей, -- ответил я. -- Сейчас мы плывем по одной из них.

-- Шторм?

-- Можешь прозакладывать свои штаны. Это не шторм, а его прапрадедушка. Мне кажется, слева по борту я вижу какое-то чудовище. Если у него есть хоть капля мозгов, он ударит о дно корабля... Он только что так и сделал.

-- У нас тоже только что был шторм.

-- И тоже прапрадедушка?

-- Обыкновенный. Мы потеряли двести человек.

-- Верь, крепись и давай лучше свяжись со мной позже, -- ответил я. --
Годится?

Он кивнул головой, а за его спиной сверкнули две молнии.

-- Эрик знает наши силы, -- добавил он прежде, чем отключиться.

Мне ничего не оставалось, как согласиться с ним. Прошло еще три часа,

прежде чем море стало хотя бы немного успокаиваться, а то, что мы потеряли больше половины нашего флота -- на одном моем корабле погибло сорок человек команды из ста двадцати -- , я узнал значительно позднее. Шел сильный дождь.

И все же по морю, через Рэмбу, мы проплыли.

Я вынул колоду карт и достал оттуда Рэндома. Когда он понял, кто говорит, первыми его словами были:

-- Поворачивай обратно!

Я спросил, почему.

-- Потому что, если верить Льювилле, Эрику ничего не стоит сейчас стереть вас в порошок. Она говорит, что вам надо подождать немного, пока все уляжется, и напасть на него в самый неожиданный момент, когда он не будет этого ждать, скажем, через год.

Я покачал головой и сказал:

-- Извини. Но не могу. Слишком много у нас было потерь, и мы почти у цели. Сейчас или никогда.

Он пожал плечами, и на его лице ясно отразилось выражение, которое легче всего описать словами: "Не говори, что я тебя не предупреждал".

-- А все же, почему? -- спросил я его.

-- Главным образом потому, что я узнал, что он может управлять погодой.

-- И все же нам придется рискнуть.

-- Не говори потом, что я тебя не предупреждал.

-- Он точно знает, что мы приближаемся?

-- А как ты думаешь? Разве он полный кретин?

-- Нет.

-- Тогда он знает. Если я знаю об этом в Рэмбе, то он тем более знает об этом, сидя в Эмбере, а я ЗНА` по тем колебаниям, которые вы производите в Отражениях.

-- К сожалению, у меня с самого начала были недобрые предчувствия относительно нашей экспедиции, но это план Блейза.

-- Выйди из игры, и пусть с плеч летит только его голова.

-- Нет, так рисковать я не буду. Он может и выиграть. Я веду флот.

-- Ты разговаривал с Жераром и Каином?

-- Да.

-- Тогда ты думаешь, что на море у тебя есть шанс. Но послушай, Эрик разобрался, как контролировать Драгоценный Камень Правосудия, насколько я понял из придворных сплетен Рэмбы о его двойнике. Он МОЖЕТ использовать его, чтобы контролировать погоду в реальном мире. Это бесспорно. Один бог знает, что он может еще сделать с его помощью.

-- Жаль, -- ответил я. -- Но придется вынести и это. Я не могу позволить, чтобы несколько жалких штормиков деморализовали нас.

-- Корвин, я признаюсь тебе. Я сам говорил с Эриком три дня назад.

-- Почему?

-- Он попросил меня. Я говорил с ним больше от скуки. Он очень тщательно описал мне, какими оборонительными средствами располагает.

-- Он говорил с тобой потому, что узнал от Джулиана, что мы путешествовали вместе и действовали заодно. Он просто был уверен, все, что он скажет тебе, дойдет до меня.

-- Может быть. Но это ничуть не меняет того, что он сказал.

-- Это верно, -- согласился я.

-- Тогда оставь Блейза, и пусть он сам ведет свою войну. Ты сможешь напасть на Эрика позже.

-- Но скоро его будут короновать в Эмбере.

-- Знаю, знаю. Но ведь на короля напасть так же легко, как и на принца. Какая тебе разница, как он будет называться в то время, как ты его победишь?

-- Тоже верно, -- согласился я, -- но я дал слово.

-- Тогда возьми его назад.

-- Боюсь, что я этого не смогу сделать.

-- Тогда ты просто сумасшедший, просто псих.

-- Возможно.

-- Ну что ж, в любом случае, ни пуха тебе, ни пера.

-- К черту.

-- До встречи.

Вот так окончился наш разговор, и, честно говоря, он меня встревожил.

Может, впереди ждет ловушка?

Эрик был далеко не дурак. Может быть, впереди нас ожидало что-то непредвиденное и смертельно опасное. В результате всех этих мыслей я просто пожал плечами, оперся о борт корабля и засунул свои карты за пояс. Быть принцем Эмбера -- значит быть гордым и одиноким. Это значит, что ты не можешь довериться ни одной живой душе. И сейчас я не был от этого в восторге, но что уж тут поделаешь.

Я не сомневался, что Эрик управлял тем штормом, который только что на нас обрушился, а это означало, что Рэндом не соврал, что Эрик может управлять погодой в Эмбере. Так что я попытался и сам что-то предпринять. Я вновь направил флот к Эмберу через снегопад. Это был самый ужасный снегопад из всех, которые я когда-либо создавал.

На океан стали падать огромные хлопья снега.

Пусть-ка он попробует остановить его, то, что было естественным для данного Отражения, если сможет.

Он смог. Примерно через час снегопад прекратился. Эмбер был практически неприступен, и он действительно был единственным городом. Мне не хотелось сбиваться с курса, поэтому я все оставил так, как есть. Эрик действительно МОГ управлять погодой в Эмбере. Что делать?

Мы, конечно, продолжали плыть дальше. Смерти в зубы. Что тут можно сказать? Второй шторм был еще хуже первого, но на сей раз за штурвалом с самой первой минуты стоял я. Шторм был насыщен электричеством и направлен только на корабли. Он разметал их в разные стороны. В результате мы потеряли еще сорок судов.

Честно говоря, мне уже страшно было вызывать Блейза и узнавать у него, что он сделал с его сухопутными войсками.

-- У меня осталось около двухсот тысяч солдат, -- сказал он, -- наводнение.

После чего я пересказал ему то, что сообщил мне Рэндом.

-- Придется поверить, -- ответил он. -- Но лучше об этом сейчас не думать. Управляет он погодой или нет, мы все равно побьем его.

-- Надеюсь, -- я закурил и облокотился о штурвал.

Вскоре покажется Эмбер. Теперь я знал, как попасть туда, работая с Отражениями, и на воде, и на суше. Но у каждого есть свои недостатки. Хотя когда-нибудь наступит тот день, и ...

Мы продолжали плыть, и тьма нахлынула на нас внезапной волной, и начался шторм -- хуже двух предыдущих. Мы чудом умудрились выйти из него, но я был испуган. Штормы обрушивались на нас один страшнее другого, а ведь мы были в северных водах. Если Каин сдержит свое слово, то тогда все в порядке. Если нет, он окажется в прекрасном положении. А, следовательно, я тут же предположил, что он нас предал. Да, почему бы и нет? Я приготовил свой флот -- семьдесят три оставшихся корабля -- к боевым действиям, когда увидел, что к нам приближается его эскадра. Карты солгали, или наоборот, указывали совершенно точно, когда указали на него как на ключевую фигуру в предстоящем сражении.

Флагманский корабль эскадры направился прямо к моему, и я тоже вращал штурвал, двигаясь навстречу. Мы могли бы связаться через колоду, но Каин этого не сделал, а он сейчас занимал более сильное положение. Следовательно, фамильный этикет разрешал ему использовать те средства, которые он найдет нужным. Он явно хотел, чтобы об этом разговоре было известно всем, потому что он крикнул мне в рупор:

-- Корвин! Немедленно сдай командование своим флотом! Я превосхожу тебя в численной силе! Тебе не пробиться!

Я посмотрел на него через небольшое отделяющее нас водное пространство и поднес рупор к губам.

-- А как же наше соглашение?

-- Аннулировано и не имеет больше силы. У тебя слишком мало сил, чтобы нанести Эмберу хоть какой-нибудь серьезный ущерб, поэтому лучше пощади жизнь людей и сдайся сейчас.

Я посмотрел через левое плечо на солнце.

-- Выслушай меня, брат Каин, и в таком случае позволь мне созвать совет капитанов: тогда я дам тебе ответ, как только солнце окажется в зените.

-- Хорошо, -- он не колебался ни минуты. -- Думаю, они по достоинству оценят то положение, в которое вы попали.

Я отвернулся и приказал отвести корабль к остальной группе судов, которая стояла поодоль. Если бы я попытался скрыться, Каин начал бы преследовать меня по Отражениям, уничтожая мои корабли один за другим. Порохом на настоящей Земле воспользоваться было нельзя -- он не воспламенялся, -- но если бы зашли по Отражениям достаточно далеко, то загремят и пушки. У Каина они есть, а если я исчезну, то флот не сможет плыть без меня по Отражениям и останется в этих водах как мишень для Каина. Так что, куда ни кинь, что бы я ни сделал, мы или погибли, или надо сдаваться в плен.

Я вытащил карту Блейза и сконцентрировался. Через некоторое время фигура на картине зашевелилась.

-- Да? -- сказал он, голос его был возбужден. Я даже слышал вокруг него шум битвы.

-- У меня неприятности. Мы прошли, но у меня осталось всего семьдесят три корабля, и Каин приказал нам сдаться в плен до полудня.

-- Черт бы его побрал. Мне не удалось продвинуться так далеко, как тебе. Сейчас тут битва, причем довольно жаркая. Целый кавалерийский полк рубит нас на куски. Так что я не могу дать тебе никакого совета. У меня

хватает своих неприятностей. Поступай как сочтешь нужным. Они опять атакуют!

И контакт был прерван. Я вытащил карту Жерара и вновь сконцентрировался. Когда мы начали говорить, мне показалось, что я вижу за его спиной берег. Мне показалось, что я узнал его. Если мои догадки верны, то он сейчас находится в южных водах. Мне не хотелось напоминать ему наш разговор. Я просто спросил, может ли он помочь мне против Каина, и захочет ли он это сделать. В ответ он сказал:

-- Я только согласился пропустить тебя. Вот почему я увел эскадру на юг. Я не мог бы прийти к тебе на помощь вовремя, если бы и захотел. И я никогда не обещал тебе помочь убить нашего брата.

И прежде, чем я ответил, он прервал связь. Он был прав, конечно. Он согласился предоставить мне возможность победить, а не выигрывать за меня битву. Что же мне оставалось делать? Да, Рэндом был прав.

Я закурил сигарету и стал шагать взад и вперед по палубе. Утро давно уже кончилось, туман исчез и солнце ласково припекало мои плечи. Скоро будет полдень. Может быть, часа через два... Я задумчиво тасовал колоду и прикинул ее на руке. Конечно, я могу с ее помощью устроить поединок воли либо с Эриком, либо с Каином. Такую власть карты нам тоже давали. Они были сделаны таким образом по повелению Оберона сумасшедшим художником Дворкиным Барименом, старичком с ненормальными глазами, который был волшебником, святым или психом -- тут мнения расходились -- из какого-то далекого Отражения, где Отец спас его от уготованной ему ужасной судьбы, которую он сам на себя навлек. Подробности были неизвестны, но с тех самых пор он был не в себе. Но, тем не менее, он был великим художником, и никто не отрицал, что он обладает какой-то странной силой. Он исчез много веков тому назад, после того, как создал карты и сложил Лабиринт в Эмбере. Мы часто разговаривали о нем, но никто из нас не знал, где он может быть, куда скрылся. Может, Отец просто прикончил его, чтобы сохранить его секреты.

Каин, однако, будет готов к такому нападению, и, наверное, мне не

удастся его сломить, хотя держать его мне скорее всего удастся. Но и в этом случае почти наверняка его капитанам был отдан приказ на тот случай: атаковать. Эрик же будет готов ко всему. Правда, если мне ничего не остается делать, то это все-таки хоть какой-то выход. Терять мне было нечего, кроме, разве, моей души.

Затем существовала еще карта с Эмбером. Я мог бы попасть туда в мгновение ока и попробовать убить Эрика, но, как я высчитал, шансов на успех у меня было один на миллион.

Я хотел умереть, сражаясь, но гибель окружающих меня людей была при этом бессмысленна. Может моя кровь была недостаточно чиста, несмотря на то, что я прошел Лабиринт. У настоящего принца Эмбера не могло быть таких мыслей, и в голове не было места ненужной или даже нужной жалости. Я решил, что века, проведенные мною на Земле, изменили меня, возможно, расслабили, сделали непохожим на остальных моих братьев. Я решил сдать флот, а затем с помощью карты с изображением Эмбера проникнуть в город и вызвать Эрика на дуэль не на жизнь, а на смерть. Он будет дурак, если согласится. Но какого черта! Как я уже говорил, мне больше ничего не оставалось. Я повернулся, чтобы высказать свою волю офицерам, и в этот самый момент чужая воля пригнула меня к земле, и у меня перехватило дыхание.

Я почувствовал контакт связи, и с большим трудом выдавил сквозь крепко сжатые зубы:

-- Кто?

Ответа не было, но что-то продолжало сдавливать мой мозг со страшной силой, и я с трудом боролся, чтобы окончательно не быть подавленным, не покориться чужой воле. Через некоторое время, когда он увидел, что меня невозможно сложить без долгой борьбы, голос Эрика раздался в моих ушах, как бы принесенный порывом ветра. Он спросил:

-- Как поживаешь, братец? Как дела?

-- Неважно, -- сказал или подумал я, и он усмехнулся, хотя голос у него

был тоже напряженным от нашей борьбы.

-- Как мне жаль. Если бы ты тогда вернулся с тем, чтобы поддержать меня, то я много бы выиграл от такого сотрудничества. Сейчас я только повеселюсь, уничтожая вас.

Я не ответил ему сразу, начав борьбу с ним не на шутку, всей своей силой воли. Он слегка отступил при этом бешеном натиске, но тем не менее ему удалось удержать меня, если не подавить.

Если бы в этот момент один из нас хоть на долю секунды отвлек бы внимание, мы могли бы войти в физический контакт, или бы один из нас получил неоспоримое преимущество на ментальном уровне. Теперь я ясно мог его видеть в его дворцовых покоях. Но если бы один из нас сделал бы хоть малейшее движение, то другой тут же попал бы под его полную власть. Поэтому мы напряженно уставились друг на друга, так что со стороны было непонятно, какая между нами шла борьба. Ну что ж, одну из моих проблем он сам и решил, начав первым атаку на меня. Карту с моим изображением он держал в левой руке, и брови его были нахмурены от напряжения. Я пытался найти в нем хоть малейшую слабость, но ее не было. Люди пытались что-то сказать мне, но я их не слышал, ни одного слова.

Сколько было времени? Счет ему я тоже потерял с началом борьбы. Могли ли уже пройти два часа? Может, Эрик этого и добивается? Я ни в чем не был уверен.

-- Я знаю, о чем ты думаешь, -- сказал Эрик. -- Чувствую. Да, я связан с Каином. Мы сконтактировались с ним после того, как ты попросил отсрочки. И я могу удержать тебя в таком состоянии, пока весь твой флот не пойдет ко дну, в Рэмбу, чтобы сгнить там. Твоих людей съедят рыбы.

-- Подожди. Они безвинны. Мы с Блейзом обманули их, и они думают, что мы воюем за правое дело. Их гибель не сослужит тебе никакой службы. Я уже был готов сдать свой флот.

-- Тогда тебе не следовало так долго думать. Потому что сейчас уже

поздно. Я не могу вызвать Каина, чтобы отменить свой приказ без того, чтобы не освободить тебя, а в тот момент, когда я тебя освобожу, я тут же попаду под твой ментальный контроль или мне будет грозить чисто физическое уничтожение. Мы сейчас слишком с тобой связаны.

-- Предположим, я дам тебе честное слово, что не предприму такой попытки.

-- Любой может нарушить слово, когда речь идет о королевстве.

-- Но ведь сейчас ты можешь читать мои мысли. Неужели ты не чувствуешь, что я говорю правду? Я сдержу слово!

-- Я чувствую твою странную привязанность к этим людям, которых ты надул, и я не понимаю, чем она может быть вызвана, но все-таки нет. Ты сам знаешь. Даже если ты говоришь сейчас откровенно, а я это допускаю, то искушение будет слишком велико, когда тебе представится такая возможность. Ты сам это знаешь. Я не могу рисковать.

И я действительно знал это. Эмбер слишком сильно горячил кровь всех нас.

-- Зато твоё фехтовальное искусство значительно улучшилось, -- заметил он. -- Я вижу, что в этом отношении твоя ссылка принесла тебе только пользу. Ты сейчас близок к моему уровню, ближе, чем кто-либо другой, если, разумеется, не говорить о Бенедикте, которого, может быть, давно уже нет в живых.

-- Не обольщайся. Я знаю, что могу тебя победить в любую минуту. Честно говоря, я хотел предложить...

-- Не беспокойся. Я не собираюсь драться с тобой на дуэли сейчас, -- он улыбнулся, прочтя мою мысль, которую легко можно было прочесть не только в моем мозгу, но и по моему лицу. -- Я все больше и больше жалею, что ты не со мной. Тебя я мог бы использовать куда лучше, чем других. На Джулиана мне просто плевать. Каин -- трус. Жерар силен, но глуп.

Я решил замолвить доброе словечко хоть за одного, пока у меня была

такая возможность.

-- Послушай. Я вынудил Рэндома следовать за мной. Сам он был от этого далеко не в восторге. Мне кажется, он поддержал бы тебя, если бы ты попросил.

-- Этот ублюдок! Я не доверил бы ему выносить ночные горшки! В один прекрасный день я обнаружил бы крысу в своем. Нет, спасибо. Может, я бы и помиловал его, если бы ты за него сейчас не просил. Ты бы хотел, чтобы я прижал его к груди и вскричал: "Брат!" Не так ли? О, нет! Слишком уж ты быстро кинулся на его защиту. Это показывает его истинное ко мне отношение, о котором он тебе, несомненно, сообщил. Давай-ка лучше забудем Рэндома с точки зрения милосердия.

В этот момент я почувствовал запах дыма и услышал, как металл скребет о металл. Это означало, что Каин напал на нас, уничтожая по одному.

-- Прекрасно, -- сказал Эрик, прочитав мои мысли.

-- Останови их! Пожалуйста! У моих людей нет ни одного шанса против такой эскадры!

-- Даже если бы ты сам лично сдался.

Тут он прикусил губу и выругался. Он собирался попросить меня сдаться, взамен пообещав моим людям жизнь, затем приказать Каину продолжать истребление флота. Я ясно прочел его мысль, и он это понял, когда в пылу обуревавших его страстей начал говорить раньше, чем нужно, и чем я сам это предложил. Я усмехнулся, видя его раздражение.

-- Все равно скоро ты будешь моим, -- сказал он. -- Как только захватят твой флагман.

-- Но пока это не произошло, попробуй-ка мою рецептуру! -- и я ударил по нему всей силой воли, которой обладал, давя его мозг, уничтожая его своей ненавистью.

Я почувствовал его боль, и это заставило меня ударить еще сильнее. За все те годы, что я провел в ссылке, я бил по нему, требуя, наконец,

расплаты. За то, что он бросил меня на погибель во время чумы, я бил по барьерам его разума, требуя мщения. За ту автомобильную катастрофу, в которую он меня вовлек, я бил по нему, стараясь вызвать в его мозгу мучения в ответ на мои страдания. Контроль его начал ослабевать, и мое давление усилилось. Я сгибал его волю и постепенно он отступил.

-- Дьявол! Ты -- дьявол! -- вскричал он в самом конце и накрыл мою карту ладонью.

Контакт был прерван, и я стоял, весь дрожа. Я этого добился. Я победил его в состязании воли. Больше я уже никогда не буду бояться своего брата-тирана, в каком бы поединке нам не пришлось бы участвовать с глазу на глаз. Я был сильнее его.

Я огляделся вокруг и увидел, что сражение идет вовсю. По палубам текла кровь. Вплотную к нашему борту стоял корабль, зацепившись абордажными крючьями, и на палубу хлынули войска Каина. А другой корабль пытался пришвартоваться к нам с другого борта. Стрела из арбалета просвистела над моей головой. Я вытащил шпагу и кинулся в гущу событий.

Я не знаю, скольких я убил в тот день. Я потерял им счет после двенадцати или тринадцати, но их было минимум в два раза больше, в самой первой стычке. Та сила, которой обладает каждый принц Эмбера и которая позволила мне поднять Мерседес, сослужила мне в тот день хорошую службу, когда я убивал одного противника шпагой и одновременно выбрасывал второго рукой за борт.

Мы убили всех на борту обоих кораблей, пришвартовавшихся к нашему, открыли кингстоны и отправили их в Рэмбу, где Рэндом наверняка поразвлекался, глядя на их останки. В этой битве я потерял половину команды, а у меня самого было множество ушибов и царапин, но ничего страшного. Мы пошли на помощь другому нашему кораблю и потопили еще один из рейдеров Каина. Остатки команды со спасенного корабля перешли на мой, и опять у меня была полная команда.

-- Крови! -- вскричал я. -- Крови и мщения в этот день, мои воины, и вас навечно будут помнить в Эмбере!

И как один они подняли шпаги и вскричали:

-- Крови!

И галлоны, нет... реки крови пролились в этот день. Мы уничтожили еще два рейдера Каина, пополнили команду остатками команд спасенных нами кораблей. Когда мы направились к шестому кораблю противника, я забрался на мачту и быстро огляделся вокруг. Силы противника превосходили нас втрое. От моего флота осталось сорок пять -- пятьдесят пять кораблей.

Мы потопили шестой рейдер, и нам не пришлось плыть к следующим. Они поплыли к нам. Их мы тоже потопили, но я несколько раз был ранен в этом сражении, которое опять уничтожило половину моей команды. У меня были ранены левое плечо и правое бедро, а правая нога болела от глубокого пореза.

Когда мы посылали два этих рейдера на дно, к нам двинулись следующие два.

Мы отступили и соединились с одним из наших кораблей, который только что вышел победителем из своей битвы. И вновь мы об'единили команды, на сей раз перейдя на другой корабль, который получил меньше повреждений, чем флагман, который уже начал крениться и черпать воду.

Но передохнуть мы не успели. Почти сразу же к нам подошел очередной рейдер, и солдаты попытались взобраться на нашу палубу.

Мои люди устали, да и я был не в лучшей форме. К счастью, солдаты Каина тоже достаточно вымотались. Прежде, чем второй рейдер успел прийти к ним на помощь, мы перешли на него, убили всю команду и остались, потому что этот рейдер был в прекрасном состоянии. Мы потопили следующий корабль, и у меня осталось сорок человек команды, прекрасный корабль, а сам я задыхался.

Теперь в поле зрения не было никого, кто бы мог прийти к нам на помощь. Каждый мой корабль вел свой бой по меньшей мере с одним кораблем Каина. К нам стал приближаться еще один рейдер, но мы просто сбежали.

Таким образом мы выиграли двадцать минут. Я попытался уйти в Отражение, но так близко от Эмбера это очень трудно и занимает массу времени. Куда легче подойти к Эмберу близко, чем уйти оттуда, потому что город этот является центром всего. Но если бы у меня было еще минут десять, то мне бы это удалось.

Но этих минут у меня не было. Когда корабль подплыл ближе, я увидел вдалеке еще один, плывущий к нам. На его мачте развевался черно-голубой флаг, внизу были цвета Эмбера и белый единорог. Это был корабль Каина. Он решил тоже принять участие в моем уничтожении.

Мы потопили первый корабль и даже не успели открыть его кингстоны, когда Каин уже напал на нас. Я стоял на окровавленной палубе, вокруг меня собралось человек двенадцать, а Каин забрался на нос корабля и крикнул мне, чтобы я сдавался. Я спросил его:

-- Сохранишь ли ты жизнь моим людям при этом?

-- Да. Я сам потеряю нескольких людей, если не соглашусь на твое предложение, а в этом нет нужды.

-- Даешь слово принца?

Минуту он обдумывал, а затем кивнул головой.

-- Хорошо. Прикажи своим людям сложить оружие и перейти на мой корабль, когда мы подойдем.

Я засунул шпагу в ножны и кивнул головой людям, окружавшим меня, сказав:

-- Вы бились хорошо и заслужили мою любовь, но мы проиграли.

Пока я говорил, я тщательно помахал перед ними окровавленными руками, а потом осторожно вытер их о свой плащ, как бы нехотя.

-- Сложите оружие и знайте, что подвиги этого дня, которые вы совершили, никогда не будут забыты. И когда-нибудь я возвеличу вас при дворе Эмбера.

Мои люди -- десять высоких краснокожих и трое маленьких волосатых --

плакали, складывая оружие.

-- Не думайте, что все потеряно в борьбе за город, -- сказал я. -- Мы проиграли только одну битву, а сражения развертываются повсюду. Мой брат Блейз пробивает себе дорогу в Эмбере в эту самую минуту. Каин сдержит свое слово и пощадит ваши жизни, когда увидит, что я ушел к Блейзу. И мне очень жаль, что я не могу взять вас с собой.

И с этими словами я вытащил карту Блейза из колоды, держа ее как можно ниже перед собой, чтобы не было видно с подплывающего корабля.

Борт корабля Каина только ударился о наш, когда холодная фигура потеплела и зашевелилась.

-- Кто? -- спросил Блейз.

-- Корвин, -- ответил я. -- Как у тебя?

-- Мы выиграли сражение, но потеряли очень много людей. Сейчас отдыхаем перед походом. А как у тебя?

-- Думаю, что уничтожили больше половины флота Каина, но выиграл он. Сейчас он как раз захватывает мой корабль. Помоги мне уйти.

Он протянул вперед руку, я дотронулся до нее и очутился рядом с ним.

-- Кажется, это уже начинает входить в привычку, -- пробормотал я, а затем увидел, что он тоже ранен в голову, а на левой руке была повязка.

-- Схватился за конец сабли, -- заметил он, проследив направление моего взгляда. -- Немного щиплет.

Я перевел дыхание и мы пошли к его палатке, где он открыл бутылку с вином и дал мне хлеба, сыра и немного сушеного мяса. У него все еще был приличный запас сигарет и я с удовольствием выкурил одну, пока походный врач перевязывал мне раны.

В его армии было примерно сто восемьдесят тысяч человек. Когда я стоял на вершине холма и вечер только начинал спускаться на землю, мне почудилось, что я смотрю на все лагеря, которые когда-либо проходили перед моим взором, простирающиеся на мили и века вокруг. Слезы внезапно застлали мне глаза,

когда я подумал о простых людях, не похожих на принцев Эмбера, с короткой жизнью, превратившихся в пыль в результате огромного количества войн, ведущихся на самых разнообразных мирах. Я вернулся в палатку Блейза и мы допили с ним бутылку вина.

9

В эту ночь начался ураган. Он не кончился с наступлением зари, которая посеребрила ладони мира, и продолжался весь день тяжелого похода.

Это очень расхолаживает -- маршировать в дождь, да к тому же еще и в холодный. Лично я всегда ненавидел грязь, и почему-то всегда получалось так, как будто мне приходилось идти чуть ли не века именно по грязи!

Мы пытались найти Отражения, в которых не было бы дождя, но не тут-то было.

Мы могли дойти до Эмбера, но дойдем ли мы до него в насквозь промокшей одежде под грохотание грома и сверкание молний за нашими спинами?

На следующее утро температура резко упала, и весь мир оказался покрытым грязным серым небом, с которого валились хлопья снега. При дыхании у меня изо рта вырывался пар.

Войска были к этому плохо подготовлены, если, конечно, не считать маленьких волосатых людей, и мы приказали им двигаться как можно быстрее, чтобы избежать обморожений. Высокие солдаты с красной кожей страдали. Их мир был очень теплым миром.

В тот день на нас напал тигр, полярный медведь и волк. Тигр, которого убил Блейз, был размером в четырнадцать футов от кончика носа до хвоста.

Мы шли весь день и часть ночи, и началась оттепель. Блейз подгонял войска, чтобы как можно скорее вывести их из холодного Отражения. Карта с

изображением Эмбера указывала, что там была уже теплая сухая осень, а мы все ближе и ближе подходили к реальной Земле.

К полуночи второго дня нашего похода мы уже испытали снежную бурю, холодный дождь, теплый дождь и нормальную сухую погоду. Был отдан приказ устроить лагерь, а потом выставить тройные караулы.

Если учесть, что наши солдаты были вымотаны до предела, значит, нам следовало ожидать нападения. Но наше войско действительно настолько устало, что почти не могло идти дальше.

Нападение произошло несколькими часами позже, и во главе его стоял Джулиан, насколько я понял потом, по описанию тех, кто уцелел.

Удар последовал по самой уязвимой нашей позиции -- периферии основного лагеря. Знай я, что это был Джулиан, я использовал бы его карту, чтобы подавить его, но я узнал об этом только после.

Казалось, наши войска начали терять присутствие духа, но они подчинялись приказу идти вперед.

Мы потеряли примерно две тысячи человек, когда внезапно наступила зима, и я пока еще не знал, скольких уничтожил Джулиан.

На следующий день мы попадали в засаду за засадой. Такое крупное войско как наше не могло противопоставить ничего серьезного против тех коротких рейдов, которые Джулиан устраивал на наши фланги. Нам удалось уничтожить несколько его солдат, но совсем немного, одного на каждые десять наших.

В полдень мы пересекли долину, идущую параллельно морскому берегу. Лес Арденна был от нас к северу и слева. Эмбер -- точно впереди. Легкий прохладный бриз был напоен запахами земли и сладкими запахами растений. Изредка с деревьев падали листья. Эмбер лежал от нас в восьмидесяти милях и виднелся лишь как небольшое сверкание за горизонтом. В это утро стали собираться облака, пошел дождь, молнии засверкали с неба. Затем ураган прекратился так быстро, как и начался. Через некоторое время мы почувствовали запах дыма.

Еще через некоторое время мы уже видели его, повсюду вокруг нас он поднимался вверх. Затем вверх и вниз начали подниматься языки пламени. Они крадучись подступили к нам, становилось все жарче и в задних рядах уже началась паника.

Раздались крики, колонны войск сломали свой строй и кинулись вперед. Мы побежали.

Хлопья пепла падали на нас со всех сторон, а дым становился все гуще и гуще. Мы неслись вперед, и огонь, казалось, подступал к нам все ближе и ближе. Целые простыни огня застилали небо, с которого непрерывно доносились раскаты грома, а жаркие волны нахлынули на нас, омывая со всех сторон. Деревья, мимо которых мы бежали, почернели, листья скрючились, а кустарник задымился. Насколько хватало глаз, впереди нас не ожидало ничего, кроме аллеи огня. Мы побежали быстрее, не сомневаясь, что скоро будет еще хуже. И мы не ошиблись.

Деревья-великаны начали падать поперек нашего пути. Мы перепрыгивали их, обходили с другой стороны. Наконец мы обошли их всех.

Жара стояла удушающая, дышать было тяжело. Олени, волки, лисы неслись прямо на нас, вместе с нами, не обращая внимания на своих собственных врагов. А воздух над клубами дыма, казалось, был наполнен криками птиц. Они пачкали прямо на нас, но мы этого уже не замечали.

Поджечь этот странный лес, так же легко уязвимый, как Арденнский, казалось мне святотатством. Но Эрик был принцем Эмбера и скоро будет его королем. И, может быть, будь я на его месте, я тоже...

Волосы и брови мои были подпалены, в горле пересохло. Сколько людей нам будет это стоить? -- подумал я.

Семьдесят миль покрытой лесом равнины лежало между нами и Эмбером, и около тридцати миль мы уже прошли по лесу.

-- Блейз! -- хрипло крикнул я. -- Через две три мили отсюда дорога приведет к развилке. Первая тропа довольно быстро приведет нас к реке Ойзен,

которая впадает в море! Я думаю, это наш единственный шанс! Вся Гарнатская Долина будет выжжена! Наше единственное спасение -- вовремя достичь воды!

Он кивнул. Мы понеслись вперед с удвоенной силой, но огонь опережал нас.

Мы, однако, добрались до развилки, сбивая пламя с наших дымящихся одежд, вытирая копоть с глаз, выплевывая пепел из пересохших ртов, проводя руками по волосам, где тлели маленькие угольки.

-- Еще с четверть мили, не больше, -- сказал я.

Несколько раз меня ударили падающие ветви. Мое лицо и все открытые участки кожи пульсировали от лихорадочной боли, да и все остальное тело было не лучше. Мы бежали по горячей траве вниз по склону холма и, добравшись до его подножья и увидев впереди воду, мы побежали еще быстрее, хотя раньше считали, что это невозможно. Мы бросились в реку с разбега, и ее холодная прохлада обняла нас.

Мы с Блейзом старались плыть как можно ближе друг к другу, а течение подхватывало нас и несло по извилистому руслу Ойзена. Ветви деревьев над нашими головами были похожи на огненные лучи в соборе. Когда они с треском ломались и падали, то нам приходилось либо уворачиваться, либо нырять как можно глубже, чтобы избежать ненужных ожогов. Вода вокруг шипела, по ней плыли обуглившиеся деревяшки, а головы уцелевших воинов, плывущих за нами, были похожи на кокосовые орехи.

Воды были темны и прохладны, наши ожоги начали болеть, мы дрожали и зубы у нас стучали.

Горящий лес мы оставили за собой через несколько миль и перед нами расстлалась плоская низкая долина, ведущая к морю. Это было идеальным местом для засады лучников Джулиана, решил я. Я сказал об этом Блейзу, он согласился со мной, но заметил, что не знает, чем тут можно помочь. Я вынужден был с ним согласиться.

Лес все еще горел повсюду вокруг нас, и мы плыли по течению.

Казалось, прошли долгие часы, хотя на самом деле это, конечно, было не так, прежде чем мои страхи превратились в действительность и на нас посыпались стрелы.

Я нырнул и долгое время плыл под водой. Так как я плыл по течению, то мне удалось преодолеть большое расстояние прежде, чем я снова вынырнул. Но когда это произошло, вокруг меня опять начали сыпаться стрелы.

Один бог знает, какая из этих стрел могла бы оказаться для меня последней, но я не стал ждать, а опять набрал полную грудь воздуха и нырнул. Рука моя коснулась дна. Я наощипь пробирался сквозь подводные камни.

Я плыл так долго, как только мог, а затем выплыл у правого берега, постепенно выдыхая воздух по мере того, как приближался к поверхности.

Я вынырнул, глубоко вдохнул ртом воздух и нырнул вновь, даже не посмотрев, в каком месте реки я нахожусь. Я плыл до тех пор, пока мои легкие, казалось, не начали разрываться, а потом опять вынырнул. На этот раз мне не повезло. Одна из стрел вонзилась мне в бицепс. Мне удалось нырнуть вновь и сломать ее у наконечника, когда я достиг дна. Потом я вытащил острое, продолжая плыть наподобие лягушки, извиваясь всем телом и помогая себе одной рукой. Когда я в следующий раз вынырну, то буду просто мишенью для стрелков -- это я понимал.

Поэтому я заставлял себя плыть все дальше и дальше, пока в глазах не заплескали красные искры, а в голове не помутнело. Наверное, я оставался под водой минуты три. Когда я вынырнул на этот раз, ничего не произошло, и я перевел дух, жадно дыша. Я добрался до левого берега реки и уцепился за прибрежные корни. Потом огляделся вокруг.

Деревьев здесь почти не было и огонь сюда не дошел. Оба берега казались пустынными, но и на реке ничего и никого не было видно. Могло ли быть, что я остался единственным выжившим в этом аду? Это казалось маловероятным. В конце концов, нас было слишком много, когда мы начинали поход.

Я был полумертв от усталости и все тело у меня болело и жгло. Каждый

кусочек моей кожи, казалось, был как в огне, но вода была настолько холодной, что я весь дрожал и, вероятно, был синий от холода. Если я вообще хотел остаться в живых, мне придется выйти из реки. Но сначала я решил проплыть под водой еще несколько раз, прежде чем выбраться на берег. Не знаю, как мне удалось нырнуть и проплыть под водой еще четыре раза, и я почувствовал, что если я нырну в пятый, то уже не вынырну. Поэтому я уцепился за прибрежный булыжник, немного передохнул и выполз на сушу.

Я перекатился на спину и огляделся вокруг. Я не узнавал местности. Пожар, однако, сюда еще не достиг. Справа от меня рос густой кустарник, и я пополз к нему, вполз в него и свалился лицом на землю и заснул.

Когда я проснулся, первой моей мыслью было, что я напрасно это сделал. У меня не было места, которое бы не болело, да и к тому же меня тошнило. Я пролежал так несколько часов в полубессознательном состоянии и в конце концов с трудом дополз до реки, где с жадностью напился. Затем я опять вполз в кустарник и заснул.

Когда я пришел в себя во второй раз, мне все еще было плохо, но я чувствовал себя намного сильнее. Я дошел обратно до реки и с помощью карты Блейза обнаружил, что он жив.

-- Где ты? -- спросил он, когда мы вступили в контакт.

-- Понятия не имею. Мне повезло, что я вообще где-то. По-моему, я недалеко от моря. Я слышу плеск волн и узнаю запах.

-- Ты рядом с рекой? На каком берегу?

-- На левом, если смотреть по направлению к морю.

-- Тогда оставайся на месте, и я пошлю за тобой. Я собираю войско.

-- Хорошо, -- ответил я, остался на месте и заснул.

Я услышал, как кто-то продирается сквозь кусты и тут же притаился. Раздвинув несколько веток, я посмотрел вперед. Это были три высоких солдата с красной кожей.

Так что я выпрямился, почистил одежду, пригладил рукой волосы, сделал

несколько глубоких вдохов, так как меня чуть покачивало, и выступил вперед.

-- Я здесь, -- об'явил я.

Услышав мой голос, двое из них выхватили шпаги и заняли оборонительную позицию. Но они быстро оправились, улыбнулись, отдали мне честь и проводили в лагерь. Он был в двух милях. Я дошел до него, умудрившись не согнуть спины по дороге.

Появился Блейз и сообщил мне:

-- У нас уже более трех тысяч.

Затем он опять позвал военного врача, чтобы тот обо мне позаботился.

Ночь прошла спокойно, никто на нас не напал, и всю ночь и весь следующий день присоединялись к нам остатки нашего войска. Их уже было пять тысяч. В отдалении виднелся Эмбер.

Мы спали всю следующую ночь и отправились в путь наутро. К полудню мы проделали около пятнадцати миль. Мы маршировали вдоль берега, и нигде не было видно ни признака войск Джулиана.

Моя боль от ожогов начала проходить. Бедро я почти не чувствовал, но плечо и рука давали о себе знать, причем иногда было так больно, что хотелось кричать во все горло.

Мы продолжали идти вперед и скоро оказались в сорока милях от Эмбера. Погода оставалась устойчиво хорошей, а лес слева от нас был весь выжжен и стоял черный, как деготь. Огонь уничтожил почти весь кустарник в долине. а это было нам на руку. Ни Джулиан, ни кто другой теперь не мог устроить засады. Мы бы увидели их за милю. До захода солнца мы прошли еще десять миль и расположились на отдых на берегу.

На следующий день я вспомнил, что вскоре должна состояться коронация Эрика, и напомнил об этом Блейзу. Мы почти потеряли счет дням, но, подсчитав, поняли, что несколько дней у нас еще осталось. Мы сделали маршбросок до полудня, а потом отдыхали. К этому времени мы находились в двадцати пяти милях от подножья Колвира. В сумерки это расстояние

сократилось до десяти миль.

И мы продолжали идти вперед. Только в полночь мы сделали привал. Теперь я уже чувствовал себя относительно неплохо. Я сделал несколько выпадов шпагой, и у меня при этом ничего не заболело. На следующий день мне стало еще лучше.

Мы дошли до подножья Колвира, где нас встретило все войско Джулиана вместе с матросами Каина, которые теперь сражались в сухопутных войсках.

Блейз стоял как на параде, и мы победили их.

У нас осталось примерно три тысячи солдат, когда мы прикончили все отряды, которые бросал против нас Джулиан. Сам он, конечно, исчез. Но мы выиграли. В ту ночь мы праздновали это событие.

Но я был испуган. И я сказал о том, что боюсь, Блейзу. Три тысячи солдат против Колвира.

Я потерял флот, а Блейз потерял более девяноста восьми процентов своего войска. Я не мог смотреть на это сквозь пальцы.

Мне это не нравилось.

Но на следующий день мы начали под'ем. На Колвир шла огромная лестница, позволяющая людям находиться на ней не более двух в ряд. Однако вскоре она сузится, и мы вынуждены будем идти гуськом друг за другом.

Мы шли по лестнице вверх: сначала сто ярдов, потом двести, триста... Затем с моря подул ураганный ветер, и мы прижались к камню и стали идти осторожнее. Потом мы недосчитались двух-трех сотен людей.

Мы продолжали подниматься, и пошел дождь. Путь наверх стал круче, камень был скользким.

Поднявшись на четверть высоты Колвира, мы встретили колонну спускавшихся вооруженных людей. Первый из наступающих обменялся ударами с нашим авангардом, и двое людей упали мертвыми. Мы выиграли две ступеньки, и еще один был убит.

Так продолжалось более часа, и к тому времени мы поднялись на треть

высоты Колвира, а наша линия продолжала укорачиваться, подходя все ближе к Блейзу и ко мне. Хорошо хоть, что наши большие краснокожие солдаты были сильнее, чем солдаты Эрика. Раздавалось бряцание оружия, короткий крик, и человек пролетал мимо нас. Иногда это был краснокожий, иногда лохматый, но чаще всего он был одет в форму эриковских войск.

Мы дошли до половины лестницы, сражаясь за каждую ступеньку. Когда мы дойдем до вершины, перед нами окажется широкая лестница, по отражению которой я спускался в Рэмбу. Эта лестница приведет нас к Большой Арке, являющейся восточными воротами в Эмбер. От идущих впереди солдат осталось человек пятьдесят, потом сорок, тридцать, двадцать, дюжина...

Мы прошли уже две трети пути и лестница позади нас уходила зигзагами к подножию Колвира. Восточной лестницей редко пользуются. Она почти для красоты. В наши первоначальные планы входило пройти по выжженной равнине, а затем сделать круг, обойти горы с запада и войти в Эмбер сзади. Но огонь и Джулиан спутали нам все планы. Нам бы никогда не удалось то, что мы задумали. Теперь нам осталось либо атаковать в лоб, либо отступить. А отступать мы не собирались.

Еще три воина Эрика было убито, и мы взобрались еще на три ступеньки. Затем наш человек, шедший впереди, полетел вниз, и мы потеряли ступеньку.

Ветер с моря был резок и холоден, и у подножия горы стали собираться птицы. Сквозь облака выглянуло солнце, так как сейчас Эрик, наверное, не думал о том, чтобы управлять погодой, когда мы были так близко от него.

Мы поднялись еще на шесть ступенек и потеряли еще одного человека. Это было странно, дико и печально... Блейз шел впереди меня, так что скоро настанет его черед. Затем мой, если он погибнет.

Впереди нас осталось шестеро наших воинов.

Десять ступенек...

Мы медленно двигались вперед, а сзади, насколько хватало глаз, каждая ступенька была залита кровью. Что-то в этом было аморальное.

Наш пятый человек убил четверых, прежде чем упал сам, так что мы прошли еще один короткий поворот лестницы. Вперед и вверх -- третий наш человек дрался со шпагами в каждой руке. Хорошо, что он бился в святой войне за святое дело, потому что каждый удар он наносил с большим воодушевлением и внутренней силой. Прежде, чем умереть, он убил трех воинов.

Следующий не обладал такой верой и не так хорошо владел шпагой. Он был убит сразу же, и теперь их оставалось всего двое.

Блейз вытащил свою длинную шпагу, и ее лезвие засверкало на солнце. Он сказал:

-- Скоро, брат, мы посмотрим, что они смогут сделать против принца Эмбера.

-- Надеюсь, только одного из них, -- ответил я, и он ухмыльнулся.

Мы прошли три четверти пути, когда наступила очередь Блейза. Он ринулся вперед, мгновенно убив первого человека, который находился перед ним. Острие шпаги впилося в горло второго и почти сразу же он ударил ею плашмя по голове третьего, скидывая его вниз. Несколько мгновений продолжалась его дуэль с четвертым, но и тут все было кончено. Я тоже держал шпагу наготове, поднимаясь вслед за ним и глядя на то, что он делает.

Он был великолепен, даже лучше, чем я его помнил. Он несея вперед как вихрь и шпага его в его руке была живой в отблесках света. Они падали перед ним, боже, как они падали! И что бы ни говорили о Блейзе, в тот день он показал себя как истинный принц и вел себя, как подобает этому рангу. Я стал думать, сколько он продержится. В левой руке он держал кинжал, используя его с ярой жестокостью, как только представлялся такой случай. Он потерял этот кинжал, оставив его в горле одиннадцатой жертвы.

Я не видел конца той колонне, которая выступила против нас. Я решил, что скорее всего они доходят до верхней ее площадки. Я надеялся, что моя очередь не придет. Я почти верил в это.

Еще три воина пролетели мимо меня, и тут мы дошли до небольшой

лестничной площадки и поворота. Он расчистил площадку и начал под'ем. С полчаса я наблюдал за ним, а воины, выступавшие против него, все умирали и умирали. Я слышал шепот восхищения воинов, шедших позади меня. У меня даже возникла сумасшедшая мысль, что ему удастся пробиться до самого верха. Он использовал каждый трюк, известный в фехтовании. Он выбивал шпаги плащом, делал подножки. Он хватал свободной рукой за кисть и выворачивал ее, скидывал человека с лестницы без борьбы.

Мы дошли до следующей лестничной площадки. К этому времени на его рукаве выступила кровь, но он не переставал улыбаться, и солдаты, стоящие вслед за теми, кого он убивал, были бледны как смерть. Это тоже ему помогало. И возможно то, что за ним стоял я, готовый в любой момент вступить в бой вместо него, тоже придавало им страху, действовало на нервы, замедляло движение. Как я позднее узнал, они слышали о нашей битве на море.

Блейз поднялся до следующей площадки, расчистил ее и вновь начал подниматься. Честно говоря, я не думал, что ему удастся зайти так далеко. Это было почти феноменальное представление о том, как надо владеть шпагой, я не видел такого с тех пор, как Бенедикт один удерживал проход через Арденнский Лес против Лунных Всадников из Генеша.

Однако он начал уставать, это я тоже видел. Если бы был какой-нибудь способ сменить его ненадолго, дать ему хоть немного отдохнуть... Но такого способа не было. Поэтому я продолжал идти за ним, со страхом ожидая, что каждый удар может оказаться для него роковым. Я знал, что он слабеет. К этому времени мы находились всего в ста футах от вершины.

Внезапно он стал мне близок. Он был моим братом и он здорово меня выручил. Не думаю, что он считал себя способным добраться до вершины, но он продолжал биться... тем самым давая мне шанс завоевать трон для себя.

Он убил еще троих, и с каждым ударом его шпага двигалась все медленнее и медленнее. С четвертым он дрался минут пять, прежде чем убил его. Я был уверен, что следующий его противник окажется и последним. Но этого, однако,

не произошло.

Пока он вытаскивал шпагу из горла четвертого солдата, я перебросил шпагу из правой руки в левую, вытащил кинжал и бросил его. По самую рукоять вошел он в горло следующего солдата.

Блейз перепрыгнул через две ступеньки и ударом локтя скинул солдата вниз. Затем он сделал выпад шпагой, вспоров живот следующему. Я кинулся вперед со шпагой наперевес, готовясь заполнить пространство, если с ним что-нибудь произойдет, но он пока что во мне не нуждался. Как будто к нему пришло второе дыхание, он с необычайной энергией кинулся вперед и убил еще двоих. Я крикнул назад, чтобы мне дали еще один кинжал, и мне его передали по линии.

Я держал кинжал наготове, ожидая, когда он опять устанет, и кинул его в очередного его противника. Но в эту минуту солдат как раз кинулся вперед, так что кинжал ударил его по голове рукоятью, а не вошел в горло. Этого, однако, было вполне достаточно для Блейза, который тут же убил его ударом шпаги. Но этим воспользовался следующий солдат. Он кинулся вперед, и хотя шпага Блейза и вошла ему в живот, он потерял равновесие и они вместе упали в пропасть.

Повинуясь скорее рефлексу, почти не соображая, что я делаю, но тем не менее прекрасно понимая, что решение в доли секунды всегда оправдывает себя, я выхватил левой рукой из-за пояса колоду карт и швырнул ее Блейзу, который на секунду как бы завис над пропастью (так быстро среагировали мои мускулы), и крикнул во все горло:

-- Лови скорее! Скорее же, идиот!

У меня не было времени увидеть, что произошло дальше, пришлось отражать атаки и самому нападать. Но колоду он поймал. Это я успел увидеть краешком глаза.

И тогда начался последний этап нашего восхождения на Колвир. Чтобы не терять время, просто скажу, нам удалось это сделать, и, тяжело дыша, я

остановился на верхней площадке, поджидая, пока вокруг меня соберется мое оставшееся войско.

Мы построились и начали наступать вперед. Около часа потребовалось нам на то, чтобы дойти до Большой Арки. Мы прошли ее и вошли в Эмбер.

Где бы сейчас ни был Эрик, я уверен, он никогда не предполагал, что нам удастся зайти так далеко.

И я задумался о том, где сейчас Блейз. Хватило ли у него времени на то, чтобы выхватить карту и воспользоваться ею, прежде чем он достиг дна пропасти? Думаю, что этого я никогда не узнаю.

Мы недооценили противника, недооценили по всем статьям. Сейчас его войско намного превосходило нас численностью и нам просто не оставалось ничего другого, как только биться до последнего так долго, как только мы могли продержаться. Почему я свалил такого дурака и бросил Блейзу свою колоду? Я знал, что у него не было своей, и поэтому действовал инстинктивно, по тем рефлексам, которые скорее выработались у меня на Отражении Земли. Но ведь я мог использовать карты, чтобы скрыться, если меня разобьют вконец.

Меня разбили вконец.

Мы дрались до самых сумерек, и к этому времени у меня оставалась всего горстка воинов.

Нас окружили на тысячу ярдов внутри самого Эмбера и все же достаточно далеко от дворца. Мы уже не шли вперед, а защищались и погибали один за другим. Мы потерпели поражение.

Льювилла или Дейдра предоставили бы мне убежище. Зачем я сделал это?

Я убил еще одного солдата и перестал думать о своем поступке.

Солнце опускалось, начало темнеть. Нас оставалось всего лишь несколько сотен, и мы не приближались к дворцу ни на шаг. Затем я увидел Эрика и услышал, как он громко кричит, отдавая какие-то приказы. Если бы я только мог ближе подойти к нему. Но я этого не мог.

Может быть, я и сдался бы ему в плен, чтобы пощадить жизнь оставшимся

моим солдатам, которые дрались хорошо и сослужили мне хорошую службу, чем бы не кончился этот бой. Но сдаваться было некому и никто не требовал от меня сдачи. Эрик не слышал бы меня, даже если бы я закричал во все горло. Он был далеко и командовал.

Так что мы продолжали биться, и у меня оставалась всего лишь сотня воинов.

Скажу короче. Они убили всех, кроме меня. На меня же набросили сети и сбили тупыми стрелами без наконечников.

В конце концов я упал, и меня начали глушить дубинками по голове и связали, а дальше начался какой-то кошмар, который все не проходил, чтобы я ни делал.

Мы проиграли.

Пробудился я в темнице, в подземелье, глубоко под Эмбером, сожалея, что мне удалось дойти до самого конца.

Тот факт, что я все еще оставался в живых, означал, что Эрик строит в отношении меня какие-то свои планы. Перед моими глазами возникали видения колодок, огня и щипцов для пытки. Я предвидел ту деградацию, которая мне грозит, лежа на сырой соломенной подстилке.

Как долго я оставался без сознания? Я не знал.

Я обыскал свою маленькую камеру, пытаюсь найти хоть какой-нибудь предмет, с помощью которого можно было бы покончить с собой, но не смог найти ничего, что могло бы послужить этой цели.

Раны мои горели как солнце, и я очень устал.

Я улегся поудобнее и опять уснул.

Я проснулся, но ко мне так никто и не пришел. Мне некого было подкупить, и никто меня не пытал.

Никто не принес мне также поесть.

Я лежал там, завернувшись в плащ и вспоминая все, что произошло с тех пор, как я проснулся в Гринвуде и отказался от укола. Может, для меня было

бы лучше, если бы я этого не делал.

Я познал отчаяние.

Скоро Эрик будет коронован в Эмбере. А может, это уже произошло.

Но сон был прекрасным выходом, а я был таким усталым.

Впервые за долгое время я получил возможность спать, отдыхать и позабыть о своих ранах.

Камера была темна, сыра и в ней пахло.

10

Сколько раз я просыпался и вновь засыпал, я не помню. Дважды я находил воду и мясо на подносе у двери. Оба раза я с'едал все без остатка. Камера моя была непроницаемо темна и очень холодна. Я ждал. Ждал. Затем за мной пришли.

Дверь распахнулась и появился слабый свет. Я моргнул от не привычки, и в этот момент меня позвали. Коридор снаружи был до отказа набит вооруженными солдатами, чтобы я не выкинул какого-нибудь фокуса. Я потер рукой щетину на подбородке и пошел туда, куда меня повели.

Шли мы долго, и, дойдя до зала со спиральной лестницей, начали подниматься по ней. Пока мы шли, я не задал ни одного вопроса, и никто ничего не пытался мне об'яснить.

Когда мы дошли до верха, меня провели уже по самому дворцу. Меня привели в теплую чистую комнату и велели раздеться догола. Я разделся. Потом я вошел в ванную с горячей водой, от которой шел приятный пар, и подошедший слуга соскреб всю мою грязь, побрил меня и подстриг.

Когда я вытерся насухо, мне дали чистые одежды -- черные и серебряные. Я оделся, и на мои плечи накинули плащ с серебряной застежкой в виде розы.

-- Теперь вы готовы, -- сказал мне сержант охраны. -- Пойдемте сюда.

Я пошел за ним, а охрана пошла за мной.

Меня провели в самый конец дворца, где кузнец одел мне наручники и сковал цепями ноги. Цепи были тяжелыми, чтобы у меня не хватило сил их порвать. Если бы я начал сопротивляться, я знал, что меня избили бы до бесчувствия, и результат был бы таким же. У меня не было особого желания быть избитым до бесчувствия и поэтому я не сопротивлялся. Затем несколько стражников взяли цепи в руки и меня провели обратно в начало дворца. Я не глядел по сторонам на все то великолепие, которое меня окружало. Я был пленником. Возможно, скоро я буду либо мертв, либо безумен. И сейчас я ничего не мог с этим поделать. Беглый взгляд в окно сказал мне, что теперь ранний вечер, и я не испытывал никакой ностальгии, когда меня проводили по залам, где все мы играли детьми.

По длинному коридору меня провели в столовую дворца. Повсюду стояли столы, а за ними сидели люди, многих из которых я знал.

Самые прекрасные костюмы и платья Эмбера горели и переливались на телах знати, и была музыка при свете факелов, а еда уже стояла на накрытых столах, хотя никто еще не приступал к пиршеству.

Я увидел лица, которые узнал, как, например, Флору, но и многих странных и незнакомых. Я увидел менестреля, лорда Рейна -- да, он был посвящен в рыцари мной -- которого я не видел много веков. Когда мой взгляд упал на него, он отвернулся.

Меня довели до большого стола в центре зала и усадили. Охрана стала позади меня, прикрепив цепи к кольцам, нарочно для этой цели совсем недавно вделанным в пол. Кресло во главе моего стола еще не было занято.

Я не знал женщину, сидевшую справа от меня, но слева сидел Джулиан. Я не обратил на него внимания, а уставился на блондинистую особу.

-- Добрый вечер, -- сказал я. -- По-моему, нас не представили друг другу. Меня зовут Корвин.

Она поглядела на сидящего справа от нее мужчину, как бы за поддержкой, но этот большой рыжий мужчина с кучей прыщей на лице отвернулся и сделал вид, что оживленно беседует с женщиной, сидящей справа от него.

Она выдавила из себя слабое подобие улыбки:

-- Меня зовут Кармель. Как поживаете, принц Корвин?

-- Какое прекрасное у вас имя. А у меня все в порядке. Скажите, как так получилось, что такая хорошая приятная девушка вдруг очутилась здесь?

Она быстро сделала глоток воды.

-- Корвин, -- Джулиан сказал громче, чем это было нужно. -- Я думаю, что леди, к которой ты пристаешь, считает тебя несносным.

-- Да? По-моему, она не сказала тебе ни слова за весь вечер.

И он не покраснел, он стал белым, как мел..

-- Достаточно. Я не намерен терпеть от тебя этого больше.

Тогда я потянулся и намеренно побренчал своими цепями. Кроме того эффекта, который это произвело, я узнал, сколько свободного пространства находится в моем распоряжении. Недостаточно, конечно. Эрик был достаточно осторожен.

-- Подойди поближе и прошепчи мне свои возражения на ушко, братец, -- сказал я.

Но он этого почему-то не сделал.

Я был последним, усевшимся за стол, и поэтому я знал, что скоро время тому, что должно произойти. И я не ошибся. Зазвучали шесть труб, и вошел Эрик.

Все встали. Кроме меня. Стража была вынуждена стащить меня со стула и поддерживать с помощью цепей в стоячем положении.

Эрик улыбнулся и спустился по лестнице справа от меня. Я с трудом различал его собственные цвета под горностаевой мантией, в которую он завернулся. Он встал во главе стола, остановился возле своего стула. Подошел слуга, вставший позади него, и виночерпии принялись разливать вино по

бокалам.

Когда бокалы были наполнены, он поднял свой.

-- Пусть вечно будете все вы обитать в Эмбере, -- сказал он, -- в вечном городе.

И все подняли бокалы. Кроме меня.

-- Возьми бокал, -- сказал Джулиан.

-- Подай его мне, -- попросил я.

Он этого не сделал, но посмотрел на меня долгим взглядом. Тогда я быстро взял бокал в руки и поднял его. Между нами было сотни две людей, но мой голос разнесся по всему залу. И Эрик не отрывал от меня взгляда, пока я произносил свой тост.

-- За Эрика, который сидит в самом конце зала!

Никто не попытался ударить меня, в то время как Джулиан выплеснул содержимое своего бокала на пол. Остальные последовали его примеру, но мне удалось выпить свой почти до конца, прежде чем его выбили у меня из рук.

Когда Эрик сел, дворяне последовал его примеру, а меня отпустили, и я упал на свое место.

Начали подавать блюда, а так как я был голоден, то ел больше остальных и с большим удовольствием.

Музыка не умолкала ни на секунду, и трапеза продолжалась часа два. За все это время никто не сказал мне ни единого слова, и сам я больше ни к кому не обращался. Но мое присутствие ощущалось всеми, и наш стол был поэтому заметно тише остальных.

Каин сидел далеко от меня. По правую руку от Эрика. Я решил, что Джулиан далеко не в фаворе. Ни Рэндома, ни Дейдры не было. В зале находилось много других дворян, которых я знал и многих из которых я считал своими друзьями, но ни один из них не кивнул мне в ответ, случайно встретившись со мной взглядом.

Я понял, что для того, чтобы Эрик стал королем Эмбера, оставалась

маленькая простая формальность.

Вскоре так и случилось. После обеда речей не было. Просто Эрик встал из-за стола. Опять торжественно зазвучали трубы, другая музыка замолкла.

Затем составила процессия, ведущая к тронному залу Эмбера. Я знал, что за этим последует.

Эрик встал перед троном и все склонили перед ним головы. Кроме меня. Но об этом не стоит говорить, потому что все равно меня пригнули так, что я встал на колени.

Сегодняшний день был днем его коронации.

Наступило молчание. Затем Каин внес подушку, на которой лежала корона. Корона Эмбера. Он преклонил колена и застыл в этом положении, протягивая ее.

Затем рывком цепей меня подняли на ноги и потащили вперед. Я понял, что должно произойти. До меня это дошло в мгновение ока, и я стал бороться. Но силой и ударами меня вновь поставили на колени у самых ступенек трона.

Звучала мягкая музыка -- это были "Зеленые Рукава" -- и за моей спиной Джулиан сказал:

-- Смотрите на коронование нового короля Эмбера!

Затем он прошептал мне:

-- Возьми корону и протяни ее Эрику. Он коронует сам себя.

Я посмотрел на корону Эмбера, лежащую на алой подушке, которую держал Каин. Она была сделана из серебра с семью высокими пиками, на каждом из которых сверкал драгоценный камень. Она была украшена изумрудами, и по бокам, у каждого виска, был вделан рубин.

Я не шевелился, думая о тех временах, когда я видел под короной лицо нашего Отца.

-- Нет, -- просто сказал я и почувствовал, как меня ударили по лицу.

-- Возьми ее и протяни Эрику, -- повторил он.

Я попытался ударить его, но цепи были надежно натянуты. Мне снова дали пощечину.

-- Ну хорошо, -- сказал я в конце концов и потянулся к короне.

Несколько секунд я держал ее в своих руках, а затем быстро надел ее себе на голову и провозгласил:

-- Я короную себя, Корвина, в короли Эмбера!

Корону немедленно сняли и положили на подушку. Меня несколько раз сильно ударили по спине. По всему залу прокатился шепоток.

-- А теперь возьми ее и попробуй еще раз. -- сказал Джулиан. -- Протяни ее Эрику.

Последовал еще удар.

-- Хорошо, -- я почувствовал, что по моей спине течет что-то мокрое и липкое.

На этот раз я швырнул корону изо всех сил, надеясь выбить Эрику один глаз.

Он поймал ее правой рукой и улыбнулся мне, как будто заставил меня сделать то, что было ему нужно.

-- Спасибо. А теперь слушайте меня все присутствующие и те, кто слышит меня в Отражениях. В этот день я принимаю корону и трон. Я беру в свою руку скипетр королевства Эмбера. Я честно завоевал этот трон, и я беру его и сажусь на него по праву моей крови.

-- Лжец! -- воскликнул я, и тут же чья-то рука зажала мне рот.

-- Я короную себя, Эрика Первого, королем Эмбера.

-- Долго живи, король! -- прокричали дворяне три раза.

Затем Эрик наклонился и прошептал мне на ухо:

-- Твои глаза видели самое прекрасное зрелище за всю твою жизнь...

Стража! Уберите Корвина, и пусть ему выжгут глаза! И пусть он запомнит все великолепие этого дня как последнее, что он видел. Затем киньте его в самую глубокую темницу, самое далекое подземелье Эмбера, и пусть его имя будет забыто!

Я плюнул в него, и меня избили.

Я сопротивлялся на каждом шагу, пока меня выводили из зала. Никто не смотрел на меня, когда меня выводили, и последнее, что я помню, это фигуру Эрика, сидящую на троне, раздающую улыбки и милости окружающим ее дворянам.

То, что он приказал, было со мной сделано, и, как божья милость, я потерял сознание еще до конца.

11

Я не имел ни малейшего представления, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулся от страшной боли в голове. Возможно, именно тогда я произнес свое проклятие, а, может, и при казни. Не помню. Но я знал, что никогда Эрик не будет спокойно сидеть на троне, потому что проклятия принца Эмбера, произнесенное в полной ярости, всегда сбываются.

Слез у меня не было, и это было самым страшным. Спустя вечность ко мне пришел сон.

Когда я пробудился, боль все еще оставалась. Я поднялся на ноги. Шагами я попытался установить размеры своей тюрьмы. На полу была дыра для уборной, в углу лежал соломенный матрац. Под дверью была небольшая щель, а за щелью поднос, на котором лежал затхлый кусок хлеба и стояла бутылка воды. Я поел и попил, но это не прибавило мне сил. У меня так сильно болела голова, и в душе моей не было покоя.

Я спал столько, сколько мог, и еще больше, и никто не приходил навестить меня. Я просыпался, шел на противоположный конец камеры, находил на ощупь поднос с едой и ел, если находил его. Я все время старался спать.

После того, как я проснулся на восьмой день, боль в моих глазницах ушла. Я ненавидел моего брата, который был королем Эмбера. Лучше бы он убил меня.

Я много думал о том, как реагировали остальные на такое мое наказание, но ничего не мог придумать. Когда же мрак придет и в сам Эмбер, я знал, что Эрик горько пожалеет о том, что он со мной сделал. Это я твердо знал, и только это утешало меня.

Так начались мои дни во тьме, и я не мог измерить их течение. Даже если бы у меня были глаза, я не смог бы отличить день от ночи в этом мрачном подземелье. Время шло своим путем, не обращая на меня внимания. Иногда меня бил озноб, когда я задумывался над этим, и я весь дрожал. Провел ли я здесь много месяцев? Или часов? Или недель? А может быть, лет? Я позабыл все, что касалось времени.

Я спал, ходил (я уже точно знал, куда ставить ногу и где надо повернуть) и думал о том, что сделал в своей жизни и что не успел. Иногда я сидел, скрестив ноги, ровно и глубоко дыша, опустошая ум, находясь в таком состоянии так долго, как это у меня получалось. Эрик был умен. Слепец не может управлять Отражениями.

Моя борода выросла до груди и волосы тоже стали длинными. Сначала я все время был голоден, но вскоре аппетит у меня пропал. Иногда я вставал слишком резко, и у меня кружилась голова. Я все еще мог видеть, но только в своих кошмарных снах, и тем мне становилось горше, когда я просыпался. Однако, позже, я почти начал забывать события, которые привели к моей слепоте. Я смотрел на них со стороны, как будто они произошли не со мной, а с посторонним мне человеком.

Я очень много потерял в весе. Я мог представить сам себя, изможденного и худого. Я не мог даже плакать, хотя я чувствовал несколько раз, что мне хочется это сделать. Что-то было не в порядке с моими слезными протоками. Это было страшно -- что человека можно довести до такого состояния.

Затем, однажды, в дверь тихо-тихо поскреблись. Я не обратил на это никакого внимания. Снова раздался тот же звук, и вновь я не отреагировал.

Затем я услышал, как мое имя прошептали вопросительным тоном. Я пересек

камеру.

-- Да? -- ответил я.

-- Это я, Рейн, -- ответили за дверью. -- Как вы там?

На это я рассмеялся.

-- Прекрасно! Ох, лучше не придумашь. Бифштексы с шампанским каждую ночь и куча девушек! Боже! Ну и вопросы ты задаешь!

-- Простите, что я ничего не могу сделать для вас, -- ответил он, и я почувствовал боль в его голосе.

-- Знаю, -- ответил я.

-- Если бы я мог, а бы сделал все.

-- И это я знаю.

-- Я тут кое-что принес. Возьмите.

Маленькое окошко внизу двери скрипнуло, открываясь.

-- Что здесь?

-- Чистая одежда, еда, две бутылки вина, сигареты и много коробков спичек.

Голос мой сел от волнения, в горле пересохло.

-- Спасибо, добрый Рейн. Как тебе удалось все это?

-- Я знаю стражника, который стоит на часах в эту смену. Он будет молчать. Он слишком многим мне обязан.

-- Смотри, как бы ему не пришло в голову заплатить все долги сразу простым доносом, -- предостерег я. -- Так что, хотя я и очень тебе благодарен, лучше больше так не делай. Можно не говорить, что все, могущее тебя выдать, я уничтожу.

-- Как бы я хотел, чтобы все случилось наоборот, Корвин.

-- Присоединяюсь к этому мнению. Спасибо, что подумал обо мне, когда это запрещено было делать.

-- Ну, это как раз было легко.

-- Сколько времени я пробыл здесь?

-- Четыре месяца и десять дней.

-- Что нового в Эмбере?

-- Эрик правит, вот и все.

-- Где Джулиан?

-- Отослан обратно с войсками в Арденнский Лес.

-- Почему?

-- Что-то странное проникает к нам из Отражений все последнее время.

-- Вот как? Понятно. А что Каин?

-- Он все еще в Эмбере, ублажает себя как может. В основном пьет и развлекается с женщинами.

-- А Жерер?

-- Он -- адмирал всего флота.

Я вздохнул в некотором роде с облегчением. Признаться, я боялся, что то, что он ушел во время битвы в южные воды, навлечет на него немилость Эрика.

-- А что стало с Рэндомом?

-- Он пленник, но в собственных апартаментах.

-- Что? Его взяли в плен?

-- Да. Из Лабиринта в Рэмбе он появился с арбалетом прямо здесь и успел ранить Эрика прежде, чем его схватили. Его не убили, так как он женат на дворянке из Рэмбы, а Эрик хочет сделать предложение Мойре стать его королевой. Это слухи, конечно. Вы ведь ей очень нравились, это правда?

-- В какой-то степени. Откуда ты знаешь?

-- Я присутствовал, когда читали приговор Рэндому. Мне удалось поговорить с ним несколько минут. Леди Виаль, которая заявила, что она его жена, попросила разрешения присоединиться к нему в тюрьме. Эрик все еще не уверен, что ей на это ответить.

Я подумал о слепой девушке, которую никогда не встречал, и удивился всему происходящему.

-- Как давно это все случилось?

-- Тридцать четыре дня тому назад. И именно тогда появился Рэндом.

Неделей позже Виаль подала прошение.

-- Она, должно быть, странная женщина, если любит Рэндома.

-- Я тоже так считаю. Никогда даже представить себе не мог более неподходящей пары.

-- Если увидишь его снова, передай ему мой привет и мои сожаления.

-- Хорошо.

-- Как поживают мои сестры?

-- Дейдра и Лювилла остались в Рэмбе. Леди Флоримель наслаждается милостями Эрика и одна из первых дам нашего двора. Я не знаю, где Фиона.

-- А что-нибудь было слышно о Блейзе? Хотя я уверен, что он погиб.

-- Наверное, погиб. Хотя тело его так и никогда и не было обнаружено.

-- А Бенедикт?

-- О нем так ничего и не было слышно.

-- Брандт?

-- Тоже ничего.

-- Ну, значит, будем считать, что я спросил обо всех родственниках. А ты написал новые баллады?

-- Нет. Я все еще работаю над "Осадой Эмбера", но в любом случае это будет подпольная литература, даже если мне удастся ее написать.

Я протянул руку через крошечное отверстие внизу двери.

-- Я хочу пожать тебе руку, -- сказал я и почувствовал, как его рука коснулась моей. -- Спасибо тебе за все, что ты сделал. Но больше не надо.

Глупо рисковать гневом Эрика.

Он сжал мою руку, что-то пробормотал и ушел.

Я нашел его пакет с пищей и набил желудок мясом -- самой сытной пищей, которая там была. Мясо я заедал огромными количествами хлеба, и только тут понял, что почти забыл, какой вкусной может быть пища. Затем меня стало

клонить в сон, и я уснул. Не думаю, что спал я очень долго, и, проснувшись, я открыл бутылку вина.

В моем ослабленном состоянии мне много не надо было, чтобы захмелеть. Я закурил сигарету, уселся на матрац, облокотился о стену и расслабился.

Я помнил Рейна совсем мальчиком. К тому времени я был уже взрослым, а он был кандидатом на место придворного шута. Тощий умный паренек. Люди издевались над ним слишком много, включая и меня. Но я писал музыку, сочинял баллады, а он достал себе где-то лютню и научился на ней играть. Скоро мы уже пели на два голоса, и спустя совсем немного времени я полюбил его, и мы стали работать вместе, создавая произведения искусства. Он был неуклюж, почти бездарен, но я чувствовал в глубине души раскаяние за то, как обращался с ним раньше, поэтому я фальшиво хвалил его, когда только мог, да и к тому же научил его владеть шпагой. Я никогда не жалел об этом, да и он, по-моему, тоже. Через некоторое время он стал придворным менестрелем Эмбера. Все это время я называл его своим пажом, и, когда началась война против Темных Сил из Отражения Вейрмонкен, я сделал его своим сквайром, и мы воевали вместе. Я посвятил его в рыцари на поле сражения при Джонс Фолс, и он заслужил это посвящение. После этого он продолжал писать и сочинять музыку, пока не превзошел даже меня. Цвет его одежд был малиновый, а слова -- золотыми. Я любил его как двух-трех своих друзей в Эмбере. Правда, я никогда не думал, что он пойдет на такой риск ради меня.

Я сделал еще несколько глотков вина и закурил вторую сигарету в его честь, чтобы отпраздновать это событие. Он был хорошим человеком. Я подумал, долго ли он продержится при этом дворе?

Окурки (и через некоторое время пустые бутылки) я выкинул в дыру уборной. Я не хотел, чтобы кто-нибудь случайно увидел, что я "развлекаюсь", если вдруг неожиданно нагрянет обыск. Я с'ел все, что он мне принес, и я почувствовал себя сытым и удовлетворенным впервые за все время заточения. Я оставил последнюю бутылку вина про запас, на тот случай, когда мне захочется

напиться и все позабыть хоть на время.

После этого время продолжало тянуться так же, как и раньше, и я опять втянулся в круг своих прежних действий. Я надеялся, что Эрик просто не может измерить тех сил, которыми мы все обладали. Он был королем в Эмбере, это верно, но он не знал всего. Пока не знал. Не так, как знал все Отец. У меня был один шанс на миллион, который мог сработать в мою пользу. Такой ничтожный и все же существующий, что он не позволил мне сойти с ума тогда, когда весь я был одно сплошное отчаяние.

Хотя, может быть, я сошел с ума на некоторое время, не знаю. Многие те дни сейчас, когда я стою у самого Хаоса, для меня как пустые прочерки. Бог знает, что со мной происходило в те дни, а мне даже не хочется об этом думать.

Бедные доктора, не существует ни одного из вас, который мог бы лечить нашу семью.

Я лежал в своей камере и ходил по ней в одурманивающей темноте. Я стал очень чуток к звукам. Я слышал шуршание крысиных лапок по соломе, отдаленные стоны других узников, эхо от шагов стражников, приносящих пищу. По таким звукам я научился с точностью распознавать расстояние и направление. Думаю, я стал более восприимчив и чуток к запахам, но об этом я старался не думать.

Кроме естественного тошнотворного и тлетворного запахов камеры, здесь был еще и запах гниющей плоти, я мог бы в этом поклясться. Одно время я задумывался над этим. Если бы я умер, интересно, сколько времени прошло бы с тех пор, как мою бы смерть заметили? Сколько кусков хлеба и бутылок с водой уберут обратно, не обратив на это внимания, пока стражнику не придет на ум проверить, жив ли еще узник? Ответ на этот вопрос мог быть для меня очень важен.

Запах смерти и разложения держался в камере очень долгое время. Я вновь попытался думать о времени, когда решил, что пахло так не меньше недели.

Хоть я и сдерживался изо всех сил, сопротивляясь искушению так долго, как мог, в конце концов у меня осталась одна пачка сигарет. Я вскрыл ее и закурил. У меня был блок Салема, и я выкурил одиннадцать пачек. Это двести двадцать сигарет. Когда-то я засекал время, сколько уходит на одну сигарету, и у меня получилось семь минут. Значит, в общей сложности получалось 1540 минут чистого курения, или 25 часов 40 минут. Я был уверен, что перерыв между сигаретами составлял по меньшей мере час, скорее полтора. Скажем, полтора. Теперь прикинем: на сон у меня уходит от шести до восьми часов в день. Значит, 16-18 часов я бодрствовал, и, значит, за день я выкуривал 10-12 сигарет. А значит, со времени визита Рейна прошло около трех недель. Он сказал мне, что со дня коронации прошло четыре месяца и десять дней, и, следовательно, уже будет пять месяцев.

Я берег свою последнюю пачку, как мать ребенка, наслаждаясь каждой сигаретой, как любовью женщины. Когда сигареты кончились, у меня даже наступила депрессия. Затем опять прошло очень много времени. Я все время думал об Эрике. Как обстояли у него дела теперь, когда он стал королем? Какие проблемы сейчас перед ним стояли? Чего он хотел? Почему он ни разу не спустился вниз, чтобы помучить меня? Может ли случиться такое, что меня действительно забудут в Эмбере, хотя и по королевскому велению? Никогда, решил я.

А как другие мои братья? Почему ни один из них не установил со мной связь? Ведь так легко было вытащить мою карту и прервать приговор Эрика. Однако этого никто не сделал.

Я долгое время думал о Мойре, последней женщине, которую я любил. Что она делала? Думала ли обо мне? Наверно нет. Может, она была сейчас любовницей Эрика или его королевой? Говорила ли она с ним когда-нибудь обо мне? Тоже, наверное, нет. А как мои сестры? Забудь их. Все они ведьмы.

Я уже был слепым раньше. И случилось это при вспышке пороха на Отражении Земли. Но это продолжалось всего месяц, и потом мое зрение

вернулось ко мне. Эрик же, когда отдавал свой приказ, имел в виду постоянную слепоту. Я все еще потел и дрожал, и иногда просыпался с криком, когда вспоминал картину раскаленного железа, спускающегося ко мне, висящего перед моими глазами, дотрагивающегося до них!... Я застонал и продолжал мерить свою камеру шагами.

Я абсолютно ничего не мог сделать. И это было самое ужасное из всего, что со мной произошло. Я был так же беспомощен, как человеческий зародыш в утробе матери. Родиться вновь с прежним зрением и возможностью удовлетворить свою ярость -- за это я бы продал душу. Даже если бы зрение вернулось ко мне на час, но чтобы у меня в руке вновь была шпага для решительной дуэли с моим братом.

Я лег на матрац и заснул. Когда я проснулся, у двери стояла пища, и я поел, а потом вновь принялся мерить камеру шагами. Мои ногти на руках и ногах отросли до безобразия. Борода опустилась ниже пояса, а волосы все время попадали в глаза. Я чувствовал себя грязным, и все мое тело чесалось непрерывно. Я не знал даже, бегают ли по мне вши.

То, что принца Эмбера возможно было довести до такого состояния, вызвало в моей душе ужасную бурю гнева. Я привык о нас думать, как о несокрушимых и вечных созданиях, чистых, холодных, жестких, как отшлифованный бриллиант, таких как были наши изображения на картах. Как выяснилось, это было не так. По крайней мере, мы были такими же, как и остальные люди, разве что с большим запасом прочности.

Я играл сам с собой в уме, я рассказывал сам себе всевозможные истории, я вспоминал самые приятные минуты своей жизни, а их было немало. Я вспоминал волю: ветер, дождь, снег, летнее тепло и холодные весенние ветерки. На Отражении Земли у меня был свой небольшой самолет, и я наслаждался чувством полета. Я вспоминал сверкающую панораму цвета и расстояния, кажущиеся сверху миниатюрными города, широкий голубой разлет неба. Я вспоминал женщин, которых любил, вечеринки, военные учения и битвы, и когда все мои

воспоминания подобного рода кончались и мне не о чем было больше думать, только тогда начинал я вновь думать об Эмбере.

Однажды, когда я думал о нем, мои слезные протоки неожиданно начали вновь функционировать, и я заплакал. После непередаваемого количества ушедшего времени, заполненного провалами, темнотой и сном, я услышал шаги, замершие у двери моей камеры, и я услышал, как в замке поворачивается ключ.

Прошло так много времени с последнего визита ко мне Рейна, что я уже забыл и вкус сигарет, и запах вина. Я не мог точно знать, сколько времени прошло, но чувствовал, что очень много.

В коридоре было двое людей. Я мог слышать это по их шагам даже до того, как услышал их голоса.

Один голос я узнал. Дверь распахнулась, и Джулиан произнес мое имя. Я не ответил ему сразу, и он повторил:

-- Корвин? Поди сюда.

Так как особого выбора у меня не было, я выпрямился и подошел к нему. Я остановился, поняв, что нахожусь совсем рядом.

-- Чего ты хочешь? -- спросил я.

-- Пойдем со мной, -- и он взял меня за руку.

Мы пошли по коридору, и он шел молча, и будь я проклят, если бы заговорил первым или задал бы ему какой-нибудь вопрос.

Судя по звукам наших шагов, мы вошли в большой зал. Вскоре после этого он повел меня вверх по лестнице. Все вверх и вверх, и в конечном итоге мы оказались в самом дворце.

Меня привели в комнату и усадили на стул. Парикмахер залязгал ножницами, подрезая мою бороду и волосы. Я не узнал его голоса, когда он спросил, предпочитаю я просто подстричь бороду или побриться.

-- Брей, -- ответил я, а маникюрша принялась работать над моими ногтями на руках и ногах.

Затем меня вымыли и, после ванной, помогли облачиться в свежие одежды.

Они свободно висели на мне. Я ведь здорово похудел, но совершенно забыл об этом. Затем меня провели в другое помещение, в котором звучала музыка, вкусно пахло, слышались звуки голосов и веселый смех. Я узнал эту комнату: столовая замка.

Голоса стали звучать как будто тише, когда Джулиан ввел и усадил меня.

Я сидел, когда прозвучали звуки труб, при которых меня силой заставили подняться. Я услышал, как был провозглашен тост:

-- За Эрика Первого, короля Эмбера! Долго живи, король!

Я не стал за это пить, но этого, казалось, никто не заметил. Тост произнес голос Каина, откуда-то из глубины зала.

Я ел столько, сколько в меня могло вместиться, потому что это была лучшая трапеза, которую мне предложили с того самого дня Коронации. Из застольных бесед я понял, что сегодня как раз исполняется годовщина того дня, а это означало, что я провел в подземелье целый год.

Никто не разговаривал со мной, и я ни к кому не обращался. Я присутствовал всего лишь как дух. Чтобы унижить меня, чтобы показать пример моим братьям, вот для чего, несомненно, был приведен я сюда. И каждому было велено забыть меня.

Пиршество продолжалось далеко за полночь. Кто-то все время подливал мне вина, чтобы было по крайней мере утешительно, и я сидел, чуть развалясь, и слушал музыку, под которую танцевали.

К этому времени столы убрали, а меня усадили в уголок.

Я напился как сапожник, и наутро меня полутащили, полунесли обратно до камеры, когда все уже закончилось и помещение начали убирать. Единственное, о чем я жалел, что напился все же не до такой степени, чтобы вытошнить на пол или на чей-нибудь нарядный костюм.

Так закончился для меня первый год тьмы.

Я не наскучу вам ненужными повторами. Второй год моего заточения был таким же, как и первый, и с тем же финалом. В этот второй год Рейн ходил ко мне дважды, принося по полной корзине вкусной еды и целые ворохи новостей. Оба раза я запрещал ему приходить ко мне снова. В третий год он спускался ко мне шесть раз, через каждый месяц, и каждый раз я говорил ему, чтобы он этого больше не делал, с'едал все, что он приносил, и выслушивал новости.

Что-то плохое происходило в Эмбере. Странные ЧУДОВИЩА шли из Отражений, устраивали над всеми насилия, пытались проникнуть дальше. Их, конечно, уничтожали. Эрик все еще пытался понять, почему все так могло произойти. Я не упомянул своего проклятия, хотя значительно позже убедился, что был прав в своем предположении.

Рэндом, как и я, все еще был пленником. Его жена ВСЕ-ТАКИ присоединилась к нему. Положение остальных моих братьев и сестер осталось неизменным. С этим подошел я к третьей годовщине коронации, и это заставило меня вновь начать жить. Это...

Это! Однажды мне показалось, что это произошло, и такие чувства вспыхнули у меня в груди, что я немедленно открыл бутылку вина, принесенного Рейном, и распечатал последнюю пачку сигарет, которые хранил про запас.

Я курил сигареты, прихлебывал вино и наслаждался чувством, что все-таки я победил Эрика. Если бы он обнаружил, что произошло, я уверен, это было бы для меня смертельно. Но я знал, что он ничего даже не подозревает.

Поэтому я радовался, курил, пил и веселился в свете того, что произошло.

Да, в СВЕТЕ. Справа от себя я обнаружил какие-то полосы света.

Попробуйте вспомнить: я проснулся в госпитале и узнал, что оправился слишком быстро. Ясно?

Я вылечиваюсь быстрее, чем другие. Все лорды и леди Эмбера имеют это свойство в большей или меньшей степени. Я выжил в чуму, я выжил в походе на Москву...

Я регенерирую быстрее и лучше, чем кто бы то ни был из всех, кого я знал. Наполеон когда-то обратил на это свое внимание. Так же, как и генерал Мак-Артур. С нервными тканями это заняло у меня немного больше, вот и все.

Зрение возвращалось ко мне -- вот что это значило -- это чудесное пятно справа от меня.

Я вырастил себе новые глаза -- сказали мне мои пальцы. У меня заняло это более двух лет, но я сделал это. Это был тот самый один шанс из миллиона, о котором я упоминал раньше, та самая способность, которой хорошо не владел даже Эрик, потому что силы членов семьи проявляются разными путями. Я был полностью парализован в результате перелома позвоночника во время франко-прусской войны. Через два года все прошло. У меня была надежда -- дикая, я это признаю, -- что у меня получится то, что получилось, что мне удастся вырастить новые глаза, не смотря на то, что глазные орбиты были выжжены. И я оказался прав. Зрение медленно возвращалось ко мне, глаза казались нетронутыми.

Сколько же времени осталось до следующей годовщины коронации Эрика? Я перестал мерить камеру шагами, и сердце мое забилося сильнее. Как только кто-нибудь заметит, что у меня вновь есть глаза, я тут же лишусь их вновь. Следовательно, мне надо убежать из тюрьмы, пока не минет трех лет. Как?

До сих пор я не придавал большого значения побегу и не думал о нем, потому что если бы я и нашел способ выбраться из камеры, мне никогда не удалось бы уйти из Эмбера и даже из дворца -- без глаз, без помощи, которой мне не от кого ожидать. Теперь же...

Дверь в мою камеру была большой, тяжелой и обита медью, с крохотным зарешеченным квадратом на уровне пяти футов для того, чтобы можно было смотреть, жив я или умер, если, конечно, кому-нибудь было до этого дело.

Если бы даже удалось высадить эту решетку, сразу было видно, что я не мог высунуть руку настолько, чтобы добраться до замка. В нижнем же конце двери были маленькие воротца, через которые подавалась пища. Больше в этой двери ничего не было. Петли были либо снаружи, либо между дверью и косяком, в этом я не был уверен. В любом случае, я не мог до них добраться. Ни окон, ни других дверей не было.

Я был все еще как слепой, потому что слабый свет проникал ко мне только через это зарешеченное оконце. К тому же я знал, что зрение еще не вернулось ко мне полностью. До этого еще было далеко. Да и с полным зрением в моей камере было непроницаемо темно. Я знал это, так как хорошо знал темницы Эмбера.

Я закурил сигарету и вновь стал ходить по камере, думая о тех вещах, которые имелись в моем распоряжении, с точки зрения приспособления для побега. У меня была своя одежда, спальный матрац и сколько угодно мокрой, затхлой соломы. У меня также были спички, но я быстро отверг мысль о поджоге соломы и устройстве пожара. Я сомневался, и не без основания, что если я это сделаю, кто-нибудь придет спасать меня. Скорее всего, стражник подойдет к двери и посмеется, если вообще соизволит подойти. У меня также была ложка, которую я украл на прошлом банкете. Я хотел сначала стянуть нож, но Джулиан поймал меня на месте преступления и выхватил его из моих рук. Он, однако, не знал, что это была уже моя вторая попытка. У меня в ботинок уже была запихнута ложка. Так на что она могла мне пригодиться? Я слышал рассказы об узниках, которые прокапывали себе подземные ходы из камер самыми нелепыми предметами, такими, как, например, поясная пряжка, которой я не имел, и тому подобное. Но у меня не было времени на подвиги графа Монте-Кристо. Я должен был убежать в течение нескольких месяцев, иначе мои новые глаза мне были не нужны.

Дверь в основном была сделана из дуба. Она была обтянута четырьмя металлическими полосами. Одна полоса шла по самому верху, другая -- по низу,

над воротцами, в которые просовывали пищу, а две остальные шли перпендикулярно сверху вниз, проходя по обе стороны зарешеченного квадрата -- оконца в фут размером. Дверь открывалась наружу, это я знал, и замок ее был слева от меня. Память услужливо подсказала мне, что толщина ее была два дюйма, и я помнил, в каком месте находится замок, что я подтвердил опытным путем, налегая на дверь и чувствуя ее напряжение в нужном месте. Я знал, что дверь эта была также задвинута на крепкие засовы снаружи, но об этом можно было подумать и позже. Может быть, мне удастся выдвинуть засов, просунув ручку ложки вверх, между краем двери и косяком.

Я придвинул матрац и встал на него на колени, ручкой ложки очертив квадрат в том месте, где находился замок. Я работал до тех пор, пока рука у меня не стала отваливаться от усталости, наверное, несколько часов. Затем я потрогал пальцами поверхность дерева. Я добился немногого, но ведь это было только начало. Я взял ложку в левую руку и продолжал работать, пока только мог.

Я все время жил надеждой, что скоро появится Рейн, я был уверен, что мне удастся уговорить его отдать мне кинжал, если я буду достаточно настойчив. Однако он все не появлялся. Я работал день за днем, не покладая рук, пока не вгрызся в дерево на полдюйма. Каждый раз, когда я слышал шаги стражника, я убирал матрац на прежнее место в дальний угол и ложился на него к двери спиной. Когда он проходил, я возобновлял работу. Затем мне пришлось прервать работу, как мне не хотелось этого делать. Хоть я и заворачивал руки в разорванную ткань одежды, они все равно покрылись пузырями, которые полопались, и в конце концов я стер их до крови. Пришлось сделать перерыв, пока раны не зажили. Я решил посвятить это время отдыха составлению планов на будущее, после того, как мне удастся мой побег.

Когда я прорублю дверь, я подниму засов. Шум от его падения, конечно, привлечет стражников. Но к тому времени меня не будет в камере. Пара хороших ударов, и тот квадрат, который я выпиливал, упадет наружу вместе с замком --

пусть он там остается. Тогда дверь откроется, и я буду лицом к лицу со стражником. Он будет вооружен, а я буду безоружен. Мне придется его убить.

Может, он будет очень самонадеян, зная, что я слеп. С другой стороны, он будет немного бояться, вспоминая ту битву, когда я вошел в Эмбер. В любом случае он умрет. И тогда я буду вооружен. Я схватил себя левой рукой за правый бицепс и напряг мускулы. Боже! Я весь высох! Как бы там ни было, во мне текла кровь принцев Эмбера, и я чувствовал, что даже в таком состоянии я могу убить любого обычного человека. Может быть, я и тешил самого себя, но мне придется испытать это на деле.

Затем, если мне это удастся, то ничто не остановит меня со шпагой в руке от того, чтобы добраться до Лабиринта. Я пройду Лабиринт, а добравшись до центра, перемещусь в любое Отражение, которое найду нужным. Там я залечу раны и соберусь с силами, и в следующий раз не поступлю так опрометчиво и не буду торопиться. Если это даже займет у меня сто лет, я все подготовлю как следует, на сто процентов, прежде чем напасть на Эмбер снова. Ведь, в конце концов, формально я был здесь королем. Разве я не короновал сам себя в присутствии всех, прежде чем это успел сделать Эрик? Этой линии я и буду держаться, идя в бой за трон! Если бы только не было невозможным уйти в Отражение прямо из Эмбера! Тогда мне не пришлось бы возиться с Лабиринтом. Но мой Эмбер -- центр всего, и из него не так-то просто уйти.

Через месяц мои руки полностью зажили, и от грубой работы на них начали образовываться жесткие мозоли. Работая, я слышал шаги стражника и быстро унес свой матрац в дальний конец камеры и улегся на него. Раздался слабый скрип, и моя пища была просунута мне под дверь. Затем опять раздались шаги, на этот раз удаляющиеся.

Я вернулся к двери. Я знал, что будет на этом подносе, не глядя: ломоть плесневелого хлеба, кружка воды и кусок сыра, если мне повезет. Я устроил матрац поудобнее, стал на колени и ощупал пальцами сделанное мной отверстие. Я уже выдолбил больше половины. Затем я слышал смехок.

Я повернулся, и мне не нужно было мое зрение, чтобы знать, что в моей камере присутствовал еще кто-то. Слева, у стены, стоял человек и ухмылялся.

-- Кто это? -- спросил я, и мой голос звучал странно. Я понял, что это первые слова, которые я произнес за долгое-долгое время.

-- Беглец, -- произнес он, -- хочет удрать.

И опять слышался смешок.

-- Как вы сюда попали?

-- Прошел.

-- Но откуда? Как? -- я зажег спичку, и мне стало больно глазам, но я не погасил ее.

Это был человек небольшого роста. Можно сказать, крошечный. Меньше пяти футов роста и с горбом. Борода и волосы у него были такие же длинные, как у меня. Единственной отличительной чертой сквозь всю эту массу волос, закрывающих почти все лицо, был большой крючковатый нос, да еще почти черные глаза, сейчас странно блестящие при свете спички.

-- Дворкин! -- сказал я.

-- Это мое имя, -- снова ухмыльнулся он. -- А твое?

-- Неужели вы не узнаете меня, Дворкин? -- я зажег еще одну спичку и поднес ее к своему лицу. -- Посмотрите внимательнее. Забудьте волосы и бороду. Добавьте сотню фунтов к моему телу. Вы ведь нарисовали меня со всевозможными деталями на нескольких колодах игральных карт.

-- Корвин, -- сказал он после недолгого раздумья. -- Я тебя помню. Да, помню.

-- Я думал, что вас давно нет в живых.

-- А я жив. Вот видишь? -- и с этими словами он сделал передо мной пируэт. -- А как твой отец? Давно ты его видел? Это он засадил меня сюда.

-- Оберона больше нет. В Эмбере правит мой брат Эрик, и я -- его узник.

-- Тогда я главнее тебя, потому что я узник самого Оберона.

-- Вот как? Никто из нас не знал, что Отец заключил вас в темницу.

Я услышал как он заплакал.

-- Да, он мне не доверял.

-- Почему?

-- Я рассказал ему, что придумал способ уничтожить Эмбер. Я описал ему
ной способ, и он запер меня здесь.

-- Это было не очень хорошо с его стороны.

-- Знаю, но он предоставил мне прекрасные комнаты и кучу всякого
материала для моей работы. Только через некоторое время он перестал навещать
меня. Обычно он приводил с собой людей, которые показывали мне чернильные
пятна и заставляли меня рассказывать о них всякие истории. Это было просто
здорово. но однажды я рассказал историю, которая мне не понравилась, и
человек превратился в лягушку. Король был очень сердит, когда я отказался
превратить его обратно, но прошло так много времени с тех пор, как я хоть с
кем-то разговаривал, что я даже согласился бы сейчас снова превратить его
обратно в человека, если, конечно, король еще этого хочет. Однажды...

-- Как вы попали сюда, в мою камеру?

-- Но я ведь уже сказал тебе: просто прошел.

-- Сквозь стену?

-- Ну конечно, нет. Сквозь Отражение стены.

-- Никто не может ходить по Отражениям в Эмбере. В Эмбере нет
Отражений.

-- Видишь ли... я сжульничал, -- признался он.

-- Как?

-- Я нарисовал новую Карту и прошел сквозь нее, чтобы посмотреть, что
новенького с этой стороны стены. Ох, ты!... Я только что вспомнил! Ведь я не
могу попасть без нее обратно. Придется нарисовать новую. У тебя есть
что-нибудь перекусить? И чем можно рисовать? И на чем рисуют?

-- Возьмите кусок хлеба, -- сказал я ему, протягивая свой скудный обед
и кусок сыра за компанию.

-- Спасибо тебе, Корвин.

И он накинулся на хлеб и сыр, как будто не ел целую вечность, а потом выпил всю мою воду.

-- А теперь, если ты дашь мне перо и кусок пергамента, я вернусь к себе. Я хочу успеть дочитать одну книгу. Приятно было поговорить с тобой. Жаль, что так вышло с Эриком. Может быть, я еще наведаюсь к тебе, и мы еще поговорим. Если ты увидишь своего отца, пожалуйста, передай ему, чтобы он не сердился на меня за то, что я превратил его человека в...

-- У меня нет ни пера, ни пергамента, -- ответил я.

-- Боже, -- сказал он. -- Ну, это уже совсем не цивилизованно.

-- Знаю. Но с другой стороны, Эрика и нельзя назвать цивилизованным человеком.

-- Ну, хорошо, а что у тебя есть? Моя комната нравится мне как-то больше, чем это место. По крайней мере, там светлее.

-- Вы пообедали со мной, а сейчас я хочу попросить вас об услуге. Если вы выполните мою просьбу, я обещаю, что сделаю все возможное, чтобы примирить вас с отцом.

-- А чего тебе надо?

-- Я долгое время наслаждался вашим искусством, и есть картина, которую мне всегда хотелось иметь именно в вашем исполнении. Помните ли вы маяк на Кабре?

-- Ну конечно. Я был там много раз. Я знаю его хранителя Жупена. Бывало, я часто играл с ним в шахматы.

-- Больше всего на свете, почти всю жизнь, я мечтал увидеть один из тех магических набросков этой серой башни, нарисованных вашей рукой.

-- Очень простой рисунок, и довольно приятный, не могу не согласиться. В прошлом я действительно несколько раз делал наброски этого места, но как-то никогда не доводил их до конца. Слишком много было другой работы. Но если хочешь, я тебе нарисую то, что помню, а потом передам.

-- Нет. Мне бы хотелось что-нибудь более постоянное, чтобы я все время мог держать этот рисунок перед глазами в своей камере, чтобы он утешал меня и всех других узников, которых посадят сюда после меня.

-- Вполне понимаю, но на чем же мне нарисовать?

-- У меня здесь есть стило, -- сказал я (к этому времени ручка ложки здорово поистерлась и заострилась), -- и мне бы хотелось, чтобы вы нарисовали эту картину на дальней стене, чтобы я мог глядеть на нее, когда прилягу отдохнуть.

Он довольно долго молчал, наконец заметил:

-- Здесь очень плохое освещение.

-- У меня есть несколько коробков спичек, и я буду зажигать их по одной и держать перед вами. Если не хватит спичек, можно будет спалить солому.

-- Не могу сказать, чтобы это были идеальные рабочие условия...

-- Знаю, и заранее прошу прощения за это, великий Дворкин, но они лучшие из тех, которые я могу предложить. Картина, написанная вашей рукой мастера, осветит мое жалкое существование и согреет меня здесь в темнице.

Он опять ухмыльнулся.

-- Хорошо. Но ты должен мне обещать, что посветишь мне потом, чтобы я мог нарисовать картину и попасть к себе домой.

-- Обещаю, -- ответил я и сунул руку в карман.

У меня было три полных коробка и часть четвертого. Я сунул ложку ему в руку и подвел к стене.

-- Появилось ли у вас чувство инструмента?

-- Да это ведь заостренная ложка, верно?

-- Верно. Я зажгу вам спичку, как только вы скажете, что готовы. Вам придется рисовать быстро, потому что мой запас спичек ограничен. Половину спичек я израсходую на рисунок маяка, а вторую половину -- на то, что подскажет вам ваше воображение.

-- Хорошо.

Я зажег спичку, и он начал вычерчивать линии по сырой серой стене.

Первым делом он очертил большой прямоугольник, как раму для своего наброска. Затем, в результате нескольких быстрых четких штрихов, начал вырисовывать маяк. Это было просто удивительно, но этот старый нелепый человек сохранил все свое прежнее искусство.

Когда каждая спичка догорала до половины, я плевал на большой и указательный пальцы левой руки и брался уже за сгоревший конец, чтобы ни одна секунда драгоценного времени не пропала даром.

Когда первый коробок кончился, он уже дорисовал башню и работал над морем и небом. Я вдохновлял его, издавая восхищенные возгласы с каждым движением его руки.

-- Великолепно, просто великолепно, -- сказал я, когда он почти закончил.

Затем он заставил меня потратить еще одну спичку, потому что он забыл подписаться под картиной. К этому времени моя вторая коробка спичек почти иссякла.

-- А сейчас давайте восхищаться этой картиной вместе, -- сказал он.

-- Если вы хотите вернуться к себе, то вам придется оставить это восхищение лично мне. У нас слишком мало спичек, чтобы заниматься критикой.

Он немного поворчал, но все же подошел к другой стене и начал рисовать, как только я зажег спичку. Он быстро набросал крошечный кабинет, стол, череп на столе, стены, заставленные книгами до самого потолка.

-- Теперь хорошо, -- удовлетворенно пробурчал он.

В это время третья коробка моих спичек кончилась, и я начал остатки четвертой. Пришлось потратить еще шесть спичек, пока он что-то исправлял в своей картине и подписывался.

Он сконцентрировался на картине, когда я зажег следующую спичку, у меня осталось всего две, а затем сделал шаг вперед и исчез.

Этой спичкой я обжегся, так что даже выронил ее из рук. Она упала на

сырую солому и, зашипев, погасла.

Я стоял, весь дрожа, полный каких-то смешанных чувств, а затем я вновь услышал его голос и почувствовал его присутствие рядом с собой.

-- Знаешь, что мне только что пришло в голову? -- спросил он. -- А как ты будешь любоваться моей картиной, когда здесь так темно?

-- О, я вижу в темноте. Мы с ней жили так долго вместе, что стали друзьями.

-- А, понимаю. Мне просто стало любопытно. Посвети-ка мне, чтобы я снова мог попасть к себе.

-- Хорошо, -- сказал я, беря в руки свою предпоследнюю спичку. -- Но в следующий раз, если захотите навестить меня, то приходите со своими спичками, потому что мне светить будет нечем. Спички кончились.

-- Хорошо.

Я зажег спичку, он уставился на свой рисунок, подошел к нему и еще раз исчез.

Я быстро повернулся и посмотрел на маяк Кабры, прежде чем спичка погасла. Да, в этом рисунке чувствовалась сила. Та самая сила. Сослужит ли моя последняя спичка мне верную службу?

Я был уверен, что нет. Мне нужно было долго концентрироваться, чтобы использовать Карту как способ побега. Что я мог поджечь? Солома была слишком сырой и могла не загореться. Это будет просто ужасно -- иметь выход, дорогу к свободе здесь, со мной, и не быть в состоянии им воспользоваться. Мне нужен был огонь, который продержался бы совсем недолго.

Мой матрац!

Это был льняной тюфяк, набитый соломой. Эта солома, наверняка, будет суше, да и лен неплохо горит.

Я расчистил пол перед собой до самого камня. Затем поискал вокруг себя заостренную ложку, чтобы вспороть матрац. Тут я выругался. Дворкин унес ее. Из всех сил я принялся раздирать матрац. Наконец послышался треск

разрываемого материала, и я вытащил из середины сухую солому. Я сложил ее небольшой кучкой, а рядом положил материю в качестве дополнительного топлива, если оно понадобится.

-- Чем меньше дыма, тем лучше, -- подумал я. -- Он только привлечет внимание, если вдруг мимо пройдет стражник. Однако это было маловероятно, потому что пищу мне уже принесли, а кормили меня здесь один раз в день.

Я зажег последнюю спичку, потом использовал ее на то, чтобы заставить разгореться спичечный коробок, в котором она лежала. Когда коробок загорелся, я положил его на солому.

У меня почти ничего не вышло. Солома оказалась более мокрой, чем я предполагал, хотя я и достал ее из самой середины матраца. Но в конце концов появился маленький огонек. Для этого мне пришлось сжечь два своих пустых коробка, и я был рад, что догадался не выбросить их.

Когда я кинул в огонь третий пустой коробок, я выпрямился, держа солому в руках на полотне, и посмотрел на картину.

Стена осветилась. Когда пламя поднялось выше, я сконцентрировался на башне и начал вспоминать ее. Мне показалось, что я услышал крик чаек. Подуло свежим, напоенным солоноватым морским запахом, бризом, и, по мере того, как я смотрел, место это становилось все реальнее и реальнее.

Я бросил загоревшееся полотно на пол, и пламя стихло на минуту, а затем разгорелось с новой силой. Все это время я ни на миг не отрывал глаз от рисунка.

Волшебная сила все еще была здесь, в руках великого Дворкина, потому что вскоре маяк начал казаться мне таким же реальным, как и камера. Затем он стал единственной реальностью, а камера -- всего лишь Отражением за моей спиной. Я услышал плеск волн, почувствовал тепло солнца. Я сделал шаг вперед, но нога моя коснулась не огня.

Я стоял на песчаном скалистом уступе маленького острова под названием Кабра, на котором располагался большой серый маяк, освещавший водный путь по

ночам для кораблей Эмбера. Эмбер находился сорока милями дальше, за моим левым плечом.

Я больше не был узником.

13

Я пошел к маяку и взобрался по каменным ступеням, ведущим к двери его западного входа. Дверь была высокой, широкой и водонепроницаемой. К тому же она была заперта. Позади меня, ярдах в трехстах, находилась небольшая бухта. В ней были привязаны две лодки. Одна -- обычная, весельная, другая -- легкий парусник с каютой. Они мягко покачивались на волнах, и на них светило яркое красивое солнце. Я остановился ненадолго и посмотрел на них. Прошло так много времени с тех пор, как я видел что-нибудь подобное, что эта обычная картина показалась мне фантастической, и я с трудом подавил рыдание, готовое вырваться у меня из груди. Я отвернулся и постучал в дверь.

После того, как, по моим расчетам, прошло много времени, я снова постучал.

В конце концов я услышал изнутри какуюто возню, а потом дверь распахнулась, заскрипев на ржавых петлях.

Жупен -- хранитель маяка -- смотрел на меня, как бы изучая, налитыми кровью глазами, и изо рта у него пахло виски. Он был около пяти с половиной футов росту, но такой сгорбленный, что напоминал мне Дворкина. Борода у него была такой же длины, как у меня, поэтому, естественно, казалась длиней, и она была пепельно-серого цвета, если не считать нескольких желтых пятен у самых пересохших губ. Кожа у него была такая же пористая, как у кожуры апельсина, а ветер и солнце так обветрили ее и обожгли, что она напоминала приятный цвет старинной мебели красного дерева. Как и большинство людей,

которые плохо слышат, он говорил громким голосом.

-- Кто вы? Что вам нужно? -- спросил он.

Если я был настолько неузнаваем в своем теперешнем состоянии, то я решил, что не будет никакого вреда, если я сохраню свое инкогнито как можно дольше.

-- Я -- путешественник с юга, и совсем недавно потерпел кораблекрушение, -- сказал я. -- Много дней меня носило по волнам; мне повезло, и я ухватился за большой кусок дерева, и меня вынесло сюда, на этот берег. Я проспал на берегу все утро. Совсем недавно я пришел в сознание и нашел в себе достаточно сил, чтобы встать и подойти к этому маяку.

Он сделал шаг вперед и взял меня за руку. Второй рукой он обнял меня за плечи.

-- Входи, входи же. И обопрись на меня. Ну, ничего, ничего, все обойдется. Пойдем со мной.

Он привел меня в свои комнаты, в которых, на удивление, царил страшный беспорядок. Они были завалены старыми книгами и всевозможными навигационными приборами. Он сам не очень-то твердо держался на ногах, поэтому я старался наваливаться на него не очень сильно, только достаточно для того, чтобы поддержать его в убеждении, что я полностью истощен. С этой же целью я с трудом оперся о косяк двери. Он подвел меня к своей койке, предложил мне прилечь и ушел запереть дверь и приготовить мне что-нибудь поесть.

Я снял ботинки, но ноги у меня были настолько грязные, что я опять их одел. Если бы я действительно долго плавал в море, я никогда не был бы таким грязным. Мне не хотелось, чтобы он так быстро уличил меня во лжи, поэтому я натянул на себя одеяло и с удовольствием откинулся на постели.

Жупен быстро вернулся с кружкой воды и кружкой пива, большим куском говядины и толстым куском хлеба, положенными на деревянный поднос. Одним взмахом руки он скинул с маленького столика все, что на нем лежало, а потом ногой подвинул его к кровати. Потом он поставил на него поднос и велел мне

угощаться.

Я не заставил себя упрашивать. Я набил себя до самого горла. Я пожирал пищу. Я с'ел все, что только попало мне на глаза. Я выпил обе кружки. Затем я почувствовал, что смертельно устал. Жупен кивнул головой, когда увидел, что у меня смыкаются веки, и сказал, чтобы я спал. Я сразу уснул.

Когда я проснулся, наступила ночь, и я почувствовал себя значительно лучше, чем за много-много недель. Я встал, прошел по помещению и вышел наружу. Было холодновато, но небо было кристально чистым, и на нем, казалось, горели миллионы звезд. На вершине башни вспыхнул огонь, бросив отсветы мне в спину, потом потух, потом снова вспыхнул, а затем потух. Вода была холодной, но я должен был привести себя в порядок. Я тщательно вымылся, постирал одежду и выжал ее. Я занимался этим около часа. Затем я вернулся на маяк, повесил одежду на спинку старого стула, чтобы она высохла, забрался под одеяло и опять уснул.

Наутро, когда я проснулся, Жупен уже был на ногах. Он приготовил мне огромный завтрак, и я поступил с ним так же, как и с ужином. Затем я одолжил у него бритву, серкало, ножницы и, как сумел, побрился и подстриг себе волосы. Потом я опять выкупался, и когда я одел на себя свою чистую, крепкую от соли одежду, я почти почувствовал себя человеком.

Когда я вернулся с моря, Жупен уставился на меня и сказал:

-- Что-то ты кажешься мне знакомым, парень.

Я пожал плечами.

-- Расскажи мне о своем кораблекрушении.

Я рассказал. Да, но как! С какими подробностями! Я не упустил даже того трагического момента, когда с треском сломалась и рухнула на палубу грот-мачта. Он потрепал меня по плечу и налил виски. Потом он дал закурить мне сигарету и держал огонь, пока она не загорелась.

-- Отдыхай здесь спокойно, -- сказал он мне. -- Я свезу тебя на берег, когда захочешь, или посигналю проходящему кораблю, если он будет тебе

знаком.

Я воспользовался его гостеприимством. Пока не мог поступить иначе. Я ел его пищу и пил его виски, и взял у него чистую рубашку, которая была ему слишком велика. Она принадлежала его другу, который утонул в море.

Я оставался с ним три месяца и постепенно набрался сил. Я, конечно, помогал ему, чем мог -- следил по ночам за маяком, когда он бывал слишком пьян, убирал все комнаты в доме, даже выкрасил две из них и заменил оконные переплеты -- и вместе с ним смотрел на море, когда бывали штормы.

Как я выяснил, он совсем не интересовался политикой. Ему было безразлично, кто правил в Эмбере. Насколько он судил, все мы, все до единого, были разгильдяи. Пока он мог обслуживать свой маяк, есть хорошую пищу и пить вкусное вино, а также составлять морские карты так, чтобы ему никто не мешал, ему было просто наплевать, что при этом происходит на берегу. Он нравился мне все больше и больше, а так как я тоже кое-что знал о старых морских картах, мы проводили много вечеров, внося в них исправления. Много лет тому назад я отправился в путешествие на корабле далеко на север, и я составил для него новую карту, основанную на том, что я лично помнил. Это, казалось, доставило ему огромное удовольствие, так же, как и мое описание тех вод.

-- Кори (так я ему назвался), мне бы хотелось отплыть с тобой вдвоем когда-нибудь, -- сказал он. -- Я сначала не понял, что ты был капитаном корабля.

-- Кто знает, -- ответил я. -- Ведь ты тоже когда-то был капитаном, верно?

-- Откуда ты знаешь?

-- Все эти навигационные приборы, которые здесь собраны, и твоя любовь к составлению карт, к тому же ты ведешь себя, как человек, привыкший повелевать, -- ответил я.

-- Да, -- улыбнулся он, -- это так. Когдато я командовал кораблем на

протяжении лет ста. Но это было так давно... Давай лучше выпьем.

Я сделал маленький глоток и отставил рюмку в сторону. Я прибавил в весе фунтов сорок за те месяцы, что провел у него, и я боялся, что он узнает меня. Может, он выдаст меня Эрику, может, нет. Я думал, что нет. Но мне не хотелось рисковать.

Иногда, сидя у огня маяка, я размышлял:

"Надолго ли я еще останусь здесь?"

-- Ненадолго, -- решил я, добавляя в лампу несколько капель жира, -- нет, недалго. Я знал, что приближается время, когда мне предстоит отправиться в путь и вновь идти по Отражениям. Затем, однажды, я почувствовал давление, мягкое, вопросительное. Но я не знал, кто это мог быть.

В ту же секунду я остановился как вкопанный, закрыл глаза и заставил себя ни о чем не думать. Прошло, по меньшей мере, пять минут, пока это вопросительное давление не прошло. Тогда я принялся ходить и размышлять, и тут улыбнулся, глядя, КАК я хожу. Я подсознательно ходил по тому небольшому расстоянию, которое мне позволяла моя камера там, в Эмбере.

Кто-то только что попытался связаться со мной через мою Карту. Был ли это Эрик? Стало ли ему наконец известно, что я бежал, и не он ли пытается таким образом обнаружить меня? Я не был уверен. Я чувствовал, что он теперь боится ментального контакта со мной. Тогда Джулиан? Или Жерар? Каин? Кто бы это ни был, я закрылся от него полностью, это я знал. И я откажусь от такого контакта с любым членом моей семьи. Может, я и пропущу таким образом какие-нибудь важные новости или чью-нибудь дружескую, нужную мне помощь, но я не мог рисковать. Попытка контакта и моя блокировка оставили от себя странное действие: я задрожал от холода. Меня затрясло. Я думал об этом весь день и решил, что пришла пора мне пускаться в путь. Мало было для меня хорошего в том, что я оставался так близко от Эмбера -- ведь я был еще очень уязвим. Я оправился вполне достаточно для того, чтобы идти по Отражениям,

чтобы найти то место, куда мне следовало прийти, если я хотел, чтобы Эмбер когда-нибудь был моим. Пока я жил с Жупеном, размеренная жизнь внесла покой в мою душу. Мне будет тяжело расстаться с ним -- я успел полюбить его.

И все же вечером, после нашей традиционной партии в шахматы, я сказал ему о намерении продолжать свой путь. Он налил нам виски и поднял рюмку, сказав:

-- Счастливого пути, Корвин. Надеюсь, что мы увидимся когда-нибудь.

Я не стал его спрашивать ни о чем, когда он назвал мое настоящее имя, и он улыбнулся, поняв, что я ничем не выдал удивления.

-- Мне было хорошо здесь с тобой, Жупен. Если мне удастся то, что я задумал, я не забуду, что ты сделал для меня.

-- Мне ничего не нужно, -- покачал он головой. -- Я счастлив тем, что имею, делаю то, что я делаю. Я радуюсь, обслуживая этот дурацкий маяк. Это -- моя жизнь. И если тебе удастся то, что ты задумал, нет, не говори мне об этом, пожалуйста! Я ничего не хочу знать! Я просто буду надеяться, что ты иногда заглянешь ко мне на огонек сыграть партию-другую в шахматы.

-- Обязательно, -- пообещал я.

-- Если хочешь, утром можешь взять "Бабочку".

"Бабочка" -- это его парусное судно.

-- Прежде чем ты уйдешь, я хочу предложить тебе взять мою подозрную трубу, взобраться на башню и посмотреть назад, на Гарнатскую Долину.

-- Что я там могу увидеть?

-- Об этом тебе лучше судить самому, без помощников, -- пожал он плечами.

-- Хорошо, я сделаю это, -- кивнул я.

Затем мы много пили, пока не почувствовали себя совершенно раскованно, а затем принялись устраиваться на ночлег. Мне будет не доставать старика Жупена. За исключением Рейна, он был единственным другом, которого я нашел при своем возвращении. Засыпая, я подумал о долине, которая стала простыней

огня в тот день, когда мы проходили ее с войском. Что необычного могло там происходить сейчас, четыре года спустя?

Мне снились тревожные сны об оборотнях и шабашах. Я спал, и над моей головой всходила полная луна.

Когда я поднялся, только-только начало светать. Жупен еще спал, и я был рад, потому что мне не хотелось устраивать никаких особых прощаний, и у меня было странное чувство того, что я вижу его в последний раз.

Я взобрался на башню, в комнату, где горел огонь маяка, захватив с собой подзорную трубу. Я подошел к окну, выходящему на берег, и стал смотреть в нее на долину. Над лесом висел туман. Это был холодный, мокрый туман, который, казалось, прилипал к вершинам низкорослых деревьев. Деревья были черными, и ветви их переплетались вместе, как скрюченные пальцы паралитиков. Среди них мелькали какие-то непонятные черные животные, и по внешнему виду я понял, что это были не птицы. Может быть, летучие мыши? Какое-то злобное присутствие чувствовалось в этом лесу, и неожиданно я понял, что это.

Все это я сделал своим проклятьем. Я переродил мирную Гарнатскую Долину в то, что она сейчас собой представляет; это был символ моей ненависти к Эрику и всем тем, кто сражался за него, позволил ему захватить власть, выжечь мне глаза каленым железом. Мне не нравилось, как выглядит этот лес, и когда я на него смотрел, я понял, как воплотилась в жизнь моя ненависть. Я знал, потому что это все было частью меня.

Я создал новый ход в реальный мир. Гарнат сейчас был тропинкой сквозь Отражения, мрачные и суровые. Только злое, дурное могло идти по этой тропинке. Это и был источник тех ЧУДОВИЩ, о которых говорил Рейн, чудовищ, которые беспокоили Эрика. Хорошо, в определенном смысле конечно, если эта борьба отвлечет его от всего остального. Но когда я опустил подзорную трубу, я никак не мог избавиться от чувства, что я сделал что-то плохое. В то время я еще не знал, что когданибудь увижу свет.

Но сейчас, когда зрение ко мне вернулось и я вновь на свободе, я понял, что выпустил из бутылки Джинна, которого очень тяжело будет загнать обратно. Даже сейчас, без трубы, я видел, как какие-то странные формы двигались в этом выжженном лесу. Я сделал то, что никто и никогда до меня не делал со времени правления Оберона: открыл новый путь в Эмбер. И я открыл его только для плохого. Придет день, когда король Эмбера, кем бы он ни был, будет стоять лицом к лицу с проблемой, как закрыть этот путь. Я знал все, глядя туда, вдаль, все понимая, потому что это было моим созданием, продуктом моей боли, гнева, ненависти. Если я когда-нибудь выиграю битву за Эмбер, то мне придется разбираться с делом рук своих, а это всегда нелегко. Я вздохнул.

Ну что ж, пусть будет так, -- решил я. -- А тем временем Эрику будет чем заняться, чтобы не скучать.

Я быстро перекусил, снарядил "Бабочку", натянул паруса, оттолкнулся от берега и сел за руль. Жупен обычно вставал в этот час. Но, может быть, он тоже не любил долгих прощаний.

Я направил лодку к ближайшей земле, такой же сияющей, как Эмбер, -- месту почти бессмертному, но которое больше не существует, практически не существует. Это место пожрал Хаос много веков назад, но где-то от него должно остаться Отражение. Мне оставалось только найти его, узнать и сделать опять своим, как это было в давние времена. Затем, когда за мной будут стоять войска, я сделаю еще одну вещь, которой не знал Эмбер. Я еще не знал, как это сделаю, но обещал себе, что в день моего возвращения в бессмертный город, повсюду будут полыхать выстрелы пушек. Когда я отплыл в Отражение, белая птица моей судьбы прилетела и уселась на мое правое плечо, и я написал записку, привязал к ноге птицы и послал ее в путь. В записке было написано: "Я ИДУ", и стояла моя подпись.

Я не успокоюсь, пока не отомщу и трон не окажется моим, и тогда, милый принц, прощайте все те, кто стоит мржду мной и моей целью.

Солнце висело низко, над моим левым плечом, а ветры надували паруса и

несли меня вперед. Я выругался, а потом засмеялся.

Я был свободен, и я бежал, но пока мне удавалось все. И у меня появился тот шанс, о котором я мечтал.

Черная птица моей судьбы прилетела и уселась мне на левое плечо, и я написал записку, привязал к ноге птицы и послал ее на запад.

В записке было написано: "ЭРИК, Я ВЕРНУСЬ".

И стояла подпись: "КОРВИН -- ПОВЕЛИТЕЛЬ ЭМБЕРА".

Демон-ветер нес меня к востоку от солнца.